

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЖУРНАЛ

КОММУНИСТ

Издается с апреля 1924 года.
До октября 1952 года выпускался под названием «Большевик». С сентября 1991 года по июль 1995 года журнал не издавался. Издание продолжилось с августа 1995 года по октябрь 2017 года. С ноября 2017 года по декабрь 2020 года журнал не издавался.

ЖУРНАЛ КОММУНИСТОВ

**Выходит один раз
в три месяца**

№1

Январь – Декабрь 2020 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Памяти товарищей	3
Российское общество с точки зрения крупного социолога и поэта В. Н. Иванова	11
В. И. Староверов. Религиозно-исторические истоки колхозного строя	16
М. К. Голубев. Идеология будущего Путина	39
Н. Т. Кремлёв. Наше будущее — коммунизм	100

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Голубев М. К. — заместитель главного редактора,

Константинов В. А. — редактор,

Кремлёв Н. Т. — главный редактор

Староверов В. И. — редактор

ПАМЯТИ ТОВАРИЩЕЙ

Редакция журнала Коммунист с прискорбием сообщает, что 31 октября 2017 г. на 73-м году ушел из жизни Бурдюгов Владимир Викторович, главный редактор журнала «Коммунист».

Бурдюгов Владимир Викторович родился 7 декабря 1944 года в городе Шахты Ростовской области. Окончил Московский институт электронного машиностроения по специальности радиоинженер и философский факультет Университета марксизма-ленинизма. Член КПСС с 1971 года. После развала СССР Бурдюгов В. В. руководил оргкомитетом по возрождению Российской партии коммунистов. В 1993–1994 годах входил в Национальный Совет Фронта национального спасения. В апреле 1994 году создал и возглавил Коммунистическую партию «Левая Россия». Для отражения борьбы коммунистов и выработки общей идеологии такой партии он поднял из либеральных руин и восстановил марксистский характер журнала «Коммунист», учредил газету «Российская правда» и стал главным редактором этих изданий.

Преданность Владимира Викторовича идее построения коммунистического общества в нашей стране четко обозначилась еще в конце 80-х годов, когда горбачевско-ельцинское руководство КПСС, откровенно утратив вековые пролетарские позиции, а вместе с ними и способность вести страну по пути социально-экономического прогресса, принялось насаждать в СССР формы частного предпринимательства. Это было не просто предательство основного положения партийной идеологии, известного со времени публикации «Манифеста коммунистической партии» в 1848 году, утверждавшего: «Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности». Решение о разгосударствлении собственности означало практически полную утрату всех научных представлений о коммунистическом обществе. Оно оставляло за марксизмом лишь функцию прикрытия буржуазного возрождения партийного руководства. Главным в руководстве КПСС стала борьба кланов за лидерство и партийно-номенклатурные привилегии, т. е. за свои собственные шкурные интересы.

Бурдюгов В. В. прекрасно видел эту фарисейскую природу партийной бюрократии и ее закулисную борьбу ради привилегий, жертвой которой

становится общее дело — строительство коммунистического общества. Такая борьба за первенство Горбачева и Ельцина привела к чудовищному результату — развалу СССР и всего социалистического содружества. В 1990 году Бурдюгов В. В. стал одним из главных создателей Марксистской платформы в КПСС, пытавшейся сохранить идейные основы партии. Однако выхолащивание сути марксизма в партийной верхушке зашло слишком далеко, а прислушиваться к мнению нижестоящих товарищей она вообще не умела. Поэтому предотвратить контрреволюционный буржуазный переворот сверху уже было невозможно. В стране разразился экономический и политический кризис, а затем наступил тяжкий период смуты во всем левом движении, осложненный расколом коммунистов на множество групп и течений со своими лидерами и собственной идеологической платформой, марксистской по форме, но с разнообразными отклонениями от коммунистической идеологии по содержанию.

В России 90-х годов возникло более 20 организаций социалистической направленности. В их числе «Коммунистическая партия Российской Федерации» (КПРФ), «Российская коммунистическая рабочая партия» (РКРП), «Российская партия коммунистов» (РПК), «Российский объединенный трудовой фронт» («РОТ-фронт»), «Трудовая Россия», «Всесоюзная коммунистическая партия большевиков» (ВКПБ), четыре комсомольские организации. Все они решительно заявляли о своей приверженности учению классиков. Однако в их программных документах и в практической деятельности имели место серьезные различия, что служило основанием для обвинений друг друга в отступничестве от идеалов построения нового общества. Но марксизм, как и любая наука, не может иметь множество интерпретаций. Разнообразными могут быть только формы непонимания его отдельных положений. И чем шире круг таких деформаций марксизма в идеологии партии, тем больше ошибок она допускает в своей революционной деятельности, тем меньше ее авторитет в обществе. Само количество левых организаций с разной по сути идеологией, но с общим, пролетарским ее названием говорит о практически полной утрате ими научной составляющей марксизма.

Создавая свою «Коммунистическую партию Левая Россия», не признающую догматизма и идолопоклонства (согласно уставу КПЛР), Бурдюгов В. В. стремился дать пример обновленной идеологии, на основе которой он надеялся объединить коммунистов в единую организацию авангардного типа. Он справедливо полагал, что объединяться нужно вокруг истинно коммунистической программы, а не вокруг руководителя той или иной партии, каждый из которых видел себя во главе созданного союза коммунистов.

Однако объединение коммунистов на общих целях борьбы с буржуазной реставрацией оказалось крайне сложным делом. Бурдюгов В. В. понимал, что левое движение в России поражено двумя серьезными пороками: личными амбициями партийных лидеров и общей деградацией партийной идеологии, доставшейся в наследство от КПСС. В таких

условиях отход от теории марксизма неизбежен. Неправильное понимание законов общественного развития самими лидерами и их идеологическим окружением, во-первых, не осознается руководством, во-вторых, закрепляется в базовых партийных документах, в-третьих, лишает партию перспективы завоевать власть, поскольку строить коммунистическое общество на искаженных представлениях о нем невозможно в принципе, в-четвертых, это довольно быстро обнаруживается. Ошибки лидеров всегда служат идеологической основой разобщения коммунистического движения в целом. Именно по этой причине ни одна из коммунистических организаций не обеспечила устойчивого роста своих рядов и сторонников в обществе. Критический же настрой части партии формирует внутреннюю оппозицию лидеру с последующим отделением группы недовольных положением дел в партии и созданием новой организации с якобы более прогрессивной идеологией.

Для различных отрядов коммунистов главным становится не дело формирования коммунистического общества, а межпартийная конкуренция за представительство партии в буржуазных органах власти. Сама же партия превращается в коммерческую организацию по реализации материальных интересов лидера и его ближайшего окружения.

В многочисленных публикациях Бурдюгову В. В. не раз приходилось констатировать, что у руководства левых организаций России (в КПРФ, в РКРП-РПК и др.) стоит не лучшая часть бывшей партийной номенклатуры КПСС. «И ведут они себя также — всезнающие, непогрешимые, подстраивающиеся под власть, порой даже кричащие о ррреволюционности, но не имеющие никакого желания реализовывать эту ррреволюционность на практике».

Другая тема для критики — удержание личной власти в партии. Чаще всего за эти наклонности порицается лидер КПРФ: за стремление подмять под себя все стороны деятельности партии, за отсутствие серьезной идеологической работы в партии, за слабость подготовки коммунистов для работы среди широких масс трудящихся. Бурдюгова В. В. возмущало получение КПРФ денег от Березовского, ЮКОСа и других олигархов, но особенное негодование вызывала торговля местами в Думе, когда за большие деньги в партийный список кандидатов от КПРФ включались представители капитала, проводящие в Думе антинародную политику, в том числе и противоречащую деятельности КПРФ.

Господская политика Зюганова не раз приводила к конфликтам, к исключению неугодных, расколу партии и уходу из КПРФ несогласных с введенными порядками. В один из таких моментов, когда идейная направленность официальной КПРФ, ее тактика и стратегия окончательно проявили себя как оппортунистические, и значительная часть коммунистов КПРФ решила выделиться в самостоятельную организацию, Бурдюгов В. В. дал собственный пример отказа от личных амбиций. На учредительном съезде ВКПБ(будущего) 11 сентября 2004 г. Коммунистическая партия «Левая Россия» вошла в состав новой партии и фактически явилась ее

соучредителем. Ну а сам Владимир Викторович добровольно отказался от занимаемого поста руководителя партии, заняв должность одного из рядовых членов руководящего органа новой партии (политбюро).

Еще более серьезным фактором провала левого движения, препятствующим объединению коммунистов, Владимир Викторович считал идеологический упадок, доставшийся в наследство от советского периода. Отказываясь от личных амбиций, он выбирает главным делом для себя не роль лидера партии, а творческую роль духовного лидера всех коммунистов России и мирового коммунистического движения. Он создает пространство для дискуссий по спорным вопросам теории, становится учредителем и главным редактором журнала «Коммунист» и газеты «Российская правда», готовит коммунистов к правильному пониманию объективных законов общественного развития, своей внутренней логикой ведущих все человечество к построению именно коммунистического общества, но непременно через осознание этих самых законов общественного развития политически активной частью общества.

Бурдюгов В. В. был убежден, что подлинное объединение коммунистов может быть только на общих представлениях, адекватно отражающих логику законов общественного развития. Именно искаженные представления в разных вариантах как раз и образуют идеологическую основу множества коммунистических организаций, каждая из которых провозглашает свою идеологию истинно марксистской, обвиняя остальных в ревизионизме. Он порицал коммунистов за некритическое или даже терпимое отношение к ошибкам лидеров, их безответственности за провалы партии, за косность идеологии, принятой партийным руководством.

Российская история дает нам немало примеров, когда переломные и особенно сложные революционные времена в ходе борьбы выковывают такие таланты и таких великих людей, которые в обычные периоды были невозможны. Восстановление научного понимания законов развития общества — задача гигантской сложности, требующая героической самоотдачи, критического мышления и незаурядных творческих способностей. Проявление этих качеств мы могли видеть буквально в каждом номере названных изданий на протяжении почти четверти века. Такого человека, который выработал в себе этот исключительный творческий талант, нам не найти никогда. И в этом смысле Владимир Викторович был незаменимой личностью, если под заменой понимать возможность найти одного человека, совмещающего в себе такие способности. Он один делал такой объем работ по оценке программных документов партий и организаций левого спектра в разнообразных вопросах тактики и стратегии революционных действий, организации публикаций в лично редактируемых им изданиях, на который был способен только коллектив специально подготовленных литераторов, политологов и обществоведов. Та работа, которую он делал один в области идеологии, теперь под силу лишь значительной группе квалифицированных специалистов. И не факт, что им удалось бы достичь того результата, который давал единолично Владимир Викторович.

Наши вожди и руководители считают марксизм образца 20-х годов прошлого века вполне достаточным для себя идеологическим основанием. И у них нет понимания необходимости пополнять свои знания. Они не интересуются новинками экономической мысли и никак не реагируют на упреки в недостатке или отсутствии верных взглядов по тем или иным разделам теории. В итоге они теряют способность отстоять марксизм, не находят нужных для борьбы с примитивным либерализмом аргументов, в теоретические дискуссии не вступают. При этом перепев немарксистских идей под марксистским флагом, по мнению Бурдюгова В. В., только раздражает население. В итоге популярность коммунистических идей и численность партий левой ориентации продолжает падать.

Если мы признаем марксизм развивающимся учением, то каждый крупный отрезок времени существования людей должен давать результаты его научного обобщения в качестве дополнений к уже полученным представлениям о законах развития общества. Их следует осваивать коммунистам. В частности, и советский этап, и постсоветский период принесли новые знания, которые позволяют решить застарелые проблемы социализма на новой теоретической основе. Бурдюгов В. В. обращал на это особое внимание. Но вместо усвоения нового знания и исправления просчетов в своей идеологии коммунисты догматизируют сложившиеся у них представления. Вместо систематического освоения новаций, как главной задачи поддержки своей идеологии на высоком научном уровне, они заняты восхвалением извротливости буржуазии, которой удастся навязывать обществу ложную систему взглядов. Потому и получается, считал Владимир Викторович, что коммунисты и их лидеры остаются на таком уровне понимания проблем, который не дает им ни малейшего шанса на успех в продвижении марксизма в общественное сознание.

В журнале «Коммунист» Бурдюгов В. В. дал множество статей, отвечающих на вопросы, интересующие сторонников СССР, коммунизма и марксизма. И сам Владимир Викторович, и авторы статей, не стеснялись в выражениях, со ссылкой на документы, вскрывали лицемерие «нового мышления» Горбачева, А. Яковлева, Чубайса, Е. Гайдара, Попова, Цыпка, буржуазного по сути, других представителей интеллигенции, внесших варварство и допотопные представления о «рыночной экономике», до сих пор блокирующие развитие, формирующие антинародный характер экономической национальной политики правительства России, ведущие к уничтожению науки и наукоемкой промышленности, разрушению инфраструктуры (например, энергетических коммуникаций), к значительному снижению уровня образования в школах и вузах, к депопуляции населения.

Журнал разъяснял, что демократия у нас остается исключительно буржуазной диктатурой, критиковал политику правительства по отношению к религии, выступал против религиозного дурмана, колдунов, астрологов, предсказателей, экстрасенсов, выдумок о «космическом разуме».

При этом целью критики было не столько желание осудить, сколько показать, что из себя представляет современная Россия: ее экономика, классы, чьи интересы отражает и защищает правительство РФ.

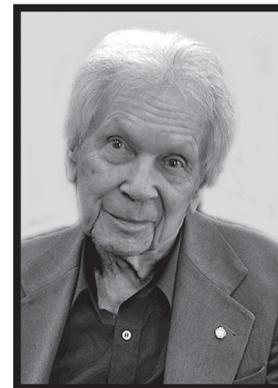
Разоблачая антикоммунизм и антисоветизм, статьи журнала показывали истинную историю СССР, правду о революции, об осуждении В. И. Лениным террора, о времени, когда во главе СССР стоял И. В. Сталин, ратовавший за развитие общественных наук, о деятельности других советских руководителей. Разоблачая лживые высказывания о вождах коммунистического движения, Бурдюгов В. В. давал широкую панораму коммунистического движения в мире, публиковал информацию о международных форумах марксистов, встречах коммунистов у нас в стране и за рубежом. В журнале постоянно публиковались материалы КПРФ, СКП, КПСС, РКРП РПК, КП Социальной справедливости, НПС, пропагандировавшей марксистские взгляды, Народной академии наук и других левых научных организаций.

Бурдюгов В. В. внимательно следил за расстановкой политических сил и публиковал программы различных коммунистических партий, чтобы не только показать теоретические и практические ошибки, но иметь материал для выработки действительно коммунистической программы. В журнале давались объявления о марксистских, коммунистических и других левых конференциях, постоянно сообщалось о коммунистических и левых изданиях, печатались полемические статьи теоретиков левого движения, в которых нередко встречались и спорные положения, например, о необходимости при социализме народных акционерных предприятий, даже о возможности конвергенции социализма и капитализма. Такой подход позволял видеть весь спектр мнений и не повторять ошибок при разработке концепции будущего. Сам Владимир Викторович выступал со статьями, показывавшими, что и в будущем человечеству придется решать множество проблем социально-экономического порядка.

Вся жизнь Бурдюгова Владимира Викторовича — пример высокого уровня коммунистического подвижничества, бескорыстного патриотического служения интересам людей труда, единения коммунистов. Не имея широкой кадровой опоры, он выпускал уникальный журнал «Коммунист», газету «Российская правда», ставшие летописью левого движения в России смутного периода капиталистической реставрации. Завершающей точкой его творческого пути стал номер журнала «Коммунист», посвященный 100-летию Великой Октябрьской Социалистической революции, в котором еще раз было рассказано о величайшей в истории человечества революции рабочих и крестьян, где вновь звучит страстный призыв к коммунистическому единению.

Владимир Викторович ушел из жизни на 73-м году, 31 октября 2017 г. Память о стойком и беззаветном борце за коммунизм сохранится в сердцах его соратников, а наши потомки будут изучать период смутного времени по его бесценному творческому наследию.

15 ноября 2020 г. прервалась жизнь выдающегося ученого, публициста и коммуниста, философа Ричарда Ивановича Косолапова.

Ричард Иванович родился 25 марта 1930 года на Дону. От отца, красного казака, ответственного советского и партийного работника, ему передались идеи коммунизма. По окончании Философского факультета МГУ в 1955 г. Р. И. Косолапов был на комсомольской работе, вступил в ряды КПСС, преподавал философию в пединституте, а в 1961–1964 гг. уже на Философском факультете МГУ, организовав там кафедру исторического материализма. Окончив аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию, в 1966–1974 гг. работал в аппарате ЦК КПСС, защитил докторскую диссертацию и дошел до заместителя заведующего

Отделом пропаганды и агитации. С 1974 г. Ричард Иванович продолжил работать в МГУ в области социальной философии в звании профессора. В 1976 г. он был избран кандидатом, а в 1981 г. — членом ЦК КПСС. В 1974–1976 гг. он был направлен на работу в газету «Правда» в качестве заместителя главного редактора и вскоре возглавил Союз журналистов СССР. В марте 1976 г. Косолапов был назначен на должность главного редактора в журнал «Коммунист». Творчески подходя к работе, он полагал, что социализм в СССР не достроен, выступал за подлинное равенство, считал, что наступает постиндустриализм, а творческий труд — потребность личности. Р. И. Косолапов стал одним из составителей новой программы КПСС, принятой на XXVII съезде КПСС. Творческая деятельность Ричарда Ивановича была высоко оценена. Он кавалер орденов Ленина, Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени. В январе 1986 г. Косолапов обратился к Горбачеву с письмом, где осудил перестройку, пояснив, что она окончится провалом, за что был изгнан из редакции «Коммуниста» и ЦК КПСС. В марте он вернулся на Философский факультет МГУ, где возглавил Кафедру социальной философии, входил в ряд специализированных советов, проработав в МГУ до 1991 г.

Косолапов всеми силами боролся за сохранение СССР, всячески отстаивал советские идеи, стремясь показать преимущества советской системы, оболганной пособниками капитализма. В 2016 г. он стал членом Юбилейного комитета по подготовке к 100-летию Великой Октябрьской социалистической революции. В связи с запретом КПСС Ричард Иванович возглавил «Федерацию коммунистов вузов Москвы». Чтобы иметь возможность развивать марксизм в условиях разлагающейся его политики перестройки, он стал одним из создателей «Ассоциации

научного коммунизма». Стремясь к объединению коммунистов, Косолапов в 1989 г. стал сопредседателем Объединенного Фронта Трудящихся (ОФТ), в 1990 г. — ответственным секретарем Движения Коммунистическая Инициатива (ДКИ), в 1990 г. принял участие в двух съездах коммунистов России. На платформе ОФТ и базе ДКИ в ноябре 1991 г. была создана Российская коммунистическая рабочая партия, и Косолапов был избран в ЦК. Стремясь к объединению коммунистов, он перешел в КПРФ, где был избран в ЦК и в ЦИК, но начал критиковать псевдокоммунизм Зюганова и покинул КПРФ. В 2012 г. на объединительном съезде РКРП и КПСС Ричард Иванович был избран в ЦК. Стараясь сохранить и развить марксизм, распространять коммунистические идеи, Косолапов стал председателем Федерации коммунистов учебных, научных и творческих организаций, вошел в президиум Общественной Народной Академии наук, в редакционно-издательский совет международного теоретического и общественно-политического журнала «Марксизм и современность», основал Рабочий университет им. И. Б. Хлебникова. Косолапов был избран сопредседателем созданного в 1993 г. общества «Российские ученые социалистической ориентации» (РУСО), которое издало значительное количество книг, говорящих о неизбежности социализма и коммунизма, показывающих перспективы социалистического развития. Отдавая дань уважения величию достижений И. В. Сталина, Р. И. Косолапов способствовал возобновлению в 1997 г. издания 14–18 томов трудов И. В. Сталина, со своим предисловием. Позднее начал осуществлять под своей редакцией проект «Сталин. Труды» (35–40 томов), куда должны войти и опубликованные, и неизданные работы.

*Редакция «Журнала Коммунист» считает своим долгом
продолжить борьбу за коммунизм, которую вели
наши предшественники.*

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КРУПНОГО СОЦИОЛОГА И ПОЭТА В. Н. ИВАНОВА

Призыв социолога

Конечно, в жизни все непросто,
Но вдумайся, сравни — и ты поймешь:
То, что случилось в девяностых,
Реформами не назовешь.

Девяностые годы (резюме)

Они и прошлые, и настоящие,
Ревущие и рвущие, разящие.
Года, нас униженьем поразившие,
Годами криминальными прославившие,
Принесшие нам беды и напасти,
Приведшие господ чубайсов к власти,
Посеявшие рознь, и страх, и смерть,
Сумеет ли мы их преодолеть?
Сумеет ли для новых дел собраться,
Восстать из пепла и прорваться,
И взять достойные страны высоты?
Об этом наша главная забота.

Приспособившиеся

Другая утвердилась жизнь,
Другие ценности и нормы,
И «вдруг прозревших» ныне прорва,
Им чуждым стал социализм.

«Семибоярщина»

Всем ситуация видна,
И этого не скрыть от мира,
Что платит дань великая страна
Ограбившим ее банкирам.

Власть

Сегодня всем, наверно, очевидно,
Кто ныне сущее пытается понять,
Как расточительна и как недальновидна
Чиновников и олигархов власть.

Причина неудач

Почему мы так бедно живем,
Почему за провалом провалы,
И разлад сотрясает наш дом?
Потому что у власти в стране либералы.

Нам истина во всем нужна
Для дела, а не для забавы.
Россия — левая страна,
А власти нас толкают вправо.

Страна сумела пережить
Года тяжелые, разбойные, глухие,
И время подошло решить:
Возможен ли капитализм в России.

Власть предрержащим

Хочу их убедить, когда сумею:
Судьба нам многое дала,
Но чтоб творить великие дела,
Нужна великая Идея.
Провалов нынешних секрет —
В том, что такой идеи нет.

Невостребованность

*Основная беда российской науки —
это невостребованность научных результатов...*

Академик РАН Ж.И. Алферов

Ученый знает, как живет страна,
И говорит о многом смело:
Тем, кто с трубой имеет дело,
Наука вовсе не нужна.
Им важно, чтобы спрос на газ продлился дольше,
Чтобы за нефть платили больше,
Чтоб рос от этого доход,
Ну а наука — подождет.

Приватизация

Барыг и жуликов мечта,
По сути — явное пиратство,
Одним досталась нищета,
Другим — чрезмерное богатство.

Раскол

На две неравные страна разбита части:
На тех (их большинство), кто кое-как живет,
Кому достались бедность и напасти,
Так называемый «простой народ»,
И тех, кто в девяностые лихие
Ограбил без стыда Россию
И, захватив огромный капитал,
Его в офшоры переслал,
И стал богат и знаменит,
И сверху на «простых» глядит,
Кто нагл и жаден бесконечно.
Но так не может длиться вечно,
И терпеливый наш народ
Решительное слово скажет,
Воров и жуликов без жалости накажет,
И разобщению в стране конец придет.

Неверно понята свобода —
Потери, словно в дни войны.
Задачу сбережения народа
Перед собой поставить мы должны.

Мы и Европа

Нас нынче слушают с трудом,
Готовые учить, стыдить, «наказывать».
Не надо никому и ничего доказывать —
Россия собственным должна идти путем.

Предостережение

Мы убедить себя пытаемся напрасно,
Что выбрали вполне надежный путь.
Купаться в нефтедолларах опасно:
Однажды можно утонуть.

Перспектива

В своем движении победном
Мечтают нынче господа,
Что доллар станет нашим брендом.
И что тогда?
На сей вопрос ответить сложно,
Я не берусь.
Хотя сказать, наверно, можно:
Восстанет Русь!

Вопрос на референдум

Хотим ли мы движенье продолжать,
Движенье, цель которого — нажива,
Нужна ли нам такая перспектива —
Кого-то бесконечно догонять
И на бегущих впереди равняться,
Каких-то санкций опасаться,
Подвохов от «партнеров» ждать.
Не лучше ли себя понять
И никому не подражать,
От зряшних целей отказаться
И верными себе остаться?

Вернуть былую мощь и славу
И для себя определить,
Кем мы хотим сегодня быть:
Полуколонией иль снова сверхдержавой?

Война с прошлым

С прошлым продолжается война,
И, право, может позабавить,
Как научились моськи лаять
На тень великого слона.

Я к этой теме возвращаюсь снова,
Чтобы во всеуслышанье сказать:
Не Сталина нам нужно осуждать,
А Ельцина, «бояр», и Горбачева.

Утопия

Задумался о том, могу признаться,
Как сделать, чтоб без бунта и потерь,
Не через годы, а теперь,
От собственности частной отказаться?
Вернуться к тем далеким временам,
Когда жилось вольготно нам.
Когда день завтрашний встречали мы без страха
И не было в России олигархов.
Себя и Вас хочу спросить:
Возможно ли такое совершить?

Главное

Отцов и дедов видеть славу,
Их светлой памяти служить
И русскую великую державу
Стараньем общим возродить!

Взгляд слева

*Новый социализм вызревает
в недрах русского сознания.*

Александр Проханов

Сомнений нет: нас вскоре ждет
Такой желанно-неизбежный,
Не обязательно мятежный,
В России левый поворот,
Он, только он страну спасет!

Парадокс

*Философы лишь различным
образом объясняли мир,
но дело заключается в том,
чтобы изменить его.*

Карл Маркс

Мы Сущее познать стараемся,
Чтоб бытия основы изменить
И по другим канонам жить.
И знаем, как желанного достичь,
Но почему-то не решаемся.

Мы сможем!

Я юных пробую сегодня убедить:
Пусть жизнь несправедлива и сурова,
Но для успеха есть основа,
Мы сможем выстоять,
Мы сможем победить!

Когда в средствах массовой информации заходит разговор об участившихся случаях преступлений: коррупции, мошенничестве, казнокрадстве и т. п., начинаются досужие рассуждения о плохом воспитании, влиянии преступной среды, недостаточной работе местных административных или охранительных органов и т. п. Однако философствующее верноподданническое большинство, опасаясь вызвать гнев высокого начальства, лишь изредка решается высказать отдельные обобщения, хотя и понимает, что бытие определяет сознание. В то время как в СССР официальная коммунистическая идеология включала передовую мораль, утверждающую, что человек человеку друг, товарищ и брат, буржуазная мораль общества, окончательно не вышедшего из эпохи свободной конкуренции, утверждает, что человек человеку волк, готовый разорить и уничтожить любого, даже потенциального конкурента, а для того чтобы выжить, надо быть эгоистом.

В России, в силу сложного географического положения, требующего усилий в борьбе с неблагоприятными климатическими условиями, защиты родной земли от вторжений с Запада и Востока, не только у русского, но и у всех проживающих в ней народов, традиционно сложились братские отношения между народами, а также понимание необходимости коллективизма, особенно усилившееся в советский период. Настоящая статья прекрасно демонстрирует именно эту черту нашего народа.

Редакция

В. И. Староверов

РЕЛИГИОЗНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ КОЛХОЗНО-СОВХОЗНОГО СТРОЯ

Со времен последнего этапа так называемой горбачевской перестройки и по сию пору в либеральной и неолиберальной печати то специально, то фоном гуляют инвективы об антиисторизме и идеологической обусловленности, а потому и неэффективности колхозов и совхозов СССР. Сегодня этим пробавляются зубры антикоммунизма И. Буздалов, Л. Млечин, А. Ципко и сонм более мелких его зоилов.

Во многих своих монографиях последних десятилетий я приводил социально-экономические, социокультурные и иные аргументы необоснованности и идеологической заданности таких инвектив. Сейчас, учитывая всеобщий интерес к событиям в православии, хочу аргументировать последний тезис анализом религиозно-исторических предпосылок коллективизации российской деревни.

Как атеист я вообще-то никогда не интересовался социологической стороной религии. Однако, будучи потомком старообрядческого рода, много читал литературы о язычестве, крещении Руси и перипетиях православия в России, поскольку еще в отрочестве у меня появилось желание проникнуть в ментальный мир пращуров из нашей старообрядческой династии и со временем написать о нем, если не роман, то публицистическое эссе.

Интерес к нашей родовой династии пробудил во мне старорусский краевед И. Вязинин, прозванный Ведун. С ним мы пересеклись в редакции «Старорусской правды», в которую я с одиннадцати лет начал писать селькоровские заметки и корреспонденции. Узнав, откуда я и мою фамилию, он сказал: «Знай, твоя деревня Ужин упоминается в летописях XIV века. И кстати, в архивах я нашел донос ужинского попа на вероучителя местных староверов Кузьму, не твой ли предок?»

С того момента я стал собирать сведения о своих предках. И уже в школьные годы накопил неплохой архив о них. Самым ценным в нем были пестревшие «ерами», «ятями» и «ижицами» эпистолярные артефакты нашего долгожителя прадеда, старосты ужинского молельного дома староверов Николая Кузьмича, свидетеля событий XIX века (прожил 104 года), а также написанные по-старославянски записки прапрадеда Кузьмы о его хождении в Выговское общежительство старообрядцев. Перевести их на современный язык мне помог бывший прислужник молельного дома, почитатель памяти Кузьмича дед Федос. Оригиналы я отдал Ведуну за его обещание написать о вероучителе рушан Кузьме.

Сам я ни романа, ни эссе так и не написал. Однако в годы буржуазной контрреволюции и реставрации в России капиталистического строя мне все чаще стали приходиться на ум давние артефакты моих старообрядческих предков, поскольку в социокультурных и социально-экономических отражениях их религиозных представлений я начал обнаруживать связь с проблемностью современной деревни. Более того, такая связь протянулась и с языческими истоками их приверженности к древнеславянскому православию.

Именно освещению характера этой связи и посвящена эта статья. В частности, я хочу поведать о духовных, социальных и иных ценностях, почерпнутых прапрадедом не только в Даниловском монастыре на реке Выг, но и в общежительстве старообрядцев на Выгозере.

Вообще-то, до недавних пор единственным моим материалом, который имел некоторое отношение к религиозной теме, была статья, опубликованная в бытность мою студентом журфака МГУ в газете «Советская культура», о сельских знахарях, колдунах и не учтенных в церковных кондуитах «святых» типа новгородского Антония Леохновского (1).

Потом мои журналистские интересы отделились от религиозной тематики, тем более что через десять лет я ушел в науку, конкретнее — в дебри аграрно-сельской социологии. А наука за тематический разброс в исследованиях, если вы не гений энциклопедист, как правило, наказывает, обрекая исследователя на скольжение по верхам проблематики,

не допуская его до познания глубинных таинств реальности, особенно социокультурной.

О записках Кузьмы я вспомнил уже в 1991 г. в ходе полемики на Всесоюзном радио с членами межрегиональной депутатской группы, а именно с популярными тогда у перестройщиков публицистом-деревенщиком Ю. Черниченко и академиком Т. Заславской, рьяно требовавшими преобразовать колхозно-совхозный строй в конгломерат единоличных крестьянско-фермерских хозяйств. Издавна склонный к социальной и идеологической стигматизации (навешиванию социальных и иных ярлыков, вызывающих неприязнь к их объектам), Черниченко, наклеив на председателей колхозов и директоров совхозов ярлык «красных баронов», истерично вопил, что коллективизация единоличного сельского хозяйства — это проявления тоталитаризма И. Сталина и ничем не оправдываемого насилия над крестьянством. А массовое строительство совхозов — не что иное, как проявление магистральных тенденций бюрократизации коммунистической партии и послесталинской советской власти.

В полемическом раже он попытался наклеить на процессы развития колхозно-совхозного строя еще два ярлыка: «антиисторизма» этого института и «ниждивенческой природы» советских аграриев, якобы сформированной в процессе борьбы коммунистов с чувством хозяина в них и вследствие отсутствия почвы для обретения этого чувства в виде частной собственности.

Заславская в теорию уклоняться не стала, а просто, продекларировав экономическую неэффективность колхозов и совхозов, предложила распустить их и вместо них учредить 4 млн. единоличных крестьянских и фермерских хозяйств. (Между тем, нерентабельными в последний год существования СССР среди колхозов оказались только 3%, среди совхозов — лишь 1%. Тогда как по итогам 2017 года, с его зерновым рекордом среди частных фермерских хозяйств, убыточными оказалось почти 4/5, среди сельхозорганизаций — около 45% и даже среди крупхозов — чуть ли не треть. Из первых многие держатся на плаву за счет заработков от деятельности вне сельского хозяйства.) При этом Заславская не озаботилась указанием, за счет каких экономических и человеческих ресурсов их можно было бы создать, как это отразится на культурно-бытовой жизни деревни и хочет ли этого само российское аграрное население. (В самый пик фермерского строительства в 1994 г. функционировало около 272 тыс. крестьянско-фермерских хозяйств. На текущий момент результативно функционирует менее трети от этого числа, и еще около 45 тыс. КФХ являются выморочными, не имея скотины и посевов или имея их на уровне личного сельского подворья.)

В своем выступлении на Всесоюзном радио я спрашивал названных либеральных «нардепов», какие условия труда и жизни хотят они создать для сельского населения?

По моим расчетам, для учреждения в условиях природных ограничений российскому земледелию и животноводству только одного КФХ

с цивилизованными, «европейскими» условиями труда и быта аграриев, т. е. на базе их комплексной механизации, автоматизации и электрификации — как это уже было во многих сотнях тогдашних колхозов и совхозов, — требовалось минимум 1,2–1,3 млн. рублей. Тех еще рублей, 76 копеек каждого из которых по потребительской стоимости были эквивалентны 1 доллару США.

Бюджету трансформируемого ельцинско-гайдаровской командой Российского государства такие траты были тогда уже заведомо непосильны, а оценивавшиеся в несколько триллионов рублей материально-техническая база и социально-бытовая инфраструктура колхозно-совхозного строя вследствие концентрированного строения их были к использованию конгломератом КФХ непригодны.

Что же касается черниченковского бреда об «антиисторизме сталинской коллективизации единоличного сельского хозяйства», то он обосновывался вообще аргументами «от фонаря».

Вспомнив ту часть записки своего прапрадеда Кузьмы о его хождении в Выговские обители старообрядческого общежития, в которой он описывал хозяйственно-производственный уклад бытия этих поозерцев, а также артельную практику его сына Николая Кузьмича в XIX в., я напомнил бывшему певцу директорского и председательского корпуса Черниченко о том, что уже в начале XX в. царская Россия делила первое место с объединенной английско-шотландской ассоциацией по масштабам развития кооперации.

А кооперация, вообще-то, в сельском хозяйстве — не что иное, как предшествующая естественно-историческая ступень коллективизации, и далее — агропромышленной интеграции, которая составляла уже в брежневские времена лицо тогдашнего магистрального социалистического курса на преодоление социальных различий между советским городом и советской деревней.

Через несколько лет, выступая на нижегородской научно-практической конференции «Теория и практика бизнеса», я подверг критике возобладавший в радикально-либеральной аграрной политике курс на ликвидацию колхозно-совхозного строя как искусственного, «антиисторического», противостоящего всему мейнстриму международных теорий «экономикс» феномена. При этом я вспомнил само название данное Кузьмой своим запискам: «Хождение к Всепречестной и богоспасаемой киновии отец и братии Всемилошливаго Спаса Господа и Бога нашего Иисуса Христа Богоявления». И в связи с этим напомнил участникам конференции, что устав киновии, т. е. монашеского общежития, разработал в свое время духовный наставник и соратник Дмитрия Донского Сергей Радонежский, причисленный РПЦ к сонму святых. И что тот его устав киновии, предполагающий коллективный труд и коммунальное потребление его результатов, с XIV века по сей день остается для монашеской братии основополагающим принципом ее бытия. (2).

Так что все идеологические диверсии правивших либеральных демократов против колхозно-совхозного лада под прикрытием досужих рассуждений о его «антиисторизме» в корне противоречат реальному ходу истории развития России.

На конференции председатель РОС, хорошо знавший меня как атеиста профессор В. Мансуров то ли с тонкой язвинкой, то ли действительно удивляясь моему обращению за аргументами к религии, столкнувшись со мной во время антракта между заседаниями, изумленно иронизировал: «Надо же, о чем Староверов вспомнил, о киновии!» Но для меня, с детства знакомого с евангелиями, а потом со студенческих времен периодически почитывавшего выборочно Библию и Коран, еще до прихода в науку было несомненным то, что эти энциклопедические сокровищницы исторической мудрости многомиллиардной части человечества полны не только нелепостей (кто-то из французов, кажется Алексис Токвиль, обнаружил в Библии несколько сот противоречий и нелепостей), но и отражений бесценного, достойного повторяемости (в более совершенных формах, естественно) опыта народов.

В частности, в Библии в главе Деяний имеются неоднократные обращения к опыту Доапостольской Иерусалимской Церкви в организации патриархально-коммунистического общежития, нашедшему повторение не только в экспериментах социалиста-утописта Оуэна, но и в отмеченной многими успехами реалистичной, хотя и не всегда рациональной практике советского социалистического строительства.

А перефразированные в соответствие с современной ментальностью населения заповеди Моисея вообще были объявлены, как известно, в программе КПСС основополагающими принципами «морального кодекса строителя коммунизма».

И если вдуматься, то каждая массовая религиозная конфессия (вероисповедание) состоит не только из иллюзорных представлений о сверхъестественном царстве небесных демиургов и достойных божественной милости его насельников, но и из совокупности воззренческих (хотя и превратных) отражений социальных, культурных, бытовых и т. д. реалий, которые составляют ткань исторического существования человечества.

И судя по содержанию Библии, Корана, других сводных обобщений массовых религиозных вероисповеданий, все человечество прошло когда-либо в своей истории через этапы патриархальной коммунальной организации его бытия. А затем, через более или менее полное или фрагментарное существование реликтов ее в последующие формации — рабовладельческую, феодальную, капиталистическую — в виде имевшего религиозное обрамление общежития или, как в России, мирской общинности, а на западе Европы — марки.

У истории России есть еще одна особенность, отличающая ее от западных аналогов, а именно та, что, в отличие от Запада, Россия не прошла в полной мере стадию рабовладельчества. Краткие полтора-два столетия, когда на Руси пленных превращали во временных рабов, прошли по ладу

ее жизнесуществования легким гриппом. Ибо эти рабы по прошествии некоторого времени отпускались на свободу или ассимилировались соответствующей сельской общиной в качестве равноправных сообщинников.

В стадию феодализма древняя Русь вступила, минуя, в сущности, рабовладельческую формацию. И не потому ли и социалистическая революция произошла в нашей стране тогда, когда российский капитализм еще не исчерпал своего потенциала технологического и экономического развития? Что уже Плехановым и троцкистами, а ныне неотроцкистскими либералами рассматривалось и рассматривается как ее экзистенциальный порок, грубое нарушение исторической логики марксистской последовательности смены общественно-формационных стадий.

Этой их, расхожей еще у диссидентов, догматической инвективой, кстати, оправдывают нынешние российские либералы утверждение в нашей стране — в результате ельцинского контрреволюционного общественного переворота — социально гибридного капитализма, сочетающего в себе не только буржуазность этапа грабительского первоначального накопления классического частного компрадорского капитала, но и феодальное крепостничество и даже рабовладение. (По сообщениям интернетовских сетей и некоторых СМИ сегодня в РФ в нелегальном рабском состоянии пребывает не менее 20 тыс. россиян.)

И в пораженное этой догматической инвективой сознание зоилов социализма не приходит подсказываемая той же историей простая здравая мысль. А именно: что, как устойчивость патриархально-языческой коммунальности бытия славян-праорусичей воспрепятствовала в свое время зарождению и укоренению на Руси рабовладения, так и общинные традиции не только в хозяйственно-бытовой сфере, но даже в организации государственности России, сделали возможным для нее избежать язв зрелого капитализма и совершить социалистическую революцию. Этот тезис был обоснован не только А. Герценом в романе «Былое и думы», но и К. Марксом в письме Вере Засулич. Они писали о возможности, благодаря широкому развитию общинности в России, свершить, минуя стадию зрелого капитализма, социалистическую революцию.

Поскольку в данном случае я комментирую хождение в Выговское общежитие своего прапрадеда Кузьмы, хочу поведать, что он там обнаружил и что взял на вооружение в своей деятельности в качестве духовного вероучителя старообрядцев-рушан. Затем, в заключение, попытаюсь обосновать свои соображения о значительности вклада старообрядческих общежитий, артелей и кооперативного опыта старообрядцев в создание предпосылок для социалистического этапа коммунизации нашей страны.

Возвращаясь к «Хождению...» на Выгозеро Кузьмы, должен сказать, что пересказывать его содержание вынужден по весьма несовершенному переводу с церковнославянского деда Федоса, то есть, только абрисно, как я уловил суть этого перевода. Вкратце она такова:

В Олонецкий край на Выгорецкое пустынножитие (или в Выговскую пустынь) Кузьма добрался, как я понял, по воде (челноком)

и пеще, где-то в первой четверти XIX века, то есть на исходе полутора столетий более-менее успешного развития и нескольких десятилетий даже процветания Выговского общежительства.

А узнал он о ней не только по устным рассказам единоверцев, но и из догматического трактата «Бисер драгоценный» М. И. Вышатины, бывшего вязниковского подьячего и старообрядца поморского согласия. А еще больше из сочинений Петра Прокопьева и братьев Андрея (1674–1730) и Симеона (1682–1741) Денисовых, активных и, главное, результативных деятелей старообрядчества, историков и православных богословов, основателей не только хозяйственно-экономического уклада Выговского общежительства, но и Выговской старообрядческой литературной школы.

Андрей Денисов оставил около 119 сочинений, среди которых — выдающиеся трактаты старообрядческой апологетической мысли «Поморские ответы» (3) («Поморские ответы», а в подлиннике «Ответы пустынножителей на вопросы иеромонаха Неофита», объемом в 733 стр., были подготовлены под руководством Андрея Денисова большим кругом старообрядческих поморцев.) Предположительно, образцом для них служило аналогичное сочинение иноков Соловецкого монастыря. Подготовлены в связи с указом Петра I от 22 апреля 1722 г.: «Послать немедленно к староверам, проживающим в Олонецком уезде, из Синода духовное лицо для разглагольствия о происходящем церковном несогласии и для увещевания». Посланный ученый иеромонах Неофит через подьячего с солдатом передал выговским пустынножителям 106 вопросов. Богословски точно выверенные «Ответы» готовились более полугода. Осенью десять выговских пустынников явились с ними к Неофиту. Состоялись их «разглагольствия» с ним, по результатам которых они были «отпущены с миром». Вероятно, помогло хозяйственное радение Денисовых в петровских делах и «Диаконские ответы» — апологетические старообрядческие Ответы на 130 вопросов лютого гонителя староверов нижегородского еп. Питирима. В них даны ясные и неопровержимые доказательства того, что обряды и предания, бережно сохраняемые старообрядцами, суть обряды и предания православной Церкви. Питирим, публично обещавший опровергнуть Ответы старообрядцев, так и не смог этого сделать. Керженские старообрядцы по традиции считают автором их диакона Александра. Выговская традиция приписывает авторство Андрею Денисову. (4) Сам Неофит «мало смирился» с укладом выговского общежительства и спустя недолгое время, не возвращаясь в Петербург, умер.

Из ответов явствовало, что русское православие (то есть полное правоверие святых апостолов и всех богоносных отцов в русской Церкви до реформ Никона) было, по мнению автора сочинений, совершенным и непорочным. А вот реформы патриарха Никона и решения соборов 1656 г. и 1666–1667 гг. помрачили блеск русской святости суеверием и слепотою ересей. Поэтому таинства, совершаемые новообрядческой церковью, не имеют действительного значения и, в частности, крещение по никонианскому обряду не очищает от первородного греха и не дает

благодати Святого Духа. То же касается и таинства священства, которое прекратилось в господствующей церкви, хотя формально и существует. Но русские старообрядцы-беспоповцы питают надежду на восстановление когда-нибудь у себя священства, так как истинное священство представляет грань ипостаси божественного, а потому не может совсем исчезнуть. И конечно же, где-то во Вселенной оно существует и сохраняется до конца света.

Перу Симеона Денисова принадлежит более 40 сочинений, в том числе известные в дореволюционной России догматические трактаты «Виноград Российский» (5) и «История об отцах и страдальцах соловецких», а также два «Слова», исполненных красноречием и любви к «грубым феоdosиянцам».

Недуюжинные организаторы хозяйственной жизни, оказавшие существенную поддержку строительству Петербурга и экономики северо-запада России, братья Денисовы были одними из немногих староверов, которые пользовались благосклонностью императора Петра I. Но взволновавшую моего прапрадеда Кузьму литературную, проповедническую сторону деятельности этих отцов выговского общежительства сегодня, безусловно, надо оставить в сфере попечения иерархов нынешней РПЦ и ее патриарха Кирилла. Ведь удовлетворительного опровержения «Ответов» вероучителей-старообрядцев не смогли дать не только нижегородский еп. Питирим, но и другие столпы никонианского православия, преемником которого является РПЦ.

А меня уже подростком больше заинтересовали и сейчас по-прежнему интересуют не выговская старообрядческая литературная школа, а причины и история социального обособления старообрядцев. А также многовековой социально-экономический уклад их обособления, ставший одним из тех исторических источников, которые в совокупности с общинностью и кооперативными традициями россиян дали импульс советской коллективизации единоличных сельских крестьянских хозяйств.

Что касается причин обособления старообрядцев в своего рода социокультурную касту, то они вытекают из особенностей социальной и политической обусловленности религиозной реформы православия в середине XVII века. Ее обычно связывают с именем патриарха Никона, но если разобратся, она в действительности была инициирована вторым царем династии Романовых и его приближенными. Они просто использовали для своих целей честолюбие нувориша из поволжской семьи бедного крестьянина-мордвина, то есть, Минова Никиты, получившего в иночестве церковное имя Никона (1605–1681).

Унаследовав корону, молодой Алексей Михайлович (1629–1676), который был впоследствии поименован царскими историографами Тишайшим, приблизил к себе Никона не случайно, а преследуя весьма великие, престижные для укрепления державности России замыслы по претворению в жизнь давнего, XVI века, пророчества инока псковского Елизарова монастыря, писателя Филофея, заронившего зерно отечественной геополитической теории «Москва — третий Рим».

Чтобы эта теория получила международное признание, необходимо было, чтобы мысли о переходе благодати Святого Духа и христианства из первых двух предшествующих центров христианского местосвященнодействия их на Русь, в Москву, признали и огласили хотя бы немногие авторитетные богословы Ватикана и Византийского патриархата. А для этого у них должны быть основания. Одного признания того, что христианство на Русь принес еще задолго до Владимира Крестителя один из первых апостолов Христа Андрей Первозванный, было мало. Нужны были более весомые аргументы. А именно, что укрепившееся на Руси православие стало последним подлинным воплощением учений Христа и его осиянных святостью учеников, основавших христианские кафедры и церкви в Западной Римской и в Восточной Римско-Византийской империях.

Увлечшись геополитической идеей единения всего православного мира, Алексей Михайлович задумал модернизацию старых отечественных обрядов богослужения, отмеченных печатью национальной социокультурной особенности и тем самым как бы противостоящих иным, по образцу иноземных традиций, христианских церквей. Прежде всего, новой греческой традиции, поскольку именно в ней, начиная с XIV в. появились нововведения, которые, будучи внедрены в русской церкви, могли бы усреднить ее духовные ценности и тем самым подвести фундамент под претензии Тишайшего на общеправославное лидерство. А оно, как он надеялся, при поддержке влиятельных греческих и западных богословов, должно было вывести державность России и, следовательно, ее царя, на ведущие международные позиции.

То, что такую модернизацию богослужения можно было осуществить только в ущерб древнему русскому православию, молодого царя и его окружение, ведущую роль в котором играли царский родственник Борис Морозов и духовник протопоп Стефан Внифатьев, мало беспокоило, если только вообще беспокоило.

Державные замыслы способствовали ускорению присоединения к России Украины, которая была под омофором константинопольского патриарха и в которой, в то же время, со времен князя галицкого и волынского, получившего от папы римского титул короля Даниила Романовича (1201–1264), были сильны униатские тенденции, продвигаемые в XVII в. довольно активными богословами. Тишайший рассчитывал, что это способствует его реформаторским замыслам.

На роль реформатора-модернизатора функционировавшего русского православия царь и его советники избрали прибывшего в Москву для представления царю игумена Кожеозерской пустыни Никона. Наведя справки о прошлом игумена, они легко просчитали его честолюбивый характер. (В прошлом у Никона был побег из отчего дома с отцовскими деньгами и послушничество в Макарьевском монастыре, но в иноки он из-за ершестости нрава пострижен не был, женился, стал сельским священником. После смерти своих троих маленьких детей принудил жену

принять иночество, постригся сам, поселился в Анзерском скиту на Соловках. Не поладив с основателем скита, бежал, вступил в Кожеозерскую пустынь, предоставив ей вместо вклада переписанные им книги, из-за неуживчивости удалился в уединенную келью. Убедил братию избрать его игуменом, через 3 года уехал в Москву, стал добиваться своего представления царю.) И в то же время, в его понимании православия прослеживались наслоения идей, близких к хазарейскому византизму и представлениям склонных к ватиканству могилевских богословов о старых русских обрядовых традициях богослужения, что должно было обеспечить реформам нужный их замыслам характер. И Никона стали продвигать по лестнице иерархии. Сначала в 1643 г. он получил сан архимандрита Новоспасского монастыря — родового монастыря Романовых, а в 1649 г. был рукоположен в новгородские митрополиты на место еще живого митр. Авфония. В Новгороде он стал вершить суд и расправу, в том числе по уголовным делам, в угоду царским интересам, завел партесное пение по западному образцу, которое перенес в Москву, куда царь пригласил его литургисать вместо больного патриарха Иосифа.

Чтобы укрепить авторитет Никона, сделать его бесспорным кандидатом на пастырский престол, царь отправил его на Соловки за мощами популярного в стране митрополита Филиппа. Никону поручалось перенести их в Успенский собор Кремля. Возвращение этих мощей вылилось в триумфальное пышное шествие. Слава Филиппа в народе невольно осветила и Никона, и вскоре он был избран в патриархи вместо умершего Иосифа.

К этому времени Никон узнал от прибывшего в Москву иерусалимского патриарха Паисия грандиозную идею новой греческой традиции, что *Церковь стоит нерушимо даже при крушении империи, потому что священство выше царства, а Патриарх превыше земного царя*. Загоревшись этой идеей, Никон согласился принять сан патриарха при условии, что ему будет оказываться всеобщее послушание.

Искренне или лицемеря, царь «со всем народом» пал на колени и дал клятву слушаться нового патриарха «во всем, как начальника, и пастыря, и отца краснейшего». И это окончательно вскружило голову и развязало руки Никону. Он пригласил с Украины, из Греции богословов с греческими церковными традициями, а из Могилева, Литвы, и из той же Украины догматиков ватиканской ориентации. Среди приглашенных был трижды менявший вероисповедание Арсений Грек, запрещенный архиерей, авантюрист Паисий Лигорид, Епифаний Славинецкий и другие клеветы нового патриарха, и они начали с согласия царя править Служебники и другие богослужебные книги русского древнего православия, да так рьяно и неосторожно правили, что даже греческие архиереи и богословы униатского толка не всегда видели целесообразность в тех или иных исправлениях реформаторов. Однако в этом Никон и его сподвижники не считались ни с кем и ни с чем.

В результате подавляющее большинство российского населения выразило свое негативное отношение к никоновской модернизации старых

обрядов богослужения. Вследствие активного несогласия народа с нею, страна, по сути, духовно раскололась, причем сторонники никоновских нововведений в России оказались в меньшинстве.

И тогда Никон безрассудно, проявляя свой авторитарный нрав, воспользовавшись обещанием царя быть послушным патриаршим велениям, потребовал от него применить к противникам его нововведений силу принуждения. Царю очевидная угроза раскола и новой Смуты, теперь уже религиозной, была не с руки, но на кону стояла возлеянная им цель его общеправославного лидерства и международного авторитета, и он сначала направил по велению Никона военную силу на утихомиривание наиболее сильных проявлений народного недовольства реформой традиционной православной обрядности в богослужении, а затем, стремясь уменьшить силу смятения масс от «святотатства никониан», отправил самого патриарха в Новоиерусалимский монастырь подмосковной Истры на послушание.

Однако народные волнения не утихали, россияне наотрез отказались принять «еретические нововведения» греческой церкви в свою повседневную обрядовую практику, тем более что нашлись преданные «древле-русскому» ладу богослужения знатоки-начетчики в богословии, которые обнаружили, что обнаглевшие иноземные реформаторы-модернизаторы с попустительством Никона исказили даже позаимствованные новшества.

Тогда, ссылаясь на патриаршие благословения и веления все того же Никона, данные им из монастырского затвора, в стране была развернута вакханалия репрессий. Рядовые протопопы и священники и даже влиятельные иерархи вроде вождя «древлеправославных» христиан о. Иоанна Неронова, выступавшие в защиту старого церковного предания, лишались сана и ссылались в дальние монастыри.

Лидеров сопротивления священномученика неистового Аввакума с женой и детьми, отправили в Сибирь, а духовную дочь протопопа Аввакума боярыню Феодосию Морозову сослали в Чудовский монастырь. Потом его заключили в «земляную тюрьму», ее заключили в монастырскую «яму», а когда и это их не смирило, Аввакума сожгли, а боярыню, переведя в Боровск, уморили голодом.

Простонародье и служивых обывателей, не согласных с нововведениями в богослужении, силой заставляли присягнуть, что они отказываются от древлеправославной обрядности богослужения, а если они упорствовали в своей приверженности к старине, их истязали кнутом, пытали дыбой и сжигали. Вследствие этого народ стал массово разбегаться по лесам и в зарубежье. Военские команды ловили бегунов и подвергали вышеописанной процедуре мучений. И тогда, чтобы избежать этого, старoverы, как их стали называть никониане, при опасности попасть в руки этих команд, начали себя коллективно сжигать.

В результате репрессий и повальной эпидемии «самосожжений» в течение двух десятилетий до кончины Тишайшего самодержца, по примерным подсчетам выговских поозеров, погибло более половины старoverов. А численность всего российского населения уменьшилось,

по их мнению, не меньше чем на треть. Тем не менее, спаслись в лесах или убежали за границы в другие пределы миллионы несогласных с новообрядческими церковными порядками. Они-то и составили массовую социокультурную страту именуемых старообрядцами россиян.

После скоростижной смерти Тишайшего Романова изуверские расправы над старообрядцами не прекратились, но несколько утихомирились. Сторонники новообрядческой церкви, смиренно вздыхая, объясняли, что преждевременная кончина царя приключилась от того, что его так и не простил обиженный им патриарх Никон, а старообрядцы, усмехаясь, утверждали, что это ему, как и царю Ироду, наказание господне пришло за лютый грех перед истинными православными чадами.

С этого момента в обстановке зарождения новой смуты из-за малолетства наследников царевичей Ивана и Петра и претензий Софьи на правление, и в условиях некоторого ослабления преследований старообрядцев начинается история зарождения, становления и расцвета Выговского общежительства. Начало этой обители, судя по запискам прапрадеда Кузьмы, было положено переселившимся на Выг из Шунгска Даниилом Викулиным.

Вообще же, попытки создать старообрядческую иерархию осуществлялись на Выге еще при жизни священников дораскольнического поставления. Даниил перенес сюда из бывшего своего храма в Шунгском погосте (Погост — первоначально центр сельской общины на северо-западе древней Руси; позднее — центр административно-податного округа, крупное селение с церковью и кладбищем; с XVIII в. — отдельно стоящая церковь с кладбищем.) храмовую икону Богоявления, а также посвященный ей престольный праздник и основал сначала часовню, а потом монастырь, названный впоследствии его именем — Даниловским. Он и стал духовным центром Выговского общежительства.

Первоначально настоятелем общежительства был соловецкий священноинок Пафнутий. Его влияние сказалось в составленном Петром Прокопьевым богослужебном Поморском уставе. В остальном оно, как писал Кузьма, самым выговцам было неясно.

Не сразу, но по многолетнему размышлению отцы основатели общежительства стали в целом держаться уложений новгородских соборов 1693 и 1694 гг., провозгласивших основные пункты беспоповского учения: воцарение антихриста, прекращение истинного священства, безбрачие. Впоследствии этот третий пункт был изменен.

В 1702 г. Пафнутий ушел с Выга и поселился возле Белого моря. Настоятелем общежительства был избран духовный сын Аввакума мирянин Андрей Денисов. О его готовности к этому духовному поприщу свидетельствовало уже владение им принадлежавшим Аввакуму распятием, хранившимся у сибиряка-старообрядца Саблина в советское время. Оно имело на обороте надпись: «Распятие Господне бе у страстотерпца Аввакума, протопопа в заточении, по сожжении же святаго взято бе стрелцом, иже и храни (его) честно. Аз же смиренный Андрей Дионисьев сын

Вторушин, сушу ми на Москве, стяжах и за мало нечто у сына стрелца того и принесох и во обитель нашу (Выговское общежитие — В.С.) на вечное поклонение в лето 7222 (1714)».

Андрей Денисов развернул активную хозяйственную деятельность монастыря и установил строгие порядки: жесткую дисциплину в общежитии, отвержение своей воли, аскезу, борьбу с плотью, ограничение до минимума личных потребностей, даже необходимых, отказ от индивидуального имущества, обобществление его вплоть до последней «полмедяницы». Запрещалось также отдельное питание.

Всеми основными делами общежития распоряжался киновиарх или большак. Наделенный всей полнотой власти он, тем не менее, должен был советоваться с собором старцев из должностных и особо авторитетных братьев.

Имелся также руководитель церковной службы, ектесиах. Им в первые десятилетия руководства братьев Денисовых был Петр Прокопьев, его преемниками были столь же ученые старообрядческие богословы. Ектесиаху подчинялись головщики хоров и другие клирошане — чтецы, певцы.

Иными словами, *выговское общежитие представляло собой типичный пример* воплощения в практику *старинного русского самоуправления*. Власть киновиарха и ектесиаха была значительна, но не безгранична, подчинялась монастырскому уставу.

Благодаря умелому руководству Андрея Денисова, которому всемерно помогал Симеон, унаследовавший руководство пустыней после смерти брата, общежитие вскоре обрело такую зажиточность, что, когда в 1705 г. сюда нагрянул инспектировавший Повенецкие заводы А. Меньшиков, старообрядцы смогли откупиться от его претензий солидной мздой из монастырской казны.

Возложив на местных старообрядцев обязанность «споможения» Повенецким заводам в разработке железных руд, тот от имени Петра I дал выговцам обширные права как в экономической, так и в религиозной жизни. С тех пор на протяжении десятилетий выговцы не имели серьезных стеснений в отправлении духовной службы, проповеди, постройке скитов, молитвенных домов.

В 1706 г., будучи до того общим для братии и сестер при строгом разделении на мужскую и женскую половину, монастырь построил в 20 верстах от себя отдельную Лексинскую обитель для сестер во имя «честнаго и животворящего Креста Господня». Уставщицей или большухой в ней стала мать Феврония, в миру — Соломония, сестра Андрея и Симеона Денисовых.

С этого времени обе обители стали быстро прирастать разнообразными по своим функциям скитами. Среди скитов были не только кельи отшельников, но и мини-монастыри, а также общежития не столько спасающихся молитвами, сколько хозяйствовавших пашенными дворами старообрядцев. Эти разбросанные в окрестностях выговских монастырей

скиты жили своим ладом, соответствовавшим естественному трудовому календарю пашенного двора, то есть, не подчиняясь монастырскому уставу. Двор тот, в сущности, представлял артельную форму организации деятельности староверческих крестьянских семей, снабжавших обители съестными припасами.

Что касается отшельников, то одни из них предавались более аскетичной, суровой жизни, чем того требовал устав общежития, а другие скитники, напротив, жили менее утеснительно.

Вопросы из разряда общих интересов отшельнических келий, пашенных дворов и обителей рассматривались на общем соборе.

Во время пребывания прапрадеда Кузьмы в Выговском общежитии там, по его словам, проживало в мужском монастыре около 300, в женском Лексинском почти 800 душ. А скиты и пашенные дворы населяло более 1700 человек. Духовным и организационным центром для всего этого многообразия поселений и укладов жизни был Даниловский монастырь. В его ограде помещалось около 200 строений. Кроме того Выговскому общежитию принадлежало 29 скитов и 14 пашенных дворов.

В общей совокупности монастыри, скиты и пашенные дворы составляли значительный духовно-культурный и экономический центр русского Севера. Причем они активно расширяли пространство своей деятельности и влияния.

Еще в 1710 году выговцы купили на торгах солидный клин пахотной земли на р. Чаженке в Каргапольском уезде и, поставив там кельи и хозяйственные постройки, стали вести скотоводство и подсечное земледелие. Затем они взяли на откуп Выгозеро и Водлозеро и завели на них артельное рыболовство.

С этими артелями Кузьма выходил на рыбный промысел и, высоко оценив в своих записках артельный лад его организации, посоветовал по возвращении домой своему сыну Николаю, моему прадеду Николаю Кузьмичу, испробовать эту форму труда с единовверцами.

Сходил Кузьма с выговцами и на охоту на морского зверя в Белом море, а также, как он написал, — в Мурман, отметив попутно в своих записях, что выговские поозерские старообрядцы неоднократно ходили на Новую Землю и Грумант (то есть Шпицберген), а однажды, как они говорили, побывали аж в Америке. Для таких походов ими было построено шесть крупногабаритных и ходких карбасов.

Андрей Денисов наладил оптовые хлебные обороты между югом России и ее северо-западом, притом его брат Симеон первым из негоциантов организовал хлебные поставки в возводимый Петром Великим С.-Петербург. Выговцы завели свои склады, пристани, своих «прикащиков» в Архангельске, на Мезени, в Поволжье и Сибири.

На Онеге у них имелось несколько хлебных пристаней и мельниц, два лесопильных завода. Затем в общежитии появилась кузня и кожевенная мастерская. Феврония наладила в женской обители производство домотканого полотна.

Оказывая, как обещали Меньшикову, «споможение» Повенецким заводам в разработке железных руд, выговские старообрядцы изыскивали месторождения золота, серебра и меди и начали их разрабатывать самостоятельно. Даниловские рубли стали ходить по всему северу и ценились выше казенных, так как были из чистого серебра. Одновременно выговцы стали выплавлять медь и вырабатывать около 300 пудов медных изделий.

Не забывали, писал Кузьма, выговские старообрядцы и о своей духовно-культурной миссии. Все поморское староверческое согласие снабжалось Даниловским монастырем иконами и книгами, а также выпускниками здешних беспоповских школ и училищ.

Возвращаясь домой, Кузьма, как он писал, и сам обогатился их книгами. Особенно трактатами братьев Денисовых. Именно во время пребывания в Выговском общежительстве у него созрел замысел духовно просветлять выговским опытом жизни по старым православным обрядам и правилам ее своих земляков-рушан. Чем он и занялся по возвращении.

На моменте своего возвращения домой Кузьма и заканчивал записки о хождении в Выговское общежительство и о знакомстве с его порядками. Но меня в моем подростковом состоянии тогда это вполне устраивало. О вероучительстве Кузьмы и его последующей судьбе я надеялся по-выспрашивать моих старших родичей. И кое-что, признаться, выпытал у них, о чем будет сказано в дальнейшем. А потом меня захватили иные увлечения, и выяснение династической истории своего рода я оставил на потом. Однако это «потом» в отношении родословной в ближайшие годы так и не наступило.

Вспомнил я о Выговском общежительстве и о хождении на Выг своего прапрадеда, уже будучи студентом второго курса журфака МГУ. После публикации моих зарисовок в газете «Советская культура» опекавший меня в ней А. Дидусенко перешел в другую центральную газету, а его преемник, слышавший мои рассказы Саше о староверах, предложил мне развить на их примере затронутый вскользь в моих зарисовках сюжет о спекуляциях на мощах «святых» угодников Господу. Сгоряча, воодушевленный первой солидной для студента публикацией в центральной газете, да еще в органе ЦК КПСС, я согласился попробовать написать такой материал.

И только выйдя из редакции, вспомнил, что еще в пору увлечения историей нашего рода, читая «В краю непуганых птиц» М. Пришвина, наткнулся на описание его похода в Каргополь и на Выгозерские рыбалку и охоту, а также посещения мест, где некогда стоял Даниловский монастырь и кипела духовная и трудовая жизнь Выговского общежительства. Никаких следов ни того, ни другого Пришвин уже не увидел. На месте монастыря стоял, правда, одряхлевший храм, но он пустовал. Зайдя в него, Пришвин обнаружил, что не имеющий паствы новообрядческий священник служил в нем литургию в присутствии дьячка и двух-трех старух. А было это еще до советской власти.

Однако я понадеялся накопать фактуру для своего материала из документальной дореволюционной и советской литературы. Засел в библиотеке соседнего с журфаком психологического факультета МГУ, где был солидный набор религиозной литературы и журналов, в том числе имелись подшивки современного «Журнала Московской патриархии», дореволюционного журнала «Старообрядцы» и т. д. Здесь я обнаружил историческое исследование о святых российских новомучениках, пострадавших за старую веру, — «Виноград российский» Симеона Денисова, «Исторический словарь» видных беспоповских деятелей Павла Любопытного и, надо ли говорить о моей радости, «Историю Выговской старообрядческой пустыни» Ивана Филиппова (6), написанную стилем, сходным с древними патериками.

Нашлись еще и иные источники сведений о старообрядческом мире, весьма закрытом и в дореволюционные времена, что объясняется действенным по сию пору, сформировавшимся вследствие гонений на староверов их обычае скрывать о себе любую информацию. В общей совокупности, эти источники позволили мне получить представление о существовании Выговского общежительства в последующие полвека после возвращения Кузьмы из его хождения туда с целью ознакомления тамошним жизненным ладом.

Правда мимо внимания Кузьмы прошла почему-то история с визитом на Выг, по поручению Синода, ученого иеромонаха Нифонта, хотя он принес домой из своего хождения знаменитые «Поморские ответы» на допросные, по сути, вопросы. Прошло мимо внимания Кузьмы и посещение обители следственной комиссией во главе с Самариным. Поводом для него был донос Ивана Круглого, обвинившего выговских беспоповцев в немолении за царя. А может быть, он и слышал об этом, но не посчитал возможным упомянуть, поскольку отметил в записках, что на несколько десятилетий выговское общежительство раскололось, потому что одна часть тамошних старообрядцев начала молиться за царя, а другая, во главе с их наставником Филиппом отошла от этих поморцев, образовав течение филипповцев, которые возродили было практику самосожжения в безнадежных ситуациях их репрессирования как средство «соблюдения веры» (7), о чем Кузьма тоже упомянул.

Из «Истории...» Ивана Филиппова явствует, что филипповцы прекратили практику самосожжения только во второй половине XVIII века. Притом они снова раскололись на *ароновщину* (по имени Андрея (Аарона) Жукова, ярославского старовера, не признававшего «раскольничьи списки» Петра I и паспорта), и *пастухово согласие* (по имени Петра Пастухова, начетника белокрыницкого толка, считавшего раздоры среди староверов вредными).

Подлинная беда обрушилась на выговцев в условиях режима Николаевщины. По мере укрепления Николая Палкина на троне, он, отправив декабристов, кого на виселицу, кого в ссылки, и утихомирив дворянскую оппозицию, обратил свои карательные взоры на духовную оппозицию господствовавшей РПЦ никонианского разлива, а обратив их, начал

репрессии, прежде всего, против старообрядцев. Не такие кровавые, как во времена Тишайшего, но для существования раскольничьих общежитий весьма пагубные.

После ревизии чиновником Хомутовым Олонецкой губернии в 1835 г. выговцев сравнивали по линии землевладения и налогообложения со всеми казенными крестьянами. С их часовен сняли колокола, запретили проживание в монастырях молодых людей и устраивать моления. Затем последовала серия — одно за другим — карательных мероприятий. Они закончились, в конце концов, полным разгромом Выговского общежития.

В 1838 г. отняли у старообрядцев пашенные двory.

В 1844 г. на Выг из-под Пскова переселили массу крестьянских семей, «известных любовью к православию и твердых в вере».

В 1854 г. Министерство внутренних дел приказало олонецкому губернатору сломать в общежитии поморцев все молитвенные здания, сооруженные между 1722 и 1809 годами, так как из-за закона, запрещавшего ремонтировать их, они пришли в ветхость.

В 1855 г. записные старообрядцы были высланы по месту рождения, а Данилово и Лекса обращены в селения государственных крестьян, с открытием в каждом прихода никонианской церкви.

Просуществовав 150 лет, испытав, по словам журнала «Старообрядцы», величайший подъем как в религиозно-нравственном, так и в хозяйственном отношении, Выговское общежитие пало. Это нанесло огромный ущерб экономическому и культурному развитию северо-западного края, всей русской социокультуре.

Примерно об этом я и написал для «Советской культуры», но ее на этот раз мой материал не устроил (как мне объяснили, из-за некоторых отклонений от партийной линии в этом вопросе).

Известно, что Хрущев стремился после XX съезда поскорее перекроить и переделать все культурные и иные достижения Сталина. В том числе, он развернул тотальный поход на все плоды сталинского ренессанса религии, имевшего место в десятилетие с 1943 года по 1953 г. Начав этот поход, Хрущев пообещал «закопать в землю последнего попа». В этой обстановке орган ЦК партии ждал от меня статью с развенчанием православия или его древнерусского течения.

И я, будучи атеистом, мог это сделать, поскольку видел, что в тогдашнем православии позитивные явления морали, нравственности и культуры соседствовали с тьмой суеверных заблуждений. Но сев за пишущую машинку, я почувствовал, что не могу осуждать своих предков за то, что они жили сообразно требованиям своего времени.

Да и что греха таить, описание жизни в Выговском общежитии и рассказы родичей о дореволюционных рыбацких артелях моих предков — прадеда Николая Кузьмича и деда Лехи Кулика-Староверова — многими чертами напоминали мне бытие нашей скромной смешанной рыболовецко-земледельческой социалистической артели имени XVII партсъезда, которая только в 1948 г. была преобразована в колхоз того же имени.

Литература:

1. В. Староверов. Под покровительством равнодушия // Орган ЦК КПСС «Советская культура», ноябрь 1959 года.
2. Теория и практика бизнеса. Материалы научно-практической конференции // Вып. 1, с. 42., Нижний Новгород.
3. Андрей Денисов. Поморские ответы. Архангельск, 1991.
4. Диаконовы ответы // Приложение к журналу «Старообрядцы». М., 1994.
5. Семен Денисов. Виноград российский. Церковь, 1993.
6. Иван Филиппов. История Выговской старообрядческой пустыни. М., 1989.
7. Старообрядчество. Лица, события, предметы, символы. Сост. С. Г. Вургафт, И. А. Ушаков. М., Церковь, 1996.

СЛОВО АТЕИСТА В ЗАЩИТУ ПАТРИАРХА КИРИЛЛА

В предновогоднюю неделю в рубрике «На свободную тему» в МК появился очередной опус А. Ципко¹, который ставит личный рекорд автора по проявлениям свойственных ему качеств: мерзости, словоблудия и махровой научной безграмотности.

Подчеркиваю последнее, поскольку подписан опус Ципко его нынешними титулами: «главный научный сотрудник Института экономики РАН, доктор философских наук». То есть, автор претендует не только на содержательность, но и на научность своего опуса. Опус Ципко «Третий путь ведет в тупик. Надо ли России пренебрегать либеральными ценностями Запада?» имеет многоадресную целевую направленность.

Во-первых, он адресуетя всем тем, поверившим некогда Западу россиянам, которых образумило западное коварство по отношению к России. В частности, экономические санкции последних лет избавили их от иллюзий, что «Заграница нам поможет!» и заставили стать западофобами.

Во-вторых, путинской администрации, которая западофобством, разумеется, не страдает, но которую нервирует неустанный стремление Запада превратить Россию в свою сырьевую периферию. Это угрожает суверенности ее власти, а потому побуждает Путина вести в определенной степени независимую, сдабриваемую временами реверансами прокламируемой дружбы в адрес заведомо коварных «партнеров», внешнюю политику.

¹ см.: Александр Ципко. Третий путь ведет в тупик. Надо ли России пренебрегать либеральными ценностями Запада? // МК, 21.1018, с.3

В-третьих, левой оппозиции. Она ценит прогрессивную сторону вклада «западной цивилизации», точнее ее прогрессивных представителей, в мировую культуру, но отвергает все агрессивные попытки прагматично-рационального Запада превратить Россию в свою колонию и утвердить в ней — через нажим на буржуазный путинский режим и российских либералов-западофилов — больной социально-культурными язвами хаос, создаваемый глобалистским мировым правительством империалистов.

Неожиданным четвертым, так сказать, сводным, адресатом этого опуса стал патриарх РПЦ Кирилл. Он избран Ципко объектом всех стрел, которые выпустил автор опуса, наделяя негативными ярлыками сторонников третьего, не капиталистического и не социалистического, пути развития России.

То ли потому что Кирилл оказался в силу объективных обстоятельств, т. е. в связи с расколом мирового православия, наиболее упорным противником дарования Константинопольским патриархом Варфоломеем Украинской православной церкви автокефалии, а Ципко ярый сторонник тотальной самостийности националистической Украины. То ли по той причине, что патриарх РПЦ осознал, наконец, что раскол православия — следствие совокупной антироссийской политики греко-православного центра Фанара с Ватиканом и глобалистов Запада, и что фундаментом этой их политики является либеральный рационализм Запада. Осознав это, Кирилл заговорил вдруг на XXII Всемирном русском народном соборе об особом пути России и о том, что именно поэтому она и РПЦ подвергаются скоординированным нападкам западных церковных и светских властей, а Ципко, похоже, является их правоверным адептом.

Я никогда не думал, что буду брать под защиту какие-либо позиции мировоззрения патриарха Кирилла. Слишком многое ставит нас с ним по разные стороны социально-политических баррикад, возведенных в стране в последние десятилетия не без его участия.

Впрочем, обо мне он, скорее всего, и понятия не имеет. Хотя на одном из первых Всемирных русских народных соборов, собранных им в бытность его еще главой Отдела внешних сношений РПЦ, я, представляя на нем Славянскую академию, попытался обозначить асоциальный характер проводимой им церковной политики. Однако в последние годы он все чаще стал педалировать роль РПЦ в поддержании в стране патриотизма — своеобразного, впрочем, отражающего социальную природу трансформированной им РПЦ, но некоторыми аспектами совпадающего с подлинной сущностью патриотизма российских народных масс. И в этом наши позиции даже во многом сомкнулись. Во мне созрело понимание того, что патриарх Кирилл, как и президент Путин, не только противники социалистической ориентации, которой я придерживаюсь, но и радители дорогого для них и меня отечества.

Долго заигрывавший с РПЦЗ, Ватиканом и Западом в целом, Кирилл, похоже, осознал, наконец, их геополитическую враждебность России и исторически особому характеру траектории ее развития, правда, только

вслед за Путиным, за конгломератом российских консерваторов и даже за Зюгановым. К тому же, у каждого из них свое понимание третьего пути России. Что касается консерваторов, то он видится одними в возврате к монархии, другими в формировании режима традиционного капиталистического социального государства, а Зюгановым, надо полагать, в обновленной социалистической ориентации. У Путина и Кирилла третий путь носит неопределенное цивилизационное содержание и еще менее определенный социально-политический облик.

Немудрено, что в позициях Кирилла у Ципко одобрение получил только его антикоммунизм и то, что патриарх «противостоит нынешней прокоммунистической части русской элиты, всем тем, кто жаждет вернуть Россию к временам мобилизационной экономики». То есть, одобрил он лишь слабую сторону мировоззрения Кирилла. Известно, что на протяжении трех веков после Никона РПЦ эволюционировала в сторону заимствования западных ценностей католической церкви. Но этот дрейф ее происходил столь медленно, что был незаметен большинству народа России. А когда он стал обнаруживаться, последовала рожденная иными причинами Октябрьская революция, вследствие которой РПЦ утратила свою былую роль духовного гегемона. Существование ее в советские годы текло относительно спокойно при эволюционном — по мере роста культуры и образования масс — медленном скукоживании «духовного стада» церкви.

Так продолжалось бы, вероятно, еще многие десятилетия, не случись либерально-буржуазная контрреволюция. Корыстно стремясь воспользоваться ее возможностями, РПЦ, вследствие неразумной политики Кирилла, начатой им еще при патриархе Алексии, бодро устремилась в объятия западной «религии глобального общества», в котором ее ожидает институциональная погибель.

Не последнюю роль в этом сыграет антикоммунизм Кирилла, поскольку он явственно свидетельствует народу об отречении РПЦ от институциональных, базовых для нее нравственно-социальных, обосновывающих исторически выстраданную мечту масс трудовых народов о социальном равенстве как главной ценности заповедей Христовых.

Эволюция в мировоззрении Кирилла произошла, вероятно, в процессе склонения им РПЦЗ в поддержку его кандидатуры на пост патриарха. Прежде, до интронизации, будучи митрополитом и главой отдела внешних сношений РПЦ, Кирилл признавался:

«Ведь очень интересная история произошла в советское время. Ведь марксизм заимствовал христианскую мораль. И «Моральный кодекс строителя коммунизма»... заимствовал очень многие важные христианские постулаты. Он не апеллировал к религиозной роли, потому что в основе марксизма лежат атеистические убеждения, но чисто формально мораль Коммунистической партии более или менее соответствовала тем нормам, которые исповедовала (христианская) вера... С точки зрения формирования ценностей в обществе, да, была некая скоординированная

система: школа, писатели, поэты, ученые, телевидение, — все работало в определенной системе ценностей, которые по фактическому признаку были отражением христианской системы».²

Историческую битву за свою институциональную целостность, равно как и за целостность мирового православия, РПЦ, похоже, с треском проигрывает. Фатальной для нее стала борьба с научным коммунизмом, исторически родственным с духовными основами зарождения самого христианства. Выкорчевывание коммунизма из сознания паствы РПЦ, в том числе, усилиями Кирилла, равнозначно выкорчевыванию ее собственных корней, без которых, как известно, любое дерево, что естественно-природное, что институциональное, неизбежно засыхает.

Сегодняшние попытки Кирилла опереться на отечественные корни православной духовности — не более чем паллиатив стремлению не допустить поглощение ее рациональной бездуховностью западной «религии глобального общества». Тем не менее, имеет смысл защитить их от русофобского шельмования клеветами западнизма типа Ципко.

С самого начала Ципко стигматизирует всех адресатов своего опуса, Кирилла в их числе, утверждая, что они «ставят под сомнение не только европейские либеральные ценности, но и ценности эпохи Просвещения, в том числе ценности прогресса... Россия ... с размахом отпраздновала юбилей своей Конституции 1993 года, провозглашающей права и свободы личности — то есть основные ценности европейского либерализма...» Тем не менее, «жажда изоляции от ценностей Запада все же доминирует в настроениях современной России».

В стигматизации Ципко явственно просматривается клевета. Доктору ли философских наук не знать, что люди никогда не проецируют свое отношение к каким-либо ценностям в целом, а всегда подходят к ним избирательно, с учетом неоднородной сложности их структуры и соответственно ассимилируют только приемлемые для них аспекты этих ценностей.

Либеральные ценности свободы, братства, равенства только в момент борьбы за них в условиях господства монархического абсолютизма имели эгалитарную гуманистическую значимость, а по мере утверждения их собственного господства трансформировались в систему ценностей правящей буржуазии, то есть в идеологическую систему, утверждающую ее социальное господство над массами простых обывателей.

Ценности Просвещения, сыгравшие огромную роль в привлечении масс к цивилизационным, социокультурным ценностям, до которых их в условиях феодализма не допускали, в конечном счете, при укреплении капитализма были приватизированы буржуазией, а в горизонтальном разрезе, буржуазией наиболее развитых стран. То есть тоже стали средствами идеологического подчинения буржуазии личностей или населения менее развитых стран.

² см: Пятая газета. Далекое и близкое// 2018, №3, 16.01, с.6.

Составная часть ценностей Просвещения — ценности прогресса стали компонентами идеологии социокультурного подчинения. К тому же у буржуазии в эпоху империалистической глобализации появились свои критерии прогресса, которые маркируют значимые для ее процветания и пагубные для жизни масс процессы и явления.

Если Ципко этого не знает, значит, его докторская степень — фейковая вывеска липового остепенения комсомольско-партийного функционера. Если знает, то утверждение, что в настроениях современной России доминирует жажда изоляции от ценностей Запада, — не более чем клеветническая инвектива.

В каждой культуре имеется две противоположности — элитарная, недоступная или вредная массам, и эгалитарная, обеспечивающая народное процветание. Так вот, у россиян сегодня наблюдается жажда приобщения к культурным ценностям Шекспира, Бетховена, Маркса и иным того же ряда и жажда изоляции от постмодернистских язв западных эгалитарных ценностей.

Такой же стигматизирующий и безграмотный характер носят нападки Ципко на призыв патриарха Кирилла не считать больше универсальными для всех стран и народов ни «европейский рационализм», ни существование «общечеловеческих ценностей», какого-то «единого человечества», а также фундаментальной ценностью Нового времени — ценностью права.

Но ведь патриарх прав. «Европейский рационализм» — это не что иное, как измерение всего разнообразия человеческого бытия экономическими мерками приобретательства денег, благ потребления, лишенных духовности удовольствий, наслаждений и т. д.

Что касается так называемых «общечеловеческих ценностей», то за них западная традиция обществоведения выдает присущую лишь «европейской цивилизации» доминанту ценностей материального потребления, а в мире есть восточно-азиатские цивилизации, где главные человеческие ценности — духовные, есть идеоциональные цивилизации с иными ценностными системами — ценностями сакраментальной веры. И это обстоятельство, кстати, опровергает миф о существовании «единого человечества». Единого — по каким критериям? Те критерии, что значимы для европейца, бессмысленны для индейцев, народов циркумполярного пояса и иных земных ареалов.

Что же касается ценности права, то попытки распространить на все человечество действенность рожденного 2,5 тысячелетия назад, практикуемого поныне европейцами частного римского права можно рассматривать как яркое доказательство нарушения европейской же ценности свободы.

Путает Ципко в обвинении Кирилла и в игнорировании исходных ценностей христианства. В частности, «золотого правила Библии». По Ципко, оно лишь в христианской идее морального равенства людей как детей Божьих, лежащего в основе буржуазной демократии. А по мнению большинства богословов и, главное, народных масс, оно в идее социальной справедливости и социального равенства, в отраженных учением Христа

заповедях коммунальности Апостольской Иерусалимской церкви, зафиксированных Деяниями Библии.

Сказанным не ограничиваются невежественные инвективы Ципко по поводу мировоззрения патриарха Кирилла и современного состояния российского общества. Чего стоит его потуга обосновать фразой Ф. Достоевского «Если Бога нет, то все позволено» свою стигму: «Сейчас если Россия — не Запад, то позволено надругаться над всем, что олицетворяет западная культура».

Сдается мне, что в этих потугах латентно наличествуют не только логико-смысловые подтасовки, но и потаенное наглое русофобство Ципко.

В конце своего опуса, лягнув марксизм и большевизм-коммунизм, которым он, вступая в комсомол и партию, некогда присягал, клятвопреступник Ципко, завершает:

«Патриарх Кирилл идет еще дальше (марксистов и большевиков — В. С.) в своем наступлении на достижения европейской цивилизации. Он хочет освободиться от основ западной цивилизации, идеи рационализма, идеи прогресса». Видит бог, вся эта философия, по моему глубокому убеждению, является не просто откровенным, но и опасным абсурдом. На самом деле никакого «третьего» пути никогда не было и быть не могло. Нет альтернативы движения страны по рельсам рациональности и эффективности. Альтернативой европейскому пути может быть только гибель России.

Помимо своего патологического вранья, Ципко, оказывается, страдает исторической слепотой. СССР сталинской эпохи, идя иным, чем Запад, путем, обеспечил взлет некогда отсталой царской России на уровень второй державы мира. Это в отношении того, что «никогда не было и нет» третьего пути.

А что касается Кирилла, то, насколько я его понял, он хочет *оградить*, как он понимает эту историческую задачу, Россию не от «западной цивилизации», а от ее, рожденных модернистским либерализмом духовно-моральных язв.

М.К. Голубев ИДЕОЛОГИЯ БУДУЩЕГО ПУТИНА

В СМИ крайне редко появляются статьи, по которым мы можем судить о концептуальных взглядах представителей власти в РФ, прямо влияющих на качество принимаемых ими управленческих решений и особенности следующих за ними процессов в обществе. Не любят наши чиновники подобных откровений, даже боятся их. И не случайно. Такая информация становится объектом анализа, обнаруживаются профессиональные слабости и просчеты политиков, которые становятся чаще всего предметом общественной критики. Обнажается и основная причина застойного характера нашей экономики — несостоятельность господствующей в настоящее время либерально-рыночной идеологии³. Именно экономический блок государственного устройства называется в публикациях чаще всего главной проблемой нашей сегодняшней хозяйственной практики. Недавнее обновление Правительства РФ поубавило критики. Но его идеологическая основа осталась прежней. Значит, вряд ли стоит ожидать значительных перемен в курсе социально-экономического движения России. Остаются и основания для детального рассмотрения концепции развития, а также ее необходимых корректировок, что как раз больше всего крупным чиновникам и не нравится.

Надо отдать должное решительности В. Ю. Суркова. Смело преодолев традиционные опасения, в статье «Долгое государство Путина», («Независимая газета», 11 февраля 2019 г.) он высказал ряд нестандартных утверждений по поводу общественного устройства России и призвал публицистов к «осмыслению и описанию путинской системы властвования и вообще всего комплекса идей и измерений путинизма как идеологии будущего». Статья вызвала немедленный отклик журналистов большинства центральных СМИ, в том числе и популярных ток-шоу на ряде каналов российского телевидения. Однако предложенное обсуждение «путинизма как идеологии будущего» так и не состоялось. То ли государство Путина представилось аналитикам не слишком новым, то ли идеологическое содержание самой статьи оказалось весьма скромным, то ли наша политическая элита отвыкла от критического взгляда на идеологию, что не удивительно после трех десятилетий забвения вопросов ко всякой идеологии в постсоветской России. В большинстве случаев дело ограничилось лишь изложением некоторых тезисов статьи с комментариями по поводу важности или сомнительности отдельных ее положений.

³ Здесь и далее термин «идеология» используется как некоторый набор представлений о законах развития общества и должном его устройстве. Идеология служит основой формирования правовой системы государства, выработки управленческих решений макроэкономического уровня, составляющих содержание экономической политики.

Между тем, статья (бывшего) помощника президента заслуживает гораздо большего внимания. Сурков, в силу своего служебного положения, вольно или невольно отразил содержание существующей на высшем уровне власти идеологии. Его статья позволила прояснить главное: что царит в головах ближайшего окружения Путина, да и его самого, и каких перемен в нашей жизни следует ожидать от его правления в ближайшей перспективе.

1. Демократия или авторитаризм?

Красной нитью через всю статью проходит идея восхваления авторитаризма как наиболее приемлемой формы политического строя в России. Сурков убежден, что именно за таким типом государства — будущее, и предрекает ему многие лета возвышения.

Автор начинает статью словами: «Это только кажется, что выбор у нас есть. Поразительные по глубине и дерзости слова. Сказанные полтора десятилетия назад, сегодня они забыты и не цитируются. Но по законам психологии то, что нами забыто, влияет на нас гораздо сильнее того, что мы помним. И слова эти, выйдя далеко за пределы контекста, в котором прозвучали, стали в итоге первой аксиомой новой российской государственности, на которой выстроены все теории и практики актуальной политики» [1].

Стартовый оборот явно относится к политическому лидеру. Но если он и претендует на некую научную глубину, то к дерзости точно не имеет отношения. Все марксисты охотно бы согласились с выраженной в нем идеей безальтернативности будущего, поскольку признают наличие объективных законов общественного развития и неизбежность их реализации в жизни общества. Приписывание этому высказыванию особого значения побудило уточнить и первоисточник, и контекст, в котором оно прозвучало. Но всезнающий интернет не нашел его автора. Пришлось просмотреть мюнхенскую речь Путина, известную своей дерзостью. И там разочарование. В общем, непонятно, кто здесь вспоминается. Возможно даже, что такая мысль выплыла из подсознания самого Владислава Юрьевича. Ведь он, хотя бы понаслышке, знаком с марксизмом и должен был знать о существовании объективных законов общественного развития, которые названы им «реализмом predeterminedности» или «логикой исторических процессов». Именно они, как утверждается, стали основой «теории и практики актуальной политики» Путина.

В жизни, однако, не все так просто, как выглядит на бумаге. Есть и овраги. Хорошо известно, что общественные закономерности осуществляются через субъективную деятельность людей. А политики как раз слишком часто ошибаются при выработке управленческих решений. Прямым следствием становятся отсутствие желаемых сдвигов, напрасная потеря времени и экономические утраты, тормозящие, а то и просто перекрывающие ход исторического развития. С этой блокировкой мы

хорошо знакомы со времен Горбачева и Ельцина. Минимизация такого рода потерь возможна, если власть предрасполагающая хорошо теоретически подготовлены и понимают логику действия этих законов, либо интуитивно поступают в русле их требований. Только в этом случае исторические личности добивались заметных успехов в продвижении общества по пути социально-экономического прогресса⁴. Следовательно, для такого возвышения общества требуется вовсе не дерзость, а знание этой самой логики или хотя бы историческое чутье как минимальная предпосылка удачного выбора путей развития. Но наше движение от состояния могучей промышленной державы, которой мы были совсем недавно (по историческим меркам), к положению сырьевой и энергетической колонии остального мира как-то плохо увязывается с пониманием сути прогресса. Скорее мы имеем дело со смутным временем, вызванным ложной концепцией будущего, диктующей свои особенности принятия решений явно вопреки логике объективных законов жизни общества, да и здравому смыслу тоже.

Поясняя смысл фразы об отсутствии у нас выбора, Сурков пишет: «Иллюзия выбора является коронным трюком западного образа жизни вообще и западной демократии в частности... Отказ от этой иллюзии в пользу реализма predeterminedности привел наше общество вначале к размышлениям об особом суверенном варианте демократического развития, а затем и к полной утрате интереса к дискуссиям на тему, какой должна быть демократия и должна ли она в принципе быть. Открылись пути свободного государственного строительства, направляемого не импортированными химерами, а логикой исторических процессов, тем самым «искусством возможного»» [2].

Фальшивость буржуазной демократии — далеко не новость. Она есть форма диктатуры господствующего слоя общества (или «глубинного государства» по Суркову). В марксизме это — прописная истина. Нас, однако, смущает попытка смыслового сдвига в представлениях о «логике истори-

⁴ Следует иметь в виду, что прогресс общества включает два направления. Первое — научно-техническое развитие, состоящее в создании новых видов продукции, техники и технологий производства, расширяющее объем и разнообразие удовлетворяемых общественных потребностей. Второе — социально-экономическое, касающееся способов создания и распределения общественного богатства. Вот это второе направление общественного прогресса было в 1-й половине XX в. относительно хорошо известно, но еще в советский период, т. е. с 60-х годов прошлого века, практически полностью утрачено вместе с марксистской идеологией, что вызвало экономический и политический кризис СССР, а затем и геополитическую катастрофу мира, связанную с развалом всего социалистического содружества. Мы используем термин «социально-экономическое развитие» в его классическом смысле — как совершенствование самого общественного устройства в направлении повышения эффективности создания общественного богатства и справедливости его распределения среди граждан общества.

ческих процессов» и области их действия. Ведь законы общественного развития относятся не столько к строительству государства, т. е. к политическому строю общества, как полагает Сурков, сколько к экономической политике, т. е. к тому, как принимаемые управленческие решения развивают производительные силы общества и улучшают социально-экономические условия жизни граждан страны. Отсутствие заметного прогресса в этой сфере как раз и вызывает сомнения в следовании «государством Путина» объективной логике развития, а также жаркие споры обществоведов на тему о рациональности экономической политики и компетентности власти. Что же касается «размышлений об особом суверенном варианте развития», то много разговоров было об особом цивилизационном пути развития России в соответствии с русским менталитетом, радикально отличающимся от западного. Суверенитет же всегда признавался безусловной и безоговорочной ценностью.

А вот про демократию Сурков явно не угадал. Народ сыт по горло авторитаризмом и сопутствующим ему культом личности, мотивы которого тоже проглядывают в статье. Мудрый и справедливый правитель ему не в тягость. Это не секрет. Но большинство граждан понимает, что на одного сильного лидера приходится с десяток хрущевых, горбачевых или ельциных, с геростратовским равнодушием крушащих созданные упорным трудом народа под руководством достойных исторической памяти лиц материальные ценности и социальные достижения общества. А потому наш народ гораздо больше стремится к соборной демократии, понимаемой как самоуправление. Он куда охотнее обсуждал бы механизмы прямого народовластия, тем более, что в теории они существуют и уже три десятилетия в левой части российского политического спектра неспешно осваиваются. Однако эти темы как-то проходят мимо сознания наших радетелей просвещенной монархии, которые категорически отказываются даже от обсуждения реальной нацеленности высших органов управления на общее благо, сводя демократию только к вопросам участия граждан в выборных процедурах. Пока же это настроение масс проявляется как повышенный интерес к программам СМИ, где основной темой служат как раз проблемы наращивания справедливости в организации жизни общества и роста благосостояния большинства населения страны. Рейтинги этих программ побивают все мыслимые и немыслимые рекорды. По объему, качеству и содержанию вещания они за последние 3–4 года стали на порядок выше, чем в развитых «демократиях» Запада. И вот этот вулкан страстей по народовластию Сурков называет «полной утратой интереса к дискуссиям на тему, какой должна быть демократия». Такой промах автора основательно снижает уровень доверия к его публикации в «Независимой газете».

Но не только это. Вызывает сомнение и утверждение о том, что стали понятными закономерности прогрессивного развития общества, а потому «невозможный, противоестественный и контристорический распад России был, пусть и запоздало, но твердо остановлен» [3].

Каким образом пришло это осознание, непонятно. Да и появилось ли оно в реальности? Скорее здесь желаемое выдается за действительное. Строительство «государства Путина... в целом к середине нулевых» завершено, как упоминает Сурков. А вот благотворное влияние якобы усвоенной «логики исторических процессов» на динамику экономического роста не особо заметно до сих пор.

Бросается в глаза и слишком уж комплементарный характер ряда утверждений статьи по отношению к политическому лидеру, напоминающих что-то давно забытое и до боли знакомое. Сурков ставит «государство Путина» в один ряд с величайшими периодами прошлого и стоявшими во главе страны людьми «длинной воли». Он пишет: «Русской истории известны, таким образом, четыре основные модели государства, которые условно могут быть названы именами их создателей: государство Ивана Третьего (Великое княжество/Царство Московское и всей Руси, XV–XVII века); государство Петра Великого (Российская империя, XVIII–XIX века); государство Ленина (Советский Союз, XX век); государство Путина (Российская Федерация, XXI век)». «Сложившаяся модель политического устройства явится эффективным средством выживания и возвышения российской нации на ближайшие не только годы, но и десятилетия, а скорее всего и на весь предстоящий век». «И через много лет Россия все еще будет государством Путина». «Сделанная в России политическая система годна не только для домашнего будущего, она явно имеет значительный экспортный потенциал» [4] и т. п.

Нафталином пахивают эти выражения. Именно такие обороты речи используются для формирования в общественном сознании культа личности политического лидера. Н-да... А нам казалось, что с этим малочетным занятием мы распрощались окончательно и бесповоротно еще в советское время.

Но, возможно, воспевание лидера понадобилось как подготовка почвы для изменения Конституции РФ с целью сохранения у президента рычагов высшей власти. И может быть, этот мотив статьи стал основным смыслом ее публикации? Как знать?

У Путина действительно есть заслуги: возвращение Крыма в состав РФ, демонстрация силовых возможностей в Сирии, умелое снятие внутренней социальной напряженности, возникающее в результате «непопулярных» решений Правительства РФ и др. Но есть и несомненные просчеты. Важнейший — неспособность уже много лет сдвинуть с мертвой точки упавшие до уровня статистической погрешности темпы роста экономики РФ. Есть и другие промахи: сырьевая ориентация экономики, огромное социальное расслоение общества, досаждающая инфляция, отсутствие роста внутреннего рынка, бедность значительной части населения, высокая доля теневой экономики, процветающая коррупция. В общем, не слишком много оснований для возвеличивания даже такого авторитетного лидера, как Путин.

Так что имевшее место усиление авторитарности власти не очень-то повлияло на экономическую эффективность «государства Путина».

А потому оно вряд ли может стать «эффективным средством выживания и возвышения российской нации», не говоря уже о значительном сроке сохранения такой характеристики (десятилетия или даже весь предстоящий век, как считает Сурков).

2. О «логике исторических процессов» (или «реализме предопределенности»)

Явная заторможенность «государства Путина» вызывает крайнюю озлобленность в отношении перспектив нашего будущего. Да и содержание статьи подталкивает нас к более детальному рассмотрению вопроса о соответствии политики нынешней власти объективной «логике исторических процессов» и твердости предотвращения угрозы распада России.

Во-первых, Сурков ничего не сказал нам о самой «логике исторических процессов», чем зародил определенные сомнения в понимании ее смысла. Во-вторых, мы полагали, что сфера ее действия — управление процессами развития общества, а не строительство государства. В-третьих, мизерность экономических результатов управленческих решений порождает сомнение в оптимальности такой политики. Наконец, само появление терминов «логика исторических процессов» и «реализм предопределенности» вместо обычного употребления слов, выражающих объективность существования законов общественного развития, тоже подталкивает к некоторому недоверию в части правильности понимания их смысла.

Наш скептицизм имеет еще одно весьма серьезное основание. Автор вставил в текст статьи очень любопытную фразу, дающую основания не предполагать, а уверенно констатировать факт отсутствия понимания этой самой логики. Вот она: «Настоящий Путин едва ли является путинистом, так же, как, например, Маркс не марксист и не факт, что согласился бы им быть, если бы узнал, что это такое» [5].

2.1. Сначала о марксизме

Надо отдать должное литературно-художественному таланту Суркова. Трудно в столь лаконичной форме выразить, с одной стороны, полное непонимание марксизма как учения, раскрывающего содержание объективных законов развития общества и служащего в силу предмета своего исследования основой профессиональной подготовки управленцев макроэкономического уровня, а с другой, — категорическое, в либерально-большевистском духе, отрицание его значения целиком. Отказ от марксизма с его сущностным наполнением лишает процессы управления жизнью общества их естественной логики и смысла.

Данной фразой Сурков дает понять читателю, что он-то хорошо, едва ли не лучше самого Маркса знает, что такое марксизм, убежден

в его ложности и даже уверенно утверждает, что сам Маркс отказался бы от собственного творческого наследия, если бы разобрался в его содержании, т. е. «если бы узнал, что это такое». И это говорится о теории, с наибольшей полнотой раскрывающей смысл именно того, что Сурков называет «реализмом предопределенности» или «логикой исторических процессов». Одно это обстоятельство ярко демонстрирует запредельную вульгарность его понимания закономерностей жизни общества. Дерзость и категоричность, с которой подается уничижительное отношение к теории, показывает, что подобные взгляды о марксизме разделяются и большинством служащих во всех структурах «государства Путина», включая его администрацию.

Именно в таком демонстративном отказе кадрового состава «государства Путина» от классического наследия и безоглядной преданности вульгарному либерализму, ложному почти во всех своих компонентах, — трагичность нынешнего положения России. Властвование без понимания логики законов общественного развития есть стихийное развитие, не позволяющее рассчитывать на получение желаемого результата. Вот этим псевдоуправлением и был занят, в основном, экономический блок правительства РФ (предсказаниями уровня инфляции вместо ее полного исключения, обоснованием невозможности высоких темпов экономического роста вместо его достижения, приспособлением к санкциям вместо их бессмысленности и т. п.). Да и сам Путин только подошел к пониманию несостоятельности либерализма, но не отошел от него. Сурков уловил эту тенденцию лидера и призвал политологов и обществоведов к описанию именно будущей идеологии Путина («путинизма как идеологии будущего»), но только без марксизма.

Отказ от учения, раскрывающего существо «реализма предопределенности», подтверждается и откровенным дефицитом собственных характеристик «комплекса идей и измерений путинизма как идеологии будущего». Забыв о своем литературно-художественном даре, Сурков призывает разработать новые средства для отражения этого «комплекса идей и измерений». По его мнению, «описание должно быть исполнено ... на языке, который и российский официоз, и антироссийский официоз воспринимали бы как умеренно еретический», не подозревая, что этот язык не может быть ничем иным, как системой понятий (категорий) политэкономии, служащих как раз для изложения смысла законов развития общества и механизмов их действия. Он создан великими буржуазными философами и экономистами еще в 17–18 веках, уточнен и развит тем же Марксом. Этот язык широко используется всеми грамотными обществоведами мира. Только Сурков, как следует из его приглашения, об этом не догадывается. Значит, для него теория вообще, а вместе с ней и «логика исторических процессов» — *terra incognita*.

Между тем, отношение к Марксу и его учению во всем мире совсем иное, чем в структурах российской власти. И диктуется оно научным содержанием его работ. Человек, усвоивший хотя бы основные положения

«Капитала» Маркса, воспроизвести смыслы фразы об учении классика не может в принципе: слишком очевидна глубина и детальность проработки базовых положений теории. Не вызывает сомнения и полемическая эстетичность их изложения. Даже среди тех, кто разочаровался в марксизме из-за неспособности руководства в СССР справиться с неведомой откуда взявшимся экономическим и политическим кризисом раннего социализма (а вернее сказать, известно, откуда: именно в силу утраты марксистского видения проблем и смыслов в экономике), его гигантский вклад в мировую культуру, в теорию познания окружающей действительности безоговорочно признается. Идеи Маркса резко изменили политическую картину мира в XX веке, став идеологической основой революционных движений всей планеты. Он держит первенство по количеству переизданий трудов. Наследие Маркса остается актуальным и сегодня, что подтвердил недавно проведенный (17–19 мая 2018 г.) международный форум «МАРКС–XXI», посвященный 200-летию со дня рождения К. Маркса.

Высочайшая оценка творчества Маркса во всем мире вызвана как раз тем, что он еще почти два века назад беспощадно развенчал буржуазно-либеральные концепции развития, которые благодаря интеллектуальной деградации «мыслящего сословия» России еще в советское время снова стали господствующими в общественном сознании. Он раскрыл подлинно научное содержание альтернативной системы взглядов, адекватно отражающих законы общественного развития, структуру общества, этапов, которые оно проходит в своей истории, и конечной цели этого развития. Более того, Маркс остается единственным авторитетным ученым, заглянувшим в далекое будущее истории человечества. Все остальные философы и обществоведы провозгласили конец этой истории (в связи с якобы окончательно утраченной альтернативой победившему либерализму). По Марксу, «буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества» [6].

Да и сам Маркс высоко ценил собственный уровень теоретической подготовки. Он был убежден в своем предназначении создать фундаментальную теорию, дающую исчерпывающие ответы на вопросы о законах развития общества. Задача грандиозная, в общих чертах — выполненная. Достаточно назвать имеющее прямое отношение к теме нашего разговора учение о формационных этапах, через которые проходит это развитие.

Запад часто использует понятие «цивилизация» в качестве альтернативы марксистскому варианту членения истории, называя себя высокоразвитым цивилизованным сообществом, даже не задумываясь о критериях такой периодизации. Для него достаточно было факта применения в практике хозяйствования передовой техники и технологии производства. С таким критерием и римское рабство уже было высшим периодом Западной цивилизации. Ну а если слегка задуматься над критериями разграничения шагов истории?

Понятие «цивилизация» используется в двух смысловых значениях: как форма сообщества, имеющая свою особую культурно-историческую

и территориально обособленную область существования, и как высший этап в истории развития этой общности. Цивилизационная схема периодизации истории нравится Западу как раз своей примитивностью (вся история человечества делится на слишком крупные этапы развития, включающие дикость, варварство и цивилизацию, хотя не исключается их деление на более мелкие исторические ступени) и отсутствием убедительных критериев их различения, а значит, произвольностью периодизации.

Если все же согласиться с возможностью такого деления прошлого, то следует признать и наличие общих точек между этими подходами к разграничению истории. И тут мы обнаруживаем, что Западная цивилизация вообще не имела варварского периода, поскольку всегда считала себя уже пребывающей в цивилизованном периоде своего развития, называя всех остальных варварами.

Подлинная причина ее привлекательности для Запада состоит как раз в отсутствии объективных критериев разграничения этапов развития. Это дает возможность выдать варварское состояние своего развития за уже наступивший цивилизационный этап и тем самым убедить своих соплеменников и окружающий мир в собственном опережении исторического прогресса по отношению к другим народам и своим праве учить других, как и по каким правилам им следует жить.

Между тем, цивилизационный этап предполагает разумную, справедливую и гуманную организацию жизни общества, что явно не соответствует реальным характеристикам западного общества. Западная цивилизация, ставшая наиболее развитой в научно-техническом смысле, безусловно, пребывает в состоянии социально-экономической недоразвитости. Варварство Запада подтверждается все большей утратой его политическим классом уровня профессионализма и здравого смысла. Практические контакты Запада с остальным миром демонстрируют его стремление разрушить все вокруг. Примеры: Ирак, Сирия, Ливан на Ближнем Востоке, Югославия в Европе, страны Прибалтики, Грузия, Украина, другие зоны бывшего СССР. У Суркова эти факты вызвали образ пауков в банке: «Когда... всем якобы можно все и где все якобы равны, именно из России прозвучал отрезывающий вопрос к одураленному человечеству: «А кто мы в мировой паутине — пауки или мухи?» [7] (Хотя такая альтернатива по отношению к России ложная, образ пауков применительно к развитым странам Запада вполне подходит.).

Формационный подход не имеет такой дыры в периодизации. Этап варварства соответствует, как представляется, трем формационным шагам, включающим рабство, феодализм и капитализм. А цивилизационный период развития общества наступает вслед за выходом из капиталистической общественно-экономической формации.

Россия, имея богатую историю столкновений с западным варварством и собственный опыт выхода за границу варварского состояния своей цивилизации, еще не вполне осмысленный, получает роль доктора в жиз-

ни мирового сообщества, купирующего острые приступы социальной шизофрении Запада, проявляющиеся в навязывании «демократических ценностей», угрожающих существованию человечества в целом. Вот эта исключительно важная роль России в мире требует от нас вдумчивого переосмысления собственного социального опыта перехода в цивилизованное состояние и выработки новой идеологии развития. Она необходима, чтобы, во-первых, восстановить в собственной стране успешное развитие по пути социально-экономического прогресса, во-вторых, стать примером такого рода преобразований для других стран без каких бы то ни было форм навязывания им собственных взглядов, в-третьих, помогать миру исцелять возникающие конфликты с наименьшими социальными и материальными потерями.

Если смотреть на наше время с позиций формационной теории в широком историческом контексте, то станет понятно, что человечество переживает драматичный и довольно тяжелый период не просто между двумя формациями, а между двумя эпохами своей истории (варварством и цивилизацией), двумя качественно различными типами общественного развития. Содержание первой эпохи — «предыстории» по Марксу — эксплуататорское общество, включая высшую и последнюю его форму, транснациональный и олигархический капитализм. Содержание второй эпохи — общество, построенное на принципах социальной справедливости, равенства и международного братства. А основное содержание периода между ними (в том числе и раннего социализма образца СССР и стран социалистического содружества XX века) — сознательное преодоление частной собственности как главной экономической основы социальной несправедливости и варварства всей предыстории человечества. Революция 1917 года послужила исходной точкой переходного периода между этими эпохами. Присоединение стран восточной Европы, Китая, Кореи, Вьетнама, Кубы к этому пути было подключением новых субъектов к такому продвижению в завтрашний день. Заслуга политического лидера того времени и создателя страны Советов («государства Ленина», по Суркову) — в перемещении России через капиталистический этап своего развития, означавший гигантский прыжок в цивилизационное будущее, опередивший тем самым весь капиталистический мир в социально-экономическом развитии. Этот смысл прорыва в новый мир в первой половине XX века понимали почти все в СССР. Кроме некоторой части интеллигенции с колбасными предпочтениями.

Реальный социализм как формация был переходной от варварства к цивилизации формой общества. В ней устранено главное звено варварства — эксплуатация труда на основе частной собственности на средства производства, предвидимое классической политэкономией Маркса. Но предсказать, какие произойдут изменения в формах собственности и методах хозяйствования, какой в связи с этими изменениями в производительных силах и производственных отношениях окажется периодизация истории развития общества без частной собственности на средства производства,

было крайне сложно, и марксизм давал в этой части теории только самые общие представления. Все уточнения предполагалось получить уже на основе практики коммунистического строительства.

Строительство нового общества происходило в сложных условиях противодействия буржуазного внешнего окружения. Новой формации были навязаны сначала гражданская, а потом Великая Отечественная войны. Экономика с самого начала приобрела мобилизационный характер, а политический строй — авторитарные особенности. Они позволяли успешнее справляться с агрессивными устремлениями Запада, но затрудняли познание объективных закономерностей нормального строения самого общества и эффективных механизмов его функционирования. В результате советское общество приобрело бюрократические извращения власти, произвол и профессиональную ограниченность высших ее представителей, дефектные механизмы хозяйствования, ведущие к структурным деформациям экономики, торможению общественного прогресса и товарно-денежной несбалансированности, и, что самое прискорбное, к интеллектуальной деградации значительной части «мыслящего сословия», сохранившего привычку оглядываться на Запад еще с царских времен.

Все эти просчеты подрывали доверие к господствовавшей марксистской идеологии и создавали благоприятные предпосылки для внесения в общественное сознание альтернативных концепций развития. Под видом общечеловеческих ценностей в информационное пространство вбрасывались и получали поддержку либеральной интеллигенции «демократические» и любые другие взгляды на общественное устройство, лишь бы они размывали понимание объективных законов развития общества и лишали естественнонаучного основания главный вывод марксизма о необходимости устранения частной собственности на средства производства, составляющий основу устойчивости нового общества.

И неважно, какова степень достоверности таких концепций. Ценность для Запада такой идеологической агрессии против других стран мира определялась возможностью отвести внимание от его подлинных шкурных интересов, сохранять военное превосходство и в то же время дезорганизовать управление развитием, а еще лучше, направить это развитие в русло наиболее полного удовлетворения потребностей Запада за счет ресурсов других стран.

Благодаря феноменальной политэкономической ограниченности советской «элиты» (от Хрущева до Ельцина с их ближайшим окружением), не способной понять основных положений марксизма, в т. ч. роли Ленина, Россия оказалась отброшенной в прошлое и вынуждена на собственной шкуре испытывать передраги капитализма. По той же причине страна пока не способна не только вырваться из исторического капкана, в который угодила по милости либерального дурья еще советского разлива, но даже понять смысл и назначение этого броска в прошлое, состоящего в попытке уничтожения страны руками собственного ошалевшего донельзя

правительства. Ельцинский период это подтвердил с максимальной степенью убедительности. Особенно наглядный пример того же безумного самоуничтожения демонстрирует нам нынешняя Украина.

В чем преимущество современной России в сравнении с Западом?

Она имеет революционный опыт жизни в переходной к цивилизации форме общества. У нее была развитая идеология, пусть и не без теоретических пробелов. Она имела образ будущего. А научная мысль, хоть и в заторможенном состоянии, все же находила решения проблем советского периода. Ей легче дать правильную оценку нынешнего состояния страны и окружающего ее мира. В силу этого она более склонна к выздоровлению. Мы понимаем, что «государство Путина», отодвинув своих олигархов от власти, огромными усилиями добилось временной стабилизации своего положения, которую Сурков принял за конец контристорического периода смуты и начало успешного экономического подъема России (правда, больше похожего на стагнацию). И мы видим серьезный теоретический просчет в таких оценках. Вот в чем его суть.

Провал России в глубочайший экономический кризис с ожидаемым всем мировым сообществом «цивилизованных» стран Запада ее расчленением, названный в статье «невозможным, противоестественным и контристорическим», остановлен. Только начало подъема все откладывается по непонятным для власти причинам. Ни Суркову, ни другим представителям «государства Путина» не видно, что Россия застряла в таком же «контристорическом» капиталистическом прошлом, оказавшись в позорном состоянии сырьевой колонии остального мира, и второе десятилетие безуспешно пытается избавиться от сырьевой ориентации своей экономики, пока же занята обеспечением своего существования за счет природных ресурсов. А непонятно как раз то, что такое позорное состояние напрямую связано с капиталистическими преобразованиями российского общества, что подъем экономики и самообеспечение на современной капиталистической основе не может получиться в принципе.

В чем состоит стыдоба капитализации России?

В элементарной неспособности «творческой» и либеральной «элиты» усвоить смысл и назначение частной собственности на средства производства как средства эксплуатации труда, **порождающего антагонистические противоречия** и все прочие пороки капиталистического общества. По ее нынешним либеральным представлениям выходит, что частная собственность сама по себе более эффективна, чем любая другая, государственная, коллективная или общенародная.

Постыдность в том, что либеральные «мыслители» не могут сопоставить два хорошо известных всем тезиса и сделать простейший правильный логически верный вывод. Первый: на частных средствах производства хорошо и даже эффективно трудятся наемные работники. Второй: наемные работники — не собственники средств производства. Значит, **не частная собственность заставляет их хорошо работать**, а нечто другое. Вот этот простой вывод недоступен их зашоренному буржуазными догмами

сознанию, не говоря уже о том, что собой представляет это нечто, заставляющее людей эффективно трудиться.

Но то, что либералам не втолковать, хорошо известно в марксистской теории. Функция собственника — организация эффективного функционирования объектов собственности в интересах собственника. И он сам выбирает **механизмы стимулирования труда, назначение которых — создать заинтересованность** наемных работников «вкалывать» с **максимальной степенью трудовой отдачи**. Понятно и следствие. В процессе конкуренции выживают именно те собственники, которые применяют наиболее совершенные механизмы стимулирования труда. Все прочие разоряются и вытесняются с рынков. Вот этим естественным отбором грамотных предпринимателей и достигается общий рост эффективности капиталистической экономики. Как раз об этой части системы производственных отношений ровным счетом ничего не знают либералы, приписывая эффект механизмов стимулирования самой частной собственности.

Но если стали известны принципы построения механизмов стимулирования труда, если понятны функции, которые они реализуют в механизмах хозяйствования в целом, то нам нет нужды заниматься приватизацией собственности и надеяться на капиталистическую конкуренцию. Применяя на практике такие механизмы стимулирования труда, мы добиваемся того, что любая форма собственности с применением наемного труда будет равно эффективной или даже выше капиталистической, просто потому что частные собственники далеко не все и не всегда применяют наиболее рациональные формы стимулирования труда в силу ограниченности собственного профессионализма в данной сфере, а потому становятся аутсайдерами в капиталистической конкуренции, понижая эффективность капитализма в целом.

Поскольку у наших либеральных организаторов производства представления о данной сфере производственных отношений близки к нулевой отметке, то наш капитализм принял самые дикие формы с максимальной возможной степенью эксплуатации труда и низкой производительностью (за редким исключением, только подтверждающим правило). Наш капитализм осложняется еще и такой же дикой криминализацией общества вместе с предельно возможным социальным расслоением общества. Нет такого вида преступления (от мелкого мошенничества до коррупции в высших органах власти), которое бы не имело места в нашей практике. Причем больше всего страдают самые слабо защищенные слои общества — дети, инвалиды и люди преклонного возраста.

Но гораздо более важно понимать, что сказками о высокой экономической эффективности капитализма прикрывается его аморальный и грабительский характер: благодаря тому самому праву частной собственности безвозмездно присваивать результаты труда наемных работников, которое становится священным и неприкосновенным при капитализме. При этом вся вновь созданная трудом наемных работников стоимость делится на необходимую часть, выплачиваемую наемным работникам в виде

заработной платы на минимально возможном уровне, и прибавочную часть, присваиваемую собственником средств производства в виде прибыли. Научно-технический прогресс приводит к росту производительной силы труда и соответственно к росту доли прибавочного труда, а не его оплаты.

При капитализме прибыль тем выше, чем ниже заработная плата, при прочих равных условиях. Противоречие между трудом и капиталом — всегда антагонистическое. Величину зарплаты устанавливают частные собственники средств производства на минимально возможном уровне. В ельцинский период она устанавливалась ниже минимально допустимого уровня, не обеспечивавшего даже простого воспроизводства рабочей силы. Вымирание населения страны вызвано прежде всего этой причиной. Если у нас и сегодня остаются демографические проблемы, значит, за 30 лет мы не слишком сдвинулись с мертвой точки.

Да и понятно. В условиях капитализма рост благосостояния большинства трудящегося населения возможен только в меру повышения размеров минимального уровня оплаты труда. Это — не рост благосостояния населения, а всего лишь некоторое повышение границы нищеты для низкооплачиваемой части трудящихся. К тому же, все повышения минимальной заработной платы немедленно компенсируются буржуазией инфляционным ростом цен. Естественно, что и рост внутреннего рынка остается на минимальном уровне.

Чтобы при росте производства можно было продавать произведенную продукцию на внутреннем рынке, нужно либо повышать общий уровень оплаты труда, либо снижать цены. Ни того, ни другого делать капиталистам не хочется. Зато можно реализовать избыточную продукцию на внешних рынках, поэтому, если у нас и есть рост производства, то почти весь прирост отправляется на внешние рынки, оставляя внутренний рост на голодном пайке.

Но на внешних рынках тоже идет борьба развитых стран Запада с остальным миром самыми варварскими средствами — от физического уничтожения (Югославия, Ливия, Ирак, Сирия), создания марионеточных режимов (Грузия, Украина, Прибалтийские страны, Россия в 90-е годы) до санкционного давления и государственного протекционизма с нарушением всех международных соглашений. Везде, куда проникают развитые страны, наблюдается процесс сдерживания развития или прямого разрушения производительных сил общества. Нам это нужно? У нас же есть свой богатый опыт интенсивного развития за счет внутренних источников экономического роста.

Мы на собственном опыте знакомы с неистребимым желанием развитых стран всеми возможными средствами подавлять рост производительных сил в странах третьего мира. Наш собственный капитализм в силу своего социального паразитизма лишает страну внутренних источников развития до такой степени, что вообще блокирует прогресс общества. Отсюда следует вывод об исторической необходимости искоренения капитализма как общественного строя. Теоретически этот процесс рассмотрен

в трудах классиков марксизма. Практически он начался социалистической революцией 1917 года в России.

Таким образом, само существование России в качестве капиталистической страны противоестественно, т. к. она уже была в посткапиталистической формации. Крах первой попытки России вырваться из состояния капиталистического варварства лишь осложнил и раздвинул временные рамки этого перехода, необходимость продолжения которого наиболее остро переживается нами сегодня. Следует осознать этот факт и не останавливаться на упомянутом достижении «государства Путина» — остановке распада России. «Логика исторических процессов» требует преодолеть ракообразное вползание в капиталистическое варварство. При этом не надо повторно строить тот же социализм, страдавший известными пороками. Наука уже дала надежные решения всех проблем советского периода. Следует рассмотреть и исправить допущенные в прошлом просчеты, а затем продолжить свой собственный социально-экономический прогресс, т. е. строить принципиально новое общество на социально справедливых принципах, которые тоже известны. Мы сбились с этого исторически неизбежного перехода в новое состояние общества и должны вернуться на путь подлинного прогресса. Но для этого необходимо преодоление смуты (в виде господства либеральной идеологии) и восстановление в общественном сознании прогрессивной идеологии, дающей точное представление о логике исторического развития общества, раскрывающей содержание социально справедливых принципов организации его жизни, исключая в перспективе кризисные тенденции и перебои в прогрессе.

Тревожность и рискованность предстоящего периода прямо связана с утратой верных, а именно марксистских представлений о закономерностях общественного развития и продолжающейся интеллектуальной деградацией общества. Сложность состоит в том, что либерализм уже развенчан самой российской практикой. А обновленный марксизм еще не занял достойных позиций в общественном сознании. В итоге Россия оказалась в состоянии смуты особого рода (т. е. вообще без внятной идеологии). Сурков видит выход в создании новой идеологии «государства Путина» и предлагает сделать ее описание и обсуждение. Мы согласны с необходимостью новой идеологии и широким ее рассмотрением в стране, но видим ее в марксистской парадигме.

Следует отметить еще одну особенность утраты верных представлений об обществе. Она ведет к социальной шизофрении, столь стремительно распространившейся за последние несколько лет по всему миру. Как справедливо отметил Сурков, Запад сильно свихнулся. Он, правда, приписывает утрату коллективным Западом здравого смысла влиянию России, полагая, что «в действительности... Россия вмешивается в их мозг» и теперь «они не знают, что делать с собственным измененным сознанием» [8].

У нас вряд ли есть основания считать, что «с тех пор как... наша страна... начала сама производить смыслы и перешла в информационное

контрнаступление на Запад» [9], положение резко изменилось. Не нужно ставить себе в заслуги некие идеологические находки. Их просто нет. Все наше контрнаступление ограничивается вскрытием бредовости фейковых обвинений в адрес России типа «дела Скрипалей», вмешательства в американские выборы, сбитого в небе Украины пассажирского Боинга, газовых атак в Сирии, агрессии России на Украине и т. п. измышлений их воспаленного воображения.

Наши либеральные политологи не могут производить никакие смыслы на основе идеологии, тождественной или просто прозападной, поскольку продолжают жить и мыслить стереотипами, сформулированными вашингтонским консенсусом еще в 90-е годы. Хотя либерализм дискредитирован в России (так же как и марксизм три с лишним десятилетия назад), мы еще не избавились от него. Его представители остаются в «государстве Путина». Они широко представлены в информационном пространстве, в том числе с явно шизоидными проявлениями (мы их знаем, но язык не поворачивается называть их имена).

Ну а явная деградация политики и политиков Запада в последнее пятилетие объясняется распространением и там все тех же либеральных представлений с соответствующими последствиями для состояния их сознания.

Что касается рождения новых смыслов (цели развития, образа будущего, представления о социальной справедливости, подлинной демократии и способах ее достижения), тут у нас полный провал. Такой глубокий, что даже предоставленные властям специальные материалы [10], раскрывающие содержание важнейших понятий современной идеологии, не вызывают ни малейшего интереса. Все это оказывается просто выброшенным, как и классический марксизм. И расплачиваемся мы за такой политэкономический кретинизм геополитической катастрофой в виде развала СССР, разрушением производственного потенциала России, деградацией образования и культуры населения, стагнацией экономики, сырьевой зависимостью, крупномасштабным вывозом капитала из страны, потерей смысла самого существования российской цивилизации. Каждый житель России, включая младенцев, платит за утрату верной идеологии около 1 тысячи рублей ежедневно (суммарно по стране — более 50 триллионов рублей ежегодно). Поэтому нет ничего более важного и экономически выгодного, чем возврат в общественное сознание системы правильных представлений, раскрывающих научное содержание и цивилизационный смысл существования России.

Когда оказываешься свидетелем популярных политических передач СМИ о США, Англии, Польше, Украине, становится очевидно: да, у российских их участников, исключая либералов, явно больше и логики, и здравого смысла. Они не отказываются от собственной истории, включая ее позорнейшие страницы. Стыдно, что в 90-е годы мы превратились в страну дураков и руками собственной власти до основания развалили важнейшие отрасли промышленности. Но это мы, и это наша история.

Взятая в своей целостности с героическим прошлым, она поучительна и хорошо ставит на место и логику, и здравый смысл человека, переосмысливающего свое прошлое. И уж если мы побывали в формационном будущем, далеко шагнув за границу капитализма, а потом вдруг сбились с пути и оказались в глубокой социальной давности, то, трезво смотря на эти шатания в своей истории, мы можем быстрее понять, какие шаги нам следует сделать, чтобы перестать топтаться в нерешительности на месте. Поняв логику истории, мы можем, твердо и широко шагая, двинуться наперстывать упущенное. Но даже без анализа этого опыта его наличие делает нас мудрее и социально выше любого представителя старого капитализма или тех, кто, получив его вместе с нами, отрекся от части собственной истории, выбросив ее из сознания. И теперь мы понимаем, что стоим перед очередным историческим выбором — шагнуть в следующую формацию, которая служит началом цивилизационной эпохи человечества, или вынужденно (в силу либерального помешательства) притормозить, поскольку временно утратили способность ориентироваться в историческом пространстве. Статья Суркова прямо подталкивает обществоведов к созданию новой идеологии будущего, позволяющей увидеть образ цели и понимание необходимых шагов, дающих нам возможность снова оказаться в цивилизованном состоянии.

Для марксиста, уже владеющего объективной «логикой исторических процессов», этот шаг в будущее не вызывает сомнений. Он предопределен и непременно состоится, ибо страны и народы, не идущие в следующую формацию, неизбежно гибнут. Вот только хватит ли дерзости сделать этот шаг Путину? Увы, наша собственная история дает нам примеры далеких от здравого смысла решений политических лидеров.

Пока же, несмотря на наличие в теории развития общества понимания глубинного смысла переживаемого нами исторического периода как перехода ряда стран из варварства в цивилизованное состояние, как раз в силу идеологической неполноценности общественного сознания, нам приходится делать вывод о возможности не лучшего выбора для России со стороны ее власти. Никаких намеков на столь желанное понимание «логики исторических процессов» и «реализма предопределенности» в реальной жизни на уровне «государства Путина» не наблюдается.

Справедливости ради надо сказать, что разработанная Марксом теория развития общества не так проста, и не каждый способен ее усвоить. Тому есть множество доказательств:

— Царская цензура, в частности, допускала издание в России главной работы Маркса «Капитал» без каких-либо купюр, так как считала содержание книги сложным и недоступным для понимания масс.

— Сам Маркс был недоволен качеством усвоения его теории французскими революционерами конца XIX века. Не случайно однажды он сказал своему зятю Полю Лафаргу по этому поводу: «Если они марксисты, то я не марксист». Этот случай упоминает Энгельс в письме Конраду Шмидту: «Дело обстоит совершенно так же, как тогда, когда Маркс

говорил о французских «марксистах» конца 70-х годов: «Я знаю только одно, что я не марксист» [11]».

— Ленин тоже коснулся этого вопроса: в 1914 году, изучая «Науку логики» Гегеля, Ленин записал в «Философских тетрадах»: «Нельзя вполне понять «Капитала» Маркса и особенно его 1 главу, не проштудировав и не поняв всей Логике Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса 1/2 века спустя!»

— Сталин также ощущал на практике недостаточность понимания марксизма и считал необходимым разработать учебник по теории развития общества, принимал в его создании активное участие, рекомендовал поправки, касающиеся строительства социалистического общества.

— Прямым следствием проблем освоения марксизма стала геополитическая катастрофа — крах СССР. Уже в 60-е годы в СССР произошла почти полная утрата культуры воспроизводства марксистских знаний, что стало главной причиной застоя в экономике, а потом и кризиса в СССР.

— Сурков своим вкладыванием в слова Маркса совсем другого смысла (Маркс, якобы, сомневается в справедливости собственных теоретических положений и вряд ли бы оставил их без коренного пересмотра, «если бы узнал, что это такое») также подтверждает мысль о сложности освоения классического марксизма. (Хотя здесь может быть и лукавство: он понимает смысл, но отводит внимание от марксизма как опасной для «государства Путина» идеологии.)

— Откровенное предательство лидерами компартий стран социалистического содружества идей строительства социализма и контрреволюционный переворот сверху также красноречиво говорит о потере марксистского мировоззрения в XX веке.

— Разобщенность коммунистического движения — еще одно следствие идеологических разногласий на почве догматически воспринимаемого марксизма.

— Катастрофическая практика либеральных (рыночных) реформ в России 90-х годов служит прямым свидетельством крайней убогости представлений их инициаторов в части понимания логики экономических законов развития общества.

— Застой в экономической практике «государства Путина» в постельцинский период и до настоящего времени также говорит об отсутствии понимания логики исторических процессов, равно как и появление сомнительных утверждения самого Суркова в его публикации, кто бы и что бы нам об этом ни говорил.

— Потеря смыслов и целей развития современной России, постоянно отмечаемая в выступлениях публицистов, лишней раз подтверждает существование сложностей освоения этой сферы знания. О недостаточности знаний в этой области говорят и наши заметки по поводу идеологии «государства Путина».

Исключение марксизма из системы российского образования резко понижает творческий потенциал сегодняшней молодежи. А общее падение

качества образования в результате реформ постсоветского периода еще более затрудняет освоение теории развития общества. Такая деградация интеллектуального потенциала молодежной части населения страны нужна всем недругам РФ, поскольку служит основным фактором, сдерживающим ее прогресс в перспективе.

У нас, однако, нет выбора в марксистском смысле, если мы хотим сохранить себя в истории, но у нас есть нечто особенно важное — 70-летний опыт жизни в посткапиталистической формации и его научное обобщение. Одновременно продолжало развиваться и учение классиков. Не все у основателей марксизма можно считать истиной в последней инстанции. Множество его пробелов и неточностей уже устранено. Мы должны будем вернуться не просто к классической теории развития общества, а сделать это с учетом анализа нашего исторического опыта. Новые знания позволяют не наступать на исторические грабли, а следовать курсом устойчивого и бескризисного развития. Трудности освоения марксизма — не повод для его отрицания. Не существует нигде и никакой другой достаточно развитой системы представлений о законах развития общества. Поэтому современный марксизм придется изучать. Он дает широкую панораму исторического движения общества. Он давно уже стал школой интеллектуального развития. Его политическая экономия остается единственной наукой, дающей понимание социально-экономического смысла развития, делающей мир устойчивым и справедливым.

Значимость Маркса как аналитика общества и современного марксизма становится сегодня более важной, чем век назад. Во-первых, в силу утраты культуры воспроизводства политэкономических знаний. Во-вторых, возникновения идеологического вакуума в результате дискредитации либерализма. В-третьих, осознания в обществе важности образа будущего как цели развития, возвращающей смыслы существования российской цивилизации. В-четвертых, достаточной готовности современной теории для преодоления сегодняшнего застоя во всех сферах жизни общества (хотя в теории всегда есть место для дальнейшего развития).

Но самым несправедливым для России и даже преступным было бы намерение уступить лидерство в социально-экономическом прогрессе человечества другим странам (Китаю, Индии или южноамериканским странам). Мы ведь первыми сделали гигантский шаг в посткапиталистическое будущее. За нами пошла треть стран Европы и Азии. Уже без нашего участия делаются попытки вырваться из капиталистического варварства в Южной Америке и в Африке, доказывая объективную неизбежность перехода мира к цивилизационному этапу развития общества на планете. Мы оступились на этом пути в результате утраты культуры воспроизводства научной идеологии. Но мы же и продвинулись много дальше других в понимании сути социально-экономического прогресса. Все проблемы раннего социализма уже давно решены. Поэтому повторять ошибки прошлого, в том числе решительных, но недостаточно грамотных строителей коммунизма в СССР, можно только в случае сознательного предательства

интересов России и ее прогрессивного будущего. Никто ведь не мешает никому разобраться в теории развития общества. Марксизм, в современной его трактовке, т. е. избавленный от стародавних просчетов и дополненный научным обобщением практики мирового социалистического движения в прошлом веке, а также уроками капиталистической России XXI века, стал единственным надежным способом излечения от недугов современного капиталистического общества. Пора его осваивать **властью** и делать следующий шаг в формационном развитии России.

Об идеологии вообще нужно сказать следующее. Перефразируя известное высказывание, отметим: жить в обществе и быть свободным от представлений об обществе при наличии сознания, этого внутреннего зеркала окружающего человека мира, невозможно. Вот только зеркало у каждого — с индивидуальной степенью кривизны. И потому знание законов развития общества имеет персональные особенности. При отсутствии корректирующего воздействия науки (а марксизм и есть наука) их понимание оказывается настолько далеким от реальности, что принимать управленческие решения с предвидимым результатом становится вообще невозможно. Вот только осознавать, что собственные представления об обществе могут быть ошибочными, почти никто не может, даже если желаемый результат управления систематически не достигается. Именно по причине опоры представителей власти на ложные, но зато собственные взгляды о законах развития общества, произошел развал СССР. По той же причине случилось дичайшее разрушение производственного потенциала ельцинской России. Из-за тех же деформаций во взглядах на законы развития общества желаемое избавление российской экономики от сырьевой ориентации и ускорение ее роста уже второй десяток лет не получается. Путин даже не может включить механизмы ответственности в отношении экономического блока его государства за неисполнение указов и распоряжений, за провалы в экономической области. Скорее всего потому, что его собственная идеология в основном совпадает с идеологией экономического блока правительства РФ, и он просто не может увидеть, где и какие просчеты допускаются подчиненными ему структурами власти.

2.2. Узкие горизонты «государства Путина»

Сегодня положение в экономике такое, какое было в горбачевский период: все, включая власть, понимают, что нужна перестройка, но что именно и как перестраивать, было и остается непонятно. Нет идеологии, т. е. видения будущего, понимания настоящего, усвоения уроков своей собственной истории.

«Долгое государство Путина», отвергнувшее марксизм при полном банкротстве либерализма еще в ельцинский период, с естественной закономерностью оказалось в состоянии смуты, в идеологическом вакууме и второй десяток лет просто не знает, куда власть употребить, чтобы подтолкнуть Россию к ускоренному экономическому росту.

Этот вывод невольно подтверждает и Сурков фразой о необходимости изучать путинизм как идеологию будущего, поставленной рядом с рассмотренным высказыванием о марксизме. Он подчеркивает: «Именно будущего, поскольку настоящий Путин едва ли является путинистом, так же, как, например, «Маркс не марксист»...»

Вряд ли стоит детально рассматривать смыслы и противоречия этого утверждения Суркова. Нынешняя идеология государства Путина не является загадкой. Это один из вариантов того же либерализма с заявленной патриотической ориентацией и государственным участием в регулировании процессов развития общества. И потому она не идеология будущего. К тому же, патриотизм предполагает реальное получение позитивных результатов экономической политики, которых пока слишком мало.

Отметим лишь, что оборот «настоящий Путин едва ли является путинистом», примененный явно для красного словца, в сочетании с рассмотренным выше отношением Суркова к марксизму (полное его отрицание), приобретает особый смысловой оттенок. Он звучит как признание, что в настоящем идеология Путина пустовата и страдает просчетами. И весь его нынешний «комплекс идей и измерений» в близком будущем должен быть выброшен целиком вслед за марксизмом и заменен на некую «идеологию будущего», содержание которой пока тоже в тумане. Этот смысловой оттенок возник спонтанно, вопреки логике Суркова, остающегося либералом и не собирающегося ничего менять в своей системе представлений, а тем более заимствовать хоть что-то из марксизма с целью создания прогрессивной, т. е. действительно патриотической государственной идеологии, обеспечивающей процветание России.

А когда Сурков призывает изучать и описывать идеологию «государства Путина» (как «весь комплекс идей и измерений путинизма»), но прежде всего как «идеологию будущего Путина»), то лишний раз ставит себя в неловкое положение. Изучать существующий вариант путинского либерализма, в силу его банкротства, имеет смысл только для того, чтобы точно знать, что ложно и чего следует избегать в перспективе. На примере уже рассмотренных положений статьи Суркова мы показали, что в ней почти нет верных положений, она антинаучна в целом. Практика самим фактом отсутствия заметного экономического прогресса говорит о том же. А потому нужно не столько изучать идеологию застоя, тем более, что его причины давно известны, сколько помогать осваивать новые положения теории и внедрять их в сознание представителей власти в качестве идеологии будущего Путина, на основе которой «государство Путина» станет действительно экономически эффективным.

Изучать будущую идеологию Путина невозможно в силу отсутствия самого объекта познания. Можно только показать, чем либерализм должен быть заменен. Нужна система взглядов, максимально точно отражающая содержание законов общественного развития и механизмов их реализации в хозяйственной практике. И здесь нет ничего другого, кроме все того же

марксизма, правда, в современном его исполнении, т. е. с учетом научного обобщения социальной практики предыдущего столетия.

Вряд ли стоит надеяться на разработку «государством Путина» продуктивной теории развития. Марксизм как научная основа такой идеологии в этой среде явно не в моде. Обобщения практики хозяйствования социалистического периода, прежде всего по причине провала «красного проекта» в СССР и мире, нет и в помине. Печальная практика российской экономики (трех десятилетий периодических кризисов, сменяющихся краткими фазами незначительного ее оживления) тоже ничему не учит. Убеждают нас в том же и слова Суркова, представляющие этот результат в розовых тонах, как «большую политическую машину Путина», которая «только набирает обороты и настраивается на долгую, трудную и интересную работу» [12]. Т. е. на ее раскачку и раскрутку уже ушло 15 лет, а выход «на полную мощность» все еще «далеко впереди». Это ли не красноречивое подтверждение застойности экономики, действующей в рамках принятой либеральной идеологии? Проще говоря, рост экономики России заблокирован действиями Правительства РФ, принимающего управленческие решения в рамках его нынешней системы взглядов на законы общественного развития, и без снятия искусственно созданных преград она не заработает никогда.

Идеологический провал есть факт, который действительно служит подлинной причиной невозможности преодолеть застойный характер экономики. А потому полный разворот «большой политической машины Путина» надолго откладывается, по крайней мере, до обретения идеологией Путина качественно новых, научных, а значит, и прогрессивных характеристик.

2.3. Что еще вызывает сомнения?

На явную безнадежность либерального направления поисков новой идеологии Путина указывает и внутренняя противоречивость ряда других положений статьи Суркова. Отметим несколько таких моментов.

1) Сурков неверно трактует представления либералов о роли государства, «учение которых строится на отрицании всего хоть сколько-нибудь полицейского» [13]. Наоборот, либералы согласны с ролью государства — выступать в качестве сторожа и охранять сложившиеся производственные отношения капитализма, т. е. «быть орудием защиты» режима в стране и «нападения» на его критиков и возмутителей спокойствия. В этом пункте своих представлений либералы согласны с позициями марксизма о государстве как машине для подавления протестов и сохранения действующего режима власти. Они только за отстранение государства от вмешательства в экономику, поскольку считают его вредным, мешающим действию «невидимой руки рынка». Они, как обычно, просто не понимают, почему эта рука утратила регулируемую функцию. То ли вообще забыли теорию и уже не знают, как этот механизм работает, то ли им невдомек,

что в нынешней России этот механизм нормально действовать не может в принципе, так как регулируемую роль «руки рынка» взяли на себя монополии, криминальные структуры общества, да и само «государство Путина», прежде всего потому, что решить главные проблемы безопасности страны иначе просто невозможно.

2) Не вызывает доверия и представление Суркова о государстве. «Государство у нас не делится на глубинное и внешнее», «Глубинного государства в России нет, оно все на виду» [14].

Аналогом «глубинного государства» в марксизме служит господствующий в экономике слой общества. Сегодня это корпоративно-финансовая олигархия. Этот слой возникает и воспроизводится в результате действия объективного закона капитализма — закона концентрации капитала. Это тоже азбучная истина. Олигархи в России действительно отодвинуты от политики, и это заслуга Путина. Но они никуда не исчезли, а просто ждут удобного случая, чтобы снова заявить свои претензии на власть. А что делают олигархи во власти, показывает Украина: обеспечивают рост собственных доходов за счет граждан, реального сектора производства и самого государства. При этом они рушат все, в том числе и саму страну. Это мы видели у себя в 90-е годы. Поэтому единственно надежный способ избавления от угрозы возврата олигархов к власти — марксистский: ликвидация частной собственности на средства производства как единственной экономической основы их существования и воспроизводства.

Кроме того, «глубинное государство», отстраненное Путиным от участия в политике (и не существующее, по версии Суркова), настроено против Путина. В частности, рупор «глубинного государства» — радио «Эхо Москвы» работает против его власти, и даже не всегда скрытно, создавая внутреннюю цветастую оппозицию, понижая степень доверия к самому Путину и, надо сказать, не без некоторого успеха [15]. Возникает естественный вопрос: а не закончится ли само существование «государства Путина» вместе с окончанием сроков его полномочий? Вероятность такого поворота не исключена.

Нужно принять во внимание и другое обстоятельство. «Государство Путина» имеет довольно сложную структуру. Его не следует отождествлять с лицом высшего уровня власти. Оно слишком часто не слушает (или не слышит) лично Путина, не выполняет его указов и распоряжений, часто безнаказанно. Доверие «глубинного народа» к разным органам «государства Путина» тоже очень разное. Путин хотя и намерен служить народу, но сам находится в либеральной парадигме и в силу этого служит капиталистическому классу общества. А его органы власти, уже без вариантов и прикрытия, преданно угождают интересам «глубинного государства», существование которого Сурковым голословно отрицается. Они часто предлагают «непопулярные решения», откровенно противоречащие желаниям большинства граждан страны. Их-то и вынужден либо отклонять, либо смягчать сам Путин не без пользы для себя, поддерживая на этом сглаживании свою популярность. Классическим примером может

служить пенсионная реформа, которую Путин долгое время отклонял, но, в конце концов, принял с некоторыми оговорками.

3) И уж совсем далеки от истины представления Суркова о глубинном народе, который, по его мнению, «всегда себе на уме, недостижимый для социологических опросов, агитации, угроз и других способов прямого изучения и воздействия».

Тезис о его непознаваемости опровергнут им же и тут же. «Уникальное и главное достоинство государства Путина, — заявляет Сурков, — в умении слышать и понимать народ, видеть его насквозь, на всю глубину» [16]. Вот только «действовать сообразно» этому пониманию «государство Путина» не может, поскольку, по его же утверждению, это «понимание... часто приходит внезапно и поздно, и не к тем, кто может что-то сделать». Проще говоря, органы «государства Путина» не только плохо слышат и мало понимают народ, но никогда не действуют в его интересах, хотя и могут. А причина не только в либеральной идеологии, которой они руководствуются. Еще в 90-е годы они были призваны к власти «глубинным народом», приняли хозяйственное законодательство по либеральным (капиталистическим) канонам, предполагающим возрождение этого самого «глубинного государства» (существование которого, напомним, отрицает Сурков), и теперь верно ему служат, не помышляя о необходимости существенной коррекции правовых норм в сторону защиты интересов «глубинного народа».

4) Неправ он и в том, что «редкие обществоведы возьмутся точно определить, равен ли глубинный народ населению или он его часть, и если часть, то какая именно» [17].

Во-первых, любой мало-мальски грамотный марксист сделает это без труда, хотя подлинных знатоков марксизма, разбирающихся в классовой структуре общества, действительно осталось немного. Конечно же, их нет в «государстве Путина». Но они есть в России и легко разложат вам население на все его социальные страты. Они найдут и «глубинный народ», трудами которого живет отечество, и «глубинное государство», присваивающее сверх меры результаты труда народа, и либералов, наводящих тень на плетень в силу неспособности усвоить давно известные закономерности развития общества. Они могут вычленивать аппарат Путина из состава его государства, и даже отделить лично Путина от его окружения, обозначить его функциональную нагрузку и то, что он должен делать для народа, но не может делать, т. к. служит, оставаясь в либеральной парадигме, не столько народу, сколько «глубинному государству», слегка ограничивая его грабительские повадки.

Только упертые либералы, утратившие всякие научные представления о структуре общества, полагают, что здесь есть какие-то сложности. А не берутся они за такую работу, так как точно знают, что либо обнаружат свою дремучесть, либо еще раз откроют для себя основное антагонистическое противоречие классового порядка, что настоятельно потребует вывода о необходимости коренных преобразований в самой структуре

общества. Он хоть и логичен, но неприемлем для них в принципе. Это вынуждает их прибегать к лукавству и сомнительным утверждениям во спасение себя и тех, кому они служат.

5) Столь же противоречивы суждения Суркова о доверии и долговечности «государства Путина». «Современная модель русского государства начинается с доверия и на доверии держится... И в этом ее сила, — утверждает он, тут же себя опровергая: — По существу же общество доверяет только первому лицу» [18]. Это подтверждает и ВЦИОМ, составляющий еженедельные индексы одобрения деятельности государственных институтов, определяемые по разнице между числом одобряющих и не одобряющих деятельность органов власти (этот показатель отражает как раз степень доверия граждан). Согласно опросам ВЦИОМа, на 23 марта 2018 г. Президенту России доверял 71% опрошенных, Председателю Правительства — 12%. Через год, 23 марта 2019 г. этот индекс стал у Президента России 40%, у Председателя Правительства опустился до 9%. Причем у последнего он перешел в отрицательную зону и устойчиво там держался с 17 июня 2018 г.

Зная это, можно ли вообще говорить о доверии граждан как основной характеристике и силе «государства Путина»? Скорее наоборот. Не лучше ли сказать, что переменчивость доверия граждан стала весьма заметной характеристикой шаткости «государства Путина»?

Как представляется, Сурков забывает о главном условии проявления доверия к власти — фактических результатах деятельности органов власти в области своей компетенции. Если внешняя политика показывает значительные успехи Путина, его рейтинг растет. А когда другая часть государства не дает желаемых результатов, когда внутренняя политика характеризуется длительным застоєм, соответствующим оказывается и доверие к Председателю Правительства РФ. Рикошетом падает доверие и к главе такого государства. Это и демонстрируют опросы ВЦИОМа.

6) Ключевой вопрос: почему в экономике страны царит застой, Сурков даже не ставит. Вместо этого он пытается объяснить нам, что чем выше авторитет Путина, тем больше у него должно быть правомочий, что такое усиление авторитаризма есть средство повышения эффективности всей власти. Вряд ли можно найти убедительные аргументы в защиту этой не слишком плодотворной мысли. Во-первых, наша Конституция уже дает более чем царские полномочия Президенту, которые не используются в полной мере для повышения эффективности экономики (например, механизмы ответственности). Во-вторых, нельзя приказывать экономике развиваться желаемыми темпами. Можно только понять природу сдерживающих развитие факторов и найти способы их удаления из «актуальной политики» власти. Значит, надо не расширять полномочия главного должностного лица, а менять средства управления экономикой. Но тут проблема упирается в рамки либеральных подходов, ограничивающих роль государства в экономике функциями стража порядка. А верная идея о необходимости обновления идеологии Путина выходит из поля

зрения Суркова и остается без аргументации вообще, хотя устранение из нее просчетов либерализма действительно может должным образом сказаться на состоянии экономики.

7) И, наконец, основное утверждение Суркова. Приписывая способности и авторитет Путина всем органам власти, он полагает, что «умение слышать и понимать народ, видеть его насквозь, на всю глубину и действовать сообразно — уникальное и главное достоинство **государства** Путина. Оно адекватно народу, **попутно ему**, а значит, **не подвержено разрушительным перегрузкам от встречных течений истории**. Следовательно, оно эффективно и долговечно» [19].

Тут уж точно все наоборот. Про эффективность мы уже упоминали: рост экономики на уровне статистической погрешности никого не устраивает, и прежде всего самого Путина. Он ставит главной целью управления рост благосостояния народа, а его государственное окружение демонстрирует неспособность на такой поворот в политике. Но основной просчет Суркова в другом. Он не видит, что развитие страны направлено еще в 90-е годы **против течения истории**, а не попутно ему, и сегодня остается с тем же курсом, а потому не может существовать без кризисных перегрузок, блокирующих рост.

Мы вполне допускаем, что «умение слышать и понимать народ» у «государства Путина» есть. Но понимание народа, его проблем и нужд в буржуазном государстве никогда не приводит к нужным народу решениям без принуждения это сделать. Государство в таком обществе по определению служит господствующему слою общества («глубинному государству» по Суркову), создает именно для него благоприятный предпринимательский климат, чем и занято все три десятилетия в «новой» России. Здесь и Путин — не исключение. Поэтому способность «государства Путина» действовать сообразно нуждам народа остается под глубоким сомнением.

Заметим, кстати, что желания и надежды большинства трудящихся давно известны и без специального прислушивания. Народ хочет роста оплаты труда и ликвидации бедности, устранения социального неравенства, получения социального обслуживания на должном уровне. Главное ожидание народа — исключение самой основы социального паразитизма в обществе, т. е. частной собственности на средства производства, но на такой шаг в служении народу сегодняшний Путин не готов прежде всего по идеологическим соображениям. Кстати сказать, именно по этой причине и требуется новая идеология будущего Путина, на раскрытии смысла и описании которой настаивает Сурков. Она должна стать основой нового курса, снять с тормозов экономику РФ и обеспечить ее ускоренный рост.

Но тут есть две трудности. Первая. Мы утратили верные представления о законах общественного развития еще в советское время, более полувека назад. Вторая. Капиталистические порядки восстановлены также уже давно, три десятилетия назад. Мы к ним привыкли, считаем нормой и не осознаем, что вместе с приватизацией собственности в экономике России восстановлены антагонистические, т. е. непримиримые социальные

противоречия капитализма. Они неизбежно порождают социальную напряженность в обществе, приводят к глубокой отсталости страны и в конечном итоге заканчиваются либо ее разрушением, либо революционными преобразованиями в строе общества, т. е. переходом в новое формационное состояние без эксплуатации труда. Три десятилетия мы уже потратили на капиталистический отстой, но власть так и не осознала допущенного просчета. Взятый Россией курс на восстановление и сохранение пережившего свое время капитализма как раз и вызывает те самые «разрушительные перегрузки от встречных течений истории» (не осознаваемые либерально мыслящими политиками), что как раз и означает недолговечность и ненадежность нынешнего «государства Путина». Только в самое последнее время сам Путин заговорил о несостоятельности либерализма, а Сурков выразил убеждение в необходимости новой идеологии, которую следовало бы тщательно рассмотреть и описать. Действительно, пора включать в работу мозги и серьезно разбираться с идеологическими проблемами.

Преодолеть «перегрузки от встречных потоков истории», которые точнее называются экономическими кризисами, классовыми противоречиями, криминальными наслоениями, социальными потерями, массовыми политическими протестами, вызываемыми капиталистическими пороками общества, можно только в обратном процессе — национализации средств производства. Но пока новой идеологии у Путина нет, он не готов действовать сообразно воле «глубинного народа», служить его интересам, т. е. пересматривать итоги приватизации и дальше шаг за шагом исправлять допущенные ранее управленческие просчеты. И не в силу радикальности такой меры, а просто потому, что он продолжает верить в догму либерализма о более высокой эффективности частной собственности (что опровергается его собственным опытом руководства ВПК), и в то, что без частной собственности не может быть рыночной экономики, и уж точно не знает, как обеспечить функционирование государственной собственности в более эффективном режиме, чем частная собственность, и потому не видит смысла в национализации. Он все еще полагает, что в рамках капитализма можно существенно увеличить темпы экономического роста, и периодически выдает такие задания экономическому блоку своего государства, несмотря на безуспешность многолетних попыток их осуществить. И пока в его будущей идеологии не появится система представлений, раскрывающая существо механизма блокирования социально-экономического прогресса в условиях современного капитализма, пока новая идеология не даст гарантии процветания России на основе другой формы собственности (государственной или общенародной⁵), никаких изменений в этой части ожидать не следует.

⁵ Общественная форма собственности предполагает существование народа в качестве юридического лица, наделенного правами собственности по объектам, считающимся общественными достоянием

Да и вообще направленность хода истории — вопрос в идеологии главный, но в либерализме представлен теоретически неверно. Согласно ему прогресс общества состоит в смене технологических укладов и в увеличении разнообразия средств удовлетворения потребностей. Очередным укладом в ближайшем будущем называется цифровизация экономики. А целью развития провозглашается рост благосостояния на основе повышения разнообразия удовлетворяемых общественных потребностей. Однако многолетняя практика таких перемен показывает: рост разнообразия средств удовлетворения потребностей происходит, а вот сдвиги в благополучии у большей части населения не заметны. Значит, результаты этого прогресса присваиваются узкой частью населения (собственниками средств производства). В итоге углубляется имущественное расслоение граждан с хорошо известными социальными осложнениями в обществе.

В отличие от либерализма марксизм включает два направления прогресса: а) то же технико-технологическое и б) неизвестное либералам социально-экономическое. Причем второе направление является главным и определяющим темпы развития. Его сутью является совершенствование самого устройства общества. Ладно скроенное общество обеспечивает эффективное использование производительных сил, справедливое распределение результатов производства и общественное согласие в длительной перспективе. Основной целью такого общества является полное и всестороннее развитие каждого члена общества.

Чем более продвинуто общество в социально-экономическом направлении, тем лучше оказываются образование, здравоохранение, наука, тем более развитыми становятся способности самого человека, тем выше темпы научно-технического прогресса, тем больше открывается возможностей создания благоприятной среды обитания. **И этот факт доказан на практике советской экономикой. Количество заявок на открытия, изобретения и рационализаторские предложения было в 100 раз выше нынешнего.** Не случайно СССР быстро догонял развитые капиталистические страны, вышел на передовые рубежи НТП и первым стал осваивать космическое пространство. Сбой в развитии СССР случился как раз по причине утраты понимания сути социально-экономического прогресса в послесталинский период.

Отсутствие в либерализме представлений о социально-экономической организации общества и прогрессе в этой сфере делает его ложным изначально (например, воспеваемое либералами представление о свободе как главном элементе прав и свобод человека в обществе). Способом расширения такой свободы они считают частную собственность на средства производства. Она действительно позволяет их собственникам шире удовлетворять свои потребности, но исключительно за счет ограничения тех же возможностей наемным работникам хорошо есть, пить, одеваться, лечиться, получать образование, путешествовать и т. д. Смысл «священного права частной собственности» как раз в том и состоит, чтобы позволять собственникам безвозмездно присваивать результаты

труда наемных работников. Это самое право давно стало самым грубым и хорошо известным средством порабощения граждан. Именно оно извращает представление о «свободе» до своей противоположности, означающей произвол или вседозволенность. Вот от него и нужно в первую очередь избавлять общество. Его исключение из жизни СССР и других стран социалистического содружества было гигантским шагом на пути социально-экономического прогресса. Освобожденный от эксплуатации труд людей позволил СССР провести индустриализацию и культурную революцию, выстоять в Великой Отечественной войне, стать передовой научно-технической державой в послевоенный период. Единственный субъект, который может и должен ограничивать самоуправство в обществе это — само государство, его правоохранительные органы. Следовательно, **чем более жестко государство сдерживает возможности одних граждан ограничивать свободу действий других людей на основе права частной собственности, тем большей свободой обладает человек в обществе и тем более свободным становится само общество.**

Но исключение из жизни общества права частной собственности на средства производства оказалось не единственным условием создания свободного общества. Не менее важным правилом было выстраивание рациональных механизмов хозяйствования, не допускающих появления негативных тенденций в развитии общества и возникающих в связи с ними потерь. Вот этот элемент свободного общества не удалось должным образом выстроить в СССР. Наоборот, в послесталинский период создавались благоприятные предпосылки для возрождения социального паразитизма (спекуляция, теневая экономика, взяточничество, коррупция и др.). Утрата понимания роли социально-экономического развития привела к деградации механизмов хозяйствования, падению темпов экономического роста, возрождению социальной порочности общества. Возврат элементов частной собственности в конце 80-х годов резко обострил кризисное состояние экономики СССР, что закончилось социальным взрывом. Разгосударствление собственности стало средством окончательного развала экономики и провала страны в глубочайший экономический и политический кризис с последующим контрреволюционным переворотом, уроки которого не усвоены до сих пор⁶.

Логика развития современного капитализма также приводит к разнообразным внутренним и внешнеэкономическим проблемам. А сам человек, не имеющий естественнонаучного их объяснения, становится склонным к социальной шизофрении (т. е. объяснению нежелательных явлений фантазиями, не имеющими ничего общего с реальностью). Сегодня опыт научного обобщения социальной практики прошлого века позволил нам разобраться с проблемами экономики СССР, увидеть тупиковость как капитализма, так и либеральной идеи. Мы ясно представляем

⁶ Деградация социально-экономических характеристик СССР рассмотрена в разделе 3 данной работы.

себе будущее и не сваливаемся (так массово) в состояние социальной шизофрении, как это случилось с ведущими политическими фигурами в «передовых» странах капиталистического мира. Хотя, конечно, и наше общество затронуто этим недугом.

Для окончательного излечения от этой страшной болезни современности и профилактики нарушений здравого смысла в будущем нам не хватает только освоения положений современного марксизма, без которых ложность либеральных взглядов видна не вполне четко.

2.4. Что еще осталось вне поля зрения «государства Путина»?

Главное, чего вообще не видит Сурков (как и все либеральное сообщество), — это тот тупик, в котором уже оказалась Россия в результате движения навстречу потоку истории, т. е. в результате именно капиталистического переворота.

Логика реставрации капитализма из социалистической экономики по лекалам западно-ориентированного либерализма имеет общие черты и специфические характеристики, связанные с особенностями страны, в которой она происходит.

2.4.1. Тяжесть и безумство процесса реставрации капитализма в России

Типичными признаками реставрации капитализма мы считаем:

— дискредитацию марксизма и завоевание господствующего положения в общественном сознании либерально-рыночных представлений, ложность которых не осознается из-за ограниченности знаний в области законов общественного развития в среде интеллигенции (т. н. «мыслящего сословия» общества);

— формирование слоя частных собственников, живущих за счет многократного сокращения доходов остального трудящегося населения, часть которого доводится до нищенского состояния;

— криминальное присвоение объектов государственной собственности возрождаемым слоем частных собственников средств производства;

— дезорганизацию всего общественного производства при отказе от планирования, провал народного хозяйства в глубочайший экономический кризис с пассивным ожиданием, когда же «невидимая рука рынка» начнет выводить экономику в режим нормального функционирования;

— деиндустриализацию экономики страны до состояния, когда даже простое воспроизводство средств производства требует импорта широкого спектра машин и оборудования;

— утрату социальных завоеваний, прежде всего, права на труд и достойный уровень его оплаты;

— депрессию населения, социальную пассивность, склонность к объяснению нежелательных перемен враждебными происками агрессивных сил зарубежья;

— бегство из страны квалифицированной рабочей силы.

В России процесс реставрации капитализма имел свои особенности, связанные с предшествующей историей и менталитетом коренного населения страны.

1) Дискредитация марксизма в России была на редкость суровой, и к тому были серьезные основания. Во-первых, КПСС была руководящей и направляющей силой по Конституции СССР и потому несла прямую ответственность за все те безобразия, которые происходили в экономике. Во-вторых, лидеры КПСС совершили прямое предательство идеи строительства коммунистического общества, принимая совместными постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР меры по введению в хозяйственную практику частного предпринимательства и разгосударствлению собственности. В-третьих, идеологическая работа КПСС систематически приводила к дискредитации марксизма как научной основы построения коммунистического общества, поскольку провозглашаемые положения марксизма все больше расходились с реальными явлениями в экономике, которые ну никак не вписывались в теорию, а лучше сказать, просто опровергали теоретические постулаты марксизма. Все это, разумеется, становилось достоянием общественного сознания, в котором все большее признание получали либерально-рыночные представления. Окончательную дискредитацию марксизм получил уже после буржуазного переворота, когда коммунисты в России разбрелись по десятку коммунистических организаций, каждая из которых объявила свой вариант трактовки марксизма в качестве «самого верного». При этом никто из них до сих пор не может внятно объяснить естественную логику буржуазного перерождения власти в стране и собственную роль в этом процессе, сваливая вину на враждебное окружение.

2) Расплата за идеологическое предательство и переход к ложной либерально-рыночной системе представлений в области законов общественного развития стала поистине «карой небесной» с неисчислимыми материальными потерями, но прежде всего утратой здравого смысла. В глазах всего окружающего мира мы превратились в «страну дураков», руками собственной власти взявшихся крушить материальные основы собственного благополучия. В состав наших потерь вошли:

— крупнейшая геополитическая катастрофа, связанная с развалом СССР и содружества стран социалистической ориентации;

— откат России в социально-экономическое прошлое полутора вековой давности с потерей социальных завоеваний предыдущего столетия;

— разрушение промышленного потенциала страны, обеспечивавшего ранее возможность роста экономики нужными темпами и собственную политическую независимость, превышающее потери СССР в Великой Отечественной войне.

К ним следует добавить ежегодные потери двоякого рода: а) связанные с необходимостью обеспечивать роскошное существование возрожденного социального слоя частных собственников приватизированных средств производства, величиной в половину ВВП; б) вынужденный (из-за слабости налоговой системы РФ) экспорт невозпроизводимых природных ресурсов, означающий, что мы сегодня выживаем за счет ухудшения условий существования наших детей, внуков, правнуков и следующих поколений наших потомков. Все эти безмерные разовые и ежегодные потери, взятые вместе, и есть цена буржуазного переворота в России.

Верную оценку масштаба потерь не может представить себе не только подавляющее большинство рядовых граждан страны, но и так называемое «мыслящее сословие» общества — интеллигенция, получившая высшее образование и как будто способная осмыслить такого рода явления. Но следов их адекватного понимания не просматривается ни в статье Суркова, ни в других материалах, касающихся перспектив российского общества. А потому ровным счетом ничего не предпринимается для прекращения этого гигантского, поистине геростратовского расточительства. С такого масштаба потерями долгое и благополучное существование России в мире невозможно в принципе, а терпимое отношение к ним есть прямое и твердое доказательство массового умопомрачения под воздействием бредовой либерально-рыночной идеологии.

3) Другие характеристики буржуазной реформации также приняли гипертрофированный вид:

- кризис экономики в ходе капиталистического перерождения общества затянулся на целое десятилетие;
- инфляция, сопровождающая этот процесс, оказалась тысячекратно выше предполагаемой;
- приватизация государственной собственности приняла откровенно криминальный характер;
- степень расслоения населения по уровню доходов пятикратно превысила тот уровень, который считается предельно допустимым для стабильного общества;
- крайне опасным стало быстрое сокращение численности коренного населения;
- скорость образования монополий также была сверхвысокой;
- доля теневой экономики на рубеже тысячелетия оценивалась в 40%;
- особенно постыдной выглядела сырьевая направленность структурной перестройки российской экономики.

Чудом можно считать тот факт, что этот процесс не закончился ожидаемым Западом развалом России по образцу СССР, что объясняется исключительной терпеливостью и всепрощенческой природой русского и других коренных народов России, а также политическим искусством Путина.

4) Особенно важной задачей власти было сохранение в сфере общественного сознания ложных либерально-рыночных представлений

о частной собственности как основе эффективной рыночной экономики, о марксизме как об устаревшей и несостоятельной системе взглядов, предопределившей затратный тип хозяйствования в СССР и диспропорции в его экономике, приводящей к пустым прилавкам в магазинах и социальному взрыву. В практическом плане задача сводилась к реформе образовательной системы с целью резкого понижения объема и качества знаний у подрастающего поколения, к созданию в молодежной среде деформированных представлений о прошлом собственной страны, к навязыванию вздорной системы взглядов о законах общественного развития и принципиальной неспособности понимать «логику исторических процессов». Реформа образования (ЕГЭ-зация) привела к резкому падению интеллектуального уровня населения, все больше теряющего способности мыслить собственной головой и верно отражать в сознании реально происходящие процессы в обществе.

2.4.2. Непонимание механизма блокирования экономического роста

Слишком долгая экономическая пробуксовка «большой политической машины Путина», дополняющая мрачную картину безнадежности конечного результата буржуазных преобразований в России, также требует некоторых пояснений.

Не вдаваясь в детали и несколько упрощая суть процессов, скажем: в результате специализации труда и концентрации капитала происходит быстрая монополизация экономики и обособление сфер деятельности: материальное производство, торгово-посредническая деятельность, финансовая сфера, сектор извлечения природных ресурсов и их экспорт (прежде всего топливно-энергетических), сфера государственных и частнопредпринимательских услуг. Этот процесс имеет свои особенности, на которые мало обращается внимание специалистов, особенно на то, куда он направлен.

Сфера материального производства — всегда главная сфера. В ней создается все разнообразие продуктов труда в натурально-вещественной и стоимостной формах, составляющее предметную основу жизни любого общества. Но если с натуральной формой продукта ничего не происходит до момента его фактического потребления, то стоимостная оценка с самого начала получает искажения (в результате недоучета фактических издержек производства), а затем постоянно перераспределяется среди участников процесса воспроизводства общественной жизни. Первым среди них всегда бывает само государство, получающее в свое распоряжение часть стоимости в виде налоговых и прочих обязательных перечислений, но главными претендентами на получение своей доли вновь созданной в материальном производстве стоимости становятся предприятия торгово-посреднической сферы, финансовые организации и разнообразные монополии.

Основными средствами перераспределения общественного богатства выступают:

- разница между оптовыми ценами предприятий и розничными ценами;
- проценты по кредитам, комиссионные сборы за денежные переводы, спекуляции на курсе ценных бумаг;
- монопольные цены и рентные доходы в добывающих сырьевые и энергетические ресурсы отраслях экономики;
- инфляционный рост цен;
- экономическая политика государства, создающая благоприятные предпосылки для таких перераспределительных процессов.

С течением времени обособившиеся от материального производства сферы (прежде всего торговля и финансы) концентрируют у себя капиталы и начинают использовать силу государства, чтобы создавать для себя еще более благоприятные условия по перераспределению в свою пользу создаваемого общественного богатства.

На Западе хорошо знают о такой тенденции и оставляют за государством множество средств для противодействия этому процессу, но в экспорте «демократических ценностей» они это скрывают за либеральной идеей полного устранения возможностей государства влиять на экономические процессы в обществе, оставляя за ним только сторожевые функции. «Демократические ценности» такого рода стали одним из важных средств подавления экономик развивающихся стран с целью их превращения в неокolonии Запада. Все это давно изучено и многократно описано в трудах наших обществоведов, но не доходит до сознания хранителей либеральных ценностей в нашей стране.

Важно отметить еще один аспект буржуазного реформизма, вредность которого не осознается вовсе. Это навязчивая либеральная идея создания благоприятного инвестиционного климата для привлечения зарубежного капитала с целью развития нашей промышленности, оснащения ее передовой техникой и технологиями производства, чем заняты все центральные и региональные органы власти в стране.

Зарубежный капитал действительно идет в развивающиеся страны. Но цели его проникновения вовсе не те, на которые рассчитывают наивные привлекатели инвестиций. Первая и главная — уничтожение конкурентов, вытеснение из наиболее прибыльных секторов экономики (торговой, финансовой) национального капитала, а значит, прямое разорение промышленности. Вторая — производство и присвоение прибыли с целью вывоза ее за рубеж. Прибыль есть форма прибавочной стоимости, создаваемой трудом наемных работников. Она — единственный собственный источник средств, за счет которого происходит развитие материального производства. Чем больше передано рабочей силы зарубежным инвесторам, тем больше их прибыль от использования нашей рабочей силы, наших природных ресурсов, тем выше вывоз капитала и меньше средств для развития собственной промышленности.

Поэтому из этой либеральной затеи по привлечению зарубежного капитала (инвестиций) не может получиться никакого позитивного для страны результата. Единственным итогом становится дополнительное сдерживание возможностей экономического роста страны, отвлечение трудовых ресурсов и природных материалов для принесения прибыли зарубежным компаниям с масштабным вывозом капитала из страны. Это равнозначно потере части трудовых и материальных ресурсов. В России этот вывоз капитала приобрел чудовищные масштабы — порядка 6–7 трлн. руб. в год. И ничего, кроме стенаний по данному поводу, не происходит. Таким образом, естественный процесс концентрации капиталов по сферам предпринимательства приводит к созданию все более благоприятных условий для перераспределения общественного богатства, создаваемого в реальном, производящем секторе народного хозяйства, в пользу непроизводительных секторов экономики (торгово-посреднического, финансового) и монополистов в других сферах общественного производства, включая транснациональные корпорации. В итоге положение реального сектора экономики все больше осложняется. У него не остается средств для собственного развития. Экономический рост приостанавливается, а затем происходит едва ли не полная блокировка развития. Фактическая стабилизация экономического роста в России на уровне статистической погрешности в последнее десятилетие как раз и объясняется действием этого механизма торможения, не замечаемого «государством Путина».

Пока Россия в либеральном угаре разрушала свои производительные силы и превращалась в «сырьевую державу», Запад признавал такое развитие вполне благополучным и демократическим. Но как только в нулевые годы удалось приостановить деградиционные процессы, отношения с Западом резко обострились. Через некоторое время стало понятно, что подлинной основой конфронтации России и западного мира была не идеологическая противоположность капитализма и социализма, а сам факт существования России как независимого государства. Самопроизвольный и неожиданный для Запада распад СССР был только фактором, резко облегчившим его гегемонию в мире. Политиком того периода казалось, что Россия последует примеру СССР и распадется еще на ряд государственных образований также без их участия. Но Запад был удивлен и крайне раздосадован тем, что России в действительно сложных условиях удалось не только сохранить свою независимость, но и усилить свое влияние на мировые процессы.

Причину конфронтации России с Западом нетрудно увидеть в самом факте ее существования, что позволило направить усилия на защиту ее интересов. Гораздо сложнее распознать в экономике России механизмы, блокирующие ее развитие. В рамках либеральных представлений это никому не удавалось.

Поэтому объективную логику исторических процессов Сурков видит именно в стабилизации капиталистического строя в РФ. Никаких его пороков он не замечает вообще и потому патетически провозглашает:

«У нашего нового государства в новом веке будет долгая и славная история. Оно не сломается» [20]. Но все вышесказанное говорит об обратном. Антагонизмы и социальные противоречия сложившегося строя общества не сглаживаются, а нарастают, особенно во внешнеэкономической сфере. Российский капитализм дошел до предельной стадии развития, и его социальный паразитизм стал совершенно очевидным даже для власти.

Этот процесс, с учетом влияния зарубежного капитала, делает практически невозможным выход экономики России на режим устойчивого экономического роста с темпами, существенно опережающими развитие экономики Запада. Увы, у такого государства и с таким окружением в новом веке не может быть ни «долгой», ни «славной» истории. Россия как сделала антиисторический выбор в 1991 году, так и продолжает слепо его выдерживать, опровергая исходный тезис Суркова о дерзости в следовании требованиям «логики исторических процессов» или «реализму предопределенности».

3. Чему учит еще не слишком далекая история России?

Что же именно и в каком направлении нужно менять в действующей системе представлений, чтобы в итоге получить желанную идеологию будущего Путина? Такую идеологию, которая вернет экономике России нужную динамику, обеспечит процветание России и в ближайшем будущем, и в отдаленной перспективе, ту именно идеологию, которая, став достоянием сознания руководителя страны, только и может сделать из него политического лидера «длинной воли».

Понять «логику исторических процессов», составляющих ее основу, можно было бы и без марксизма, а только беспристрастно и добросовестно изучая опыт собственной истории, имеющей славные страницы не такого уж далекого прошлого. Но и тут Суркова приходится поправлять, поскольку он, в свойственной ему манере смещения смыслов, пытается отвести внимание читателя именно от того периода, уроки которого более всего важны для формирования современной идеологии, гарантирующей стране выход из застойного состояния и устойчивое движение по пути социально-экономического прогресса.

3.1. Государство Ленина или государство Сталина?

Восхваляя «государство Путина», Сурков сравнивает его с авторитарными режимами прошлого, в том числе и с советским периодом, названным им «государством Ленина».

Ленин действительно был основателем политического строя, по типу власти — авторитарного изначально. Он назывался «диктатурой пролетариата». Предполагалось, что это ненадолго, что такое государство отомрет за ненадобностью, что страна Советов обойдется вообще без

государства. Эта идея не получила исторического подтверждения. Власть лидеров партии состоялась, а с идеей отмирающего государства пришлось распрощаться. Таков факт истории. Но нас интересует не причина сохранения государства⁷, а экономическая политика, выдающиеся достижения которой могут быть примером для нынешней России. И даже не она сама, а та система представлений, которая лежала в ее основе и обеспечивала получение блестящих результатов. Именами политических лидеров, ее реализующих, естественным образом и назывался тот или иной период. Если про это забыть, то с тем же успехом и с той же «логикой» период правления Путина нужно было бы назвать государством Ельцина, но сделал это, мы немедленно потеряем смысл статьи Суркова. Он ведь говорит о «принципиально новом государстве Путина, которого еще не было» на основании результатов именно его властвования.

Назвав СССР государством Ленина, Сурков также затушевывал все достижения страны Советов, сведя их к конечному итогу — провалу «красного проекта». Между тем, изучение этапов советского периода, имевших высокие показатели развития, может дать многое для формирования той самой идеологии, задачу описания которой ставит Сурков.

3.2. Какой из советских периодов следует взять для извлечения полезных уроков?

В истории СССР можно выделить три этапа развития с довольно существенными различиями в идеологии, экономической политике и результатах хозяйствования, связанных с особенностями политических лидеров и их ближайшего окружения, вносящих индивидуальные характеристики в авторитарную систему власти СССР.

Ленинский период охватывает годы гражданской войны и восстановления хозяйства средствами НЭПа. На Сталинский период приходится ровно три десятилетия от начала свертывания НЭПа в 1928 г. до конца 50-х годов. Хотя в 1953–1958 гг. Сталина уже не было, созданная им экономика в силу инертности механизмов хозяйствования продолжала функционировать (не получив еще особых изменений до момента, когда стали проявлять себя негативным образом волюнтаристские управленческие решения хрущевского правления). Именно в этот период были получены результаты хозяйствования, составившие славные страницы нашей истории: индустриализация, культурная революция, победа в Великой Отечественной войне, создание ядерного щита Родины, опережение в освоении космоса и, конечно же, самые высокие темпы экономического развития за счет внутренних ресурсов страны. Поэтому тридцатилетний период с 1928 по 1958 гг. нужно назвать экономикой Сталина, а рекордные

⁷ Кроме государства-охранника есть государство-собственник. Пока есть госсобственность, будет существовать и государство вместе с его функцией организовывать эффективное использование объектов собственности в своих интересах.

достижения того времени — «экономическим чудом» Сталина. Понятно, что экономика именно сталинского периода может быть тем объектом, изучение которого может дать теоретически верные выводы для формирования идеологии будущего Путина.

Третий период — экономика послесталинских реформаторов (с 1958 по 1991 гг.), последовательно разрушавших сталинскую экономику, вызвавших своими реформами явно вопреки «логике исторических процессов» серию негативных явлений, экономический и политический кризис, закончившийся развалом СССР и возвратом России в социально-экономическое прошлое вековой давности. Примером этот период быть не может в принципе, в силу провальных результатов хозяйствования.

Вряд ли по недоразумению Сурков этого не осознает. Он же причисляет советский период к славным страницам истории России. Но кто-то ведь обеспечивал своими решениями быстрое продвижение страны по пути прогресса, ставшее предметом гордости для населения страны. Кто же? Ленин, Сталин или Хрущев со сменяющими его советскими реформаторами? Для подавляющего большинства граждан СССР ответ очевиден, и социологические опросы это подтверждают: конечно же, Сталин. Однако из очень ограниченного выбора Сурков сознательно, как представляется, назвал явно ошибочный вариант. Значит, смещение смыслового содержания в отражении истории страны происходит с определенным умыслом.

Почему же Сурков, явно игнорируя факты хорошо известного исторического процесса собственной страны, скрывает достижения сталинской экономики, называя этот период именем основателя светского государства, который в выстраивании экономики фактически не принимал участия, захватив только начальный этап переходного периода от капитализма к социализму советского образца.

Сталинизм не нравится автору статьи чем-то очень неопределенным, но ощущаемым как угроза самому его существованию вместе с нынешним «государством Путина». Попробуем прояснить ситуацию.

Сталинизм для Суркова и «государства Путина» опасен не авторитаризмом и культом личности (что автору статьи близко, судя по его духу), не ГУЛАГом и репрессиями (что вряд ли возможно в силу всеобщего осуждения этих явлений), не позором «государству Путина» и его экономическому блоку в силу невыгодности такого сравнения с экономикой Сталина из-за качественных различий в результатах хозяйствования, поскольку за давностью лет многое забыто, а конечный развал СССР убрал в тень и все успехи страны.

Полагаю, что замалчивание темы сталинской экономики объясняется возможностью выйти на новый уровень понимания «логики исторических процессов», позволяющий с предельной откровенностью обнаружить пустоту и никчемность идеологии либералов всех оттенков. В результате становится особенно очевидным превосходство сталинских представлений о научно-техническом и социально-экономическом прогрессе России, когда за 10 лет страна прошла столетний период, типичный для капиталистиче-

ского строя общества. Это ведь не просто факт истории, давший мировую славу стране. Он — источник бесценной информации о том, что именно позволило стране совершить рывок в развитии своих производительных сил и соответствующих им производственных отношений, ставших основой интеллектуального и духовного прогресса граждан страны. Новые знания не только раскрывают направление и содержание общественного прогресса. Они еще и показывают, кто выстраивает преграды прогрессивному развитию страны и тем самым становится союзником Запада в его борьбе против интересов России.

Вот эта боязнь получить качественно иной объем знаний, открывающих дорогу быстрому развитию России, как это ни странно звучит, вселяет ужас в сознание всех либерально настроенных политиков и политологов нашей страны. Потому что, кроме перспективы ускоренного экономического роста страны (невозможного в рамках либерализма), эти знания дают возможность критически взглянуть на носителей либерализма, считающих себя интеллектуальной элитой общества. Они позволяют понять, что это вовсе не элита, а просто либеральное дурье и предатели национальных интересов, мешающие прогрессивному развитию общества. Уяснение того факта, что они обычные профаны, не способные усвоить азы обществоведения, что именно их стараниями и неосознанным вредительством (посредством насаждения в общественное сознание ложной идеологии) Россия двинулась в прошлое, а не в будущее, и ей нужно разворачиваться верным курсом логики истории. Вот это понимание всеми бессмысленности и вредоносности их системы представлений, сбрасывание маски интеллектуалов и патриотов России с представителей этого направления идеологии и формирует их утробную ненависть ко всему, что связано с именем Сталина, включая величайшие научно-технические, культурные и экономические достижения, составившие славу и мощь страны Советов.

Сталин и тогда знал, что либералы и им подобные идеологические отщепенцы — потенциальные враги и предатели Родины. Его отношение к ним было соответствующим. Единственное, чего он не мог предугадать, это то, что политэкономический кретинизм пойдет слишком далеко, а связанная с ним профессиональная ограниченность сделает идеологическими оборотнями лидеров коммунистических партий с их ближайшим окружением, предательство которых как раз и уничтожит дело его жизни, обернувшись геополитической катастрофой всего мира. Суть этой катастрофы — возврат вырвавшихся из капиталистического варварства стран снова в варварское состояние на задворках капитализма.

Именно эта возможность восстановить в обществе верное понимание места и роли носителей либерализма как инициаторов попятного движения страны в ее историческое прошлое, а вслед за тем вызвать всеобщее к ним презрение вселяет в их сознание безотчетный ужас и категорический отказ признать наличие славных страниц в собственной истории. Ни исследования сталинского периода, ни тем более перехода к теоретически верному пониманию логики истории развития общества не хотят все либералы,

поскольку это осознание вскрывает предательский характер либеральной идеологии по отношению к российской государственности в целом.

Этого боятся и наше «глубинное государство» (олигархи), и все прочие частные предприниматели, приспособившиеся пилить не доли государственного бюджета, т. е. незначительную часть ВВП, а отгрызать половину всего ВВП для обеспечения своего благополучия. Здесь корни дикого социального расслоения населения страны по доходам. Становится понятно, что для них лучше капиталистический застой с перспективой гибели страны, чем прогресс, но в рамках другого политического строя общества.

Этого опасаются бывшие лидеры СССР и союзных республик вместе с их ближайшим окружением, поскольку обнажается их управленческая непригодность и предательская роль в развале страны. Это понимание угрожает буржуазному «государству Путина» политэкономической перестройкой его самого и его экономической политики.

Но больше всего такого осознания сути логики истории и ее последствий боятся наши «партнеры» на Западе, поскольку это понимание, во-первых, вскрывает их варварскую природу, во-вторых, действительно открывает перспективы резкого ускорения темпов экономического роста России за счет внутренних источников и ведет к обесмысливанию всех их потуг, в т. ч. и санкционного давления, а также лживых информационно-психологических атак, вызванных их яростной русофобией. Поэтому они так последовательно и настойчиво насаждают политэкономический критеризм в форме либеральной идеологии в органах власти по всему миру. А наиболее яркий пример результатов насаждения такой идеологии — нынешняя разваливающаяся в либеральном помешательстве Украина.

Россия еще не избавилась от либерального варварства в идеологии, а значит, такая же перспектива ей тоже угрожает. Поэтому крайне важно ускорить ее выздоровление посредством разработки новой идеологии развития, извлекая уроки из собственного исторического опыта. Это новое знание мы и хотим представить как результат теоретического обобщения практики успешного периода советского прошлого.

3.3. Кратко об особенностях различных этапов жизни СССР.

А) Ленинский период

К ленинскому периоду относятся годы «военного коммунизма» (1917–1921 гг.) и начало НЭПа. Попытка Ленина строить хозяйство страны по Марксу на нетоварной основе провалилась. Опыт показал, что марксизм в части методов строительства социализма нуждается в творческой переработке. Сам НЭП возник как результат обобщения Лениным начального периода строительства социализма, закончившегося его призывом «пересмотреть всю нашу точку зрения на социализм» [21], сформированную на базе классического марксизма, исключавшего для

социалистического строя товарно-денежные отношения. Этот вывод был фактическим признанием того, что в теории построения социализма как следующей после капитализма формации (кроме общих базовых положений марксизма) существовало только одно верное положение — необходимость ликвидации частной собственности на средства производства (речь в данном случае идет не об общих принципах коммунизма, а именно о механизмах хозяйствования, приводящих в движение производительные силы с целью производства средств существования общества). НЭП был выходом из тупика «военного коммунизма» и переходом к товарной форме организации хозяйства, где целью было не только оживление экономики, но, главным образом, освоение опыта управления государственными объектами собственности (предприятиями и организациями) с широким использованием товарно-денежных отношений, которого у пролетарского государства того времени просто не было. Фактически это был переход к новому типу общества, который занял чуть больше десятилетия. Какова должна быть его организационно-экономическая основа, могла показать только практика. И Ленин уже по факту своего отсутствия не мог принимать участия ни в завершении переходного периода, ни в организации функционирования строя общества на основе государственной собственности. Задачи стабилизации экономики, наращивания государственной собственности как основы нового общества и освоения централизованных методов управления народным хозяйством решались уже в сталинский период при его участии и под его руководством. Поэтому только начальный период переходной экономики можно персонифицировать как экономику или государство Ленина.

Сурков вряд ли по недоразумению пытается поставить знак равенства между экономикой всего периода СССР и «государством Ленина». За его лукавством явно просматривается желание увести внимание от следующего и очень успешного исторического периода России.

Б) Сталинская экономика

Экономика России в период НЭПа развивалась обычными для капитализма темпами, которые были значительно ниже нужных для преодоления отставания и предотвращения угроз со стороны внешнего враждебного окружения. Несмотря на оживление, в экономике возникали кризисные явления. Нарастало экономическое отставание России от передовых западных стран: США, Германии, Франции. Только динамика Англии в то время была хуже российской.

К тому же в 1926–1927 гг. происходит ухудшение международного положения СССР в результате разного рода дипломатических осложнений в отношениях с более развитыми западноевропейскими странами. Так, 27 мая 1927 г. правительство Великобритании объявляет о разрыве дипломатических и торговых отношений с СССР. 1 июня 1927 г., всесторонне обсудив возможные последствия этого шага, ЦК ВКП(б) выступил с обращением «Ко всем организациям ВКП(б). Ко всем рабочим

и крестьянам», в котором призвал советский народ быть готовым к отражению империалистической агрессии. Открыто констатировалось, что война неизбежна. Временами на этой почве у части населения возникали панические настроения, что проявлялось в попытках запастись предметами первой необходимости: солью, керосином, мукой и т. п. Задачей внешней политики стало: максимально отсрочить ее начало.

Официально НЭП просуществовал 10 лет, с 21 марта 1921 г. по 11 октября 1931 г. Это был межформационный переходный период, во время которого шло накопление социалистической основы хозяйствования — государственной собственности. Его активное свертывание началось в октябре 1928 г., вместе с началом коллективизации сельского хозяйства и форсированной индустриализацией промышленности по планам первой пятилетки.

Низкие темпы экономического роста категорически не устраивали руководство СССР. Широко известно высказывание И. В. Сталина в феврале 1931 г.: «СССР отстал от промышленно развитых стран на 50–100 лет, историей отпущено на преодоление этого отставания 10 лет, в противном случае нас сомнут».

К концу 1928 года в государственной собственности находилось около 98% всего промышленного имущества. Поэтому стал возможным переход к централизованному планированию экономики страны как одной корпорации. Переходом от НЭПа к качественно новому типу развития стал разработанный под непосредственным руководством И. В. Сталина проект первого пятилетнего плана (1 октября 1928 г.— 1 октября 1933 г.). Он был одобрен в апреле 1929 г. на XVI конференции ВКП(б) (апрель 1929 г.). В мае 1929 г. V съездом Советов СССР план был утвержден как закон, обязательный к исполнению. Этот план получил название пятилетки «великого перелома».

Если в промышленности социалистические преобразования шли относительно благополучно, то в сельском хозяйстве, где преобладало отсталое мелкотоварное производство, они давались особенно сложно, с ошибочными решениями и крупными материальными потерями. Сказывалось и большое недоверие к политике государства, возникшее в результате просчетов в начальный период советской власти (попытка строить экономику на антитоварной основе и гражданская война). Не обошлось и без перегибов в период массовой коллективизации крестьянства, вызвавших кризис в сельском хозяйстве и голод в стране. Но так именно и проявляется отсутствие знаний о закономерностях переходной экономики.

Метод проб и ошибок имеет свои издержки, весьма значительные, когда приходится создавать принципиально новый тип общества, теория построения которого просто отсутствует.

Организационные сложности удавалось в основном преодолеть, управление было налажено, а экономика показала выдающиеся результаты, названные «экономическим чудом Сталина».

В) Экономика послесталинского периода

Качественно иные результаты демонстрирует народное хозяйство послесталинского периода. Особенности этого периода стали:

- систематическое снижение темпов экономического роста;
- полное непонимание логики и принципов построения сталинской экономики, ведущее к последовательному разрушению сталинской экономики;
- низкий уровень теоретической подготовки политических лидеров при высокой реформаторской активности, когда они действовали наугад и наперекор логике истории.

Негативный результат — тоже результат. Он может быть поучительным и важным для выработки прогрессивной идеологии. Он тем более важен, что еще не получил достаточного научного обобщения. Оценка этого периода представлена в **Разделе 6**.

Для выработки прогрессивной идеологии важны оба этапа жизни СССР.

4. Общая характеристика сталинской экономики

Экономика сталинского периода довольно полно представлена в трудах советских обществоведов (Катасонов В. Ю., Мухин Ю. И., Стариков Н. В., Хабарова Т. М. и др.). Однако ее описание страдает недомолвками, неточностями и в определенной мере субъективистскими трактовками событий, искажающими представление о принятых методах хозяйствования. Это относится к экономическим следствиям национализации, механизмам обеспечения пропорциональности развития, составу и функциям производственных отношений, способам создания заинтересованности в НТП и некоторым другим вопросам управления. Многие прошло мимо сознания авторов работ не без влияния пробелов или сомнительных положений самого марксизма. Мы обращаем внимание на те стороны экономики Сталина, которые не получили достаточного освещения в прошлом, но которые крайне важны для верного отражения логики исторических процессов. Без такого теоретического обобщения практики хозяйствования невозможно формирование надежной идеологии, обеспечивающей выход России на путь прогрессивного развития.

Суть сталинской модели обычно сводится к следующим важнейшим признакам:

- государственная собственность на средства производства во всех сферах экономики (и преобладающая кооперативная в сельском хозяйстве);
- централизованное планирование и управление, включая ценообразование;
- привлечение к руководству экономикой наиболее компетентных специалистов;
- ускоренное развитие производства средств производства (группы отраслей *А*) по отношению к производству предметов потребления (группы отраслей *Б*);

— максимальная самодостаточность (особенно в период, пока еще не появились другие страны социалистической ориентации);

— государственная монополия на внешнеэкономическую деятельность.

Необходимость обобществления собственности на средства производства никогда не подвергалась сомнению и всегда считалась основой перехода к социалистическому способу производства. Только в сельском хозяйстве, в силу распыленности средств производства по мелким товаропроизводителям, этот процесс принял затяжной и противоречивый характер, осложненный отсутствием профессионализма многих деятелей, осуществлявших там социалистические преобразования.

Принцип опережающего роста производства средств производства Сталин считал постоянно действующим правилом для социалистической экономики, пока она находится во враждебном капиталистическом окружении, стремящемся ее уничтожить всеми доступными средствами (экономическими, военными, информационными, террористическими). Лишь высокий уровень индустриального развития гарантировал эффективную защиту страны от агрессивного влияния коллективного капиталистического Запада.

Централизованное планирование обеспечивало концентрацию ресурсов на главных участках хозяйственного развития: прежде всего на индустриализации и превращении аграрной в основную страны в промышленно развитую державу. Появилась возможность экономического роста без кредитов и прочих заимствований и даже вне товарно-денежных отношений под гарантии реализации производимой продукции по планам взаимных поставок. Исключением были только относительно небольшие расходы на приобретение техники и оборудования (которого в стране не существовало физически), когда это удавалось сделать в условиях жесткой блокады и противодействия со стороны Запада. Деньги и рынок оставались только в контуре производства и реализации товаров народного потребления.

Успехи индустриализации породили надежду на то, что в будущем непосредственный продуктообмен вытеснит из экономики товарно-денежные отношения вообще, как то было предсказано классическим марксизмом. СССР разработал и ввел в действие особую систему внутренних цен (оптовых и розничных), позволяющих простым способом (в виде налога с оборота) аккумулировать средства в госбюджет для оплаты труда работников, занятых в секторах производства средств производства, обеспечивающих развитие всего народнохозяйственного комплекса и сферы услуг. Нашлись и другие методы эффективно использовать производственный потенциал и природные ресурсы в интересах народного хозяйства.

Конечно, индустриализация, особенно в начальный период, потребовала невероятного напряжения физических и организационных усилий народа. Введенные в годы первой пятилетки продуктовые карточки были

отменены только в 1935 г., но результаты новых подходов к организации жизни общества превзошли самые смелые ожидания. По сравнению с 1913 г. (высшим достижением экономики дореволюционного периода), валовая продукция промышленности в 1940 г. была увеличена в 12 раз, производство электроэнергии — в 24, нефти — в 3, выплавка чугуна — в 3,5, стали — в 4,3, выпуск станков всех видов — в 35 раз, в т. ч. металлорежущих — в 32 раза. В 2,5 раза выросла доля России в мировом промышленном производстве (с 4% в 1913 г. до 10% к концу довоенного периода). Поднялся и жизненный уровень народа, хотя и не в той степени, как росли показатели производства.

Достижения советской индустриализации (в условиях зарубежного противодействия) выглядели особенно грандиозно на фоне мирового экономического кризиса, переживаемого Западом с начала 1930-х гг. и вплоть до Великой Отечественной войны. В целом же картина динамики сталинской экономики представлена в *Таблице 1*.

Сталинский период фактически можно разделить на четыре этапа, во время которых решались разные экономические и политические задачи. Они различаются целями и средствами их достижения:

1) 1929–1941 гг., индустриализация (условно: 1930-е гг.), мобилизационный этап с одновременной настройкой планового хозяйственного механизма;

2) 1941–1945 гг., проверка на прочность и жизнеспособность экономики войной с гитлеровской Германией и подчиненной ей почти всей Западной Европой;

3) 1945–1948 гг., послевоенное восстановление;

4) 1948–1958 гг., мирное развитие (1950-е гг.).

Первые три периода носят ярко выраженный мобилизационный характер, хотя и с разными задачами.

Целью мобилизационного развития экономики служит обеспечение независимости страны, купирование внешнеэкономических угроз самому ее существованию. Период индустриализации служил наращиванию производственного потенциала. Он показал на порядок более высокие темпы экономического роста, чем при капитализме. Во время войны сталинская экономика продемонстрировала свою исключительную живучесть и приспособляемость к крайне жестким и неблагоприятным условиям существования. Послевоенные годы еще раз показали превосходство советской системы над капиталистической в мобилизационном плане. Разрушенное войной народное хозяйство было восстановлено меньше чем за три года. Весь мобилизационный период был еще и школой по освоению методов управления экономическим развитием.

Таблица 1

**ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ РАЗВИТИЯ
НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР за 1913–1960 гг.**
(в процентах к 1913 году)

	1913 г.	1928 г.	1940 г.	1955 г.	1958 г.	1959 г.	1960 г.
Численность рабочих и служащих в народном хоз-ве	100	95	274	424	479	496	544
Основные производственные фонды (включая скот) во всех отраслях народного хозяйства	100	118	302	601	813	859	^в 9,4 раза
Национальный доход	100	119	611	1 716	2 297	2 478	2 674
Валовая продукция всей промышленности	100	132	852	2 729	3 662	4 080	^в 45 раз
производство средств производства (группа А)	100	155	1 554	6 054	8 332	9 349	^в 103 раза
производство предметов потребления (группа Б)	100	120	497	1 079	1 379	1 514	^в 16 раз
Валовая продукция крупной промышленности	100	152	1 172	3 915	5 306	5 927	^в 65 раз
Валовая продукция химической и резино-асбестовой промышленности	100	148	2 158	9 408	13 550	15 095	^в 168 раз
Валовая продукция машиностроения и металлообработки	100	175	3 473	16 183	23 724	27 282	^в 300 раз
Валовая продукция сельского хозяйства (по территории в современных границах)	100	124	141	170	218	219	224[1]
Грузооборот всех видов транспорта	100	104	426	1 018	1 402	1545	1 648
Грузооборот железнодорожного транспорта	100	142	632	1 478	1 982	2 176	2 290
Капитальные вложения государственных и кооперативных предприятий и организаций без колхозов (1928 г.=100)[2]		100	870	3 027	4 510	5 042	5 665

Источник: Народное хозяйство СССР в 1960 году (статистический ежегодник), Госстатиздат ЦСУ СССР, Москва, 1961, с. 81

А вот последний, четвертый период был уже не мобилизационной, а просто нормальной экономикой, без факторов чрезвычайности условий жизни для нашей страны. Он в наиболее развитом на то время виде показал, что советский тип экономического строя гораздо более эффективен в сравнении с капитализмом, обеспечивает намного более высокие, по сути, рекордные темпы экономического роста, и что особенно важно, за счет внутренних источников развития. Он впитал в себя методы предыдущего управления хозяйством, отличался интересными особенностями развития,

например, ежегодным снижением розничных цен на ТНП, и потому может служить практическим основанием для теоретического обобщения его результатов. На этой основе легче обнаруживаются факторы и условия, обеспечивающие простор развитию производительных сил в стране, проще идет формирование основных характеристик прогрессивной идеологии, адекватных логике объективных законов развития общества. Но прежде чем говорить об использовании сталинских методов управления, мы должны вернуться к теоретическому переосмыслению его практических итогов, поскольку ряд важных сторон экономики того периода получил либо неполное, либо искаженное толкование. Устранение этих недочетов даст возможность более точно понимать уроки нашей собственной исторической практики и лучше видеть суть рациональных механизмов хозяйствования.

5. Что осталось непонятым или не вполне усвоенным в ходе теоретического обобщения хозяйственной практики сталинского периода?

Неоспоримые успехи сталинской экономики послевоенного периода, особенно поразительные в сравнении с сегодняшним заторможенным состоянием российской экономики, настоятельно требуют от нас разобраться в деталях ее организации. Это важно в научном и особенно в практическом плане. Здесь остается довольно много затененного и недорассмотренного. Далеко не всем известны причины и условия успешности сталинской экономики. Есть много недосказанного о ее плановом механизме. Рыночные характеристики послевоенного периода вообще почти никому не известны. Нужно устранить эти недомолвки и недопонимания экономики Сталина, чтобы все ценное можно было понять и вернуть в хозяйственную практику. Но при обращении внимания к нашим прошлым достижениям следует иметь в виду, что со стороны либералов всякий раз вносятся помехи в процесс познания, например, выпячиванием вопроса о репрессиях сталинского периода. Они не имеют отношения к механизмам хозяйствования и служат только одной цели — отвести внимание от наших же героических свершений, помешать усвоить уроки истории, утопить новации практики в лишенных смысла спорах, оградить массовое сознание от наиболее важной части общественного знания.

5.1. О конкурентном преимуществе сталинской экономики

Прежде всего следует сказать, что сознательно или по недомыслию «забывается» экономическое следствие национализации. Она, разумеется, меняет классовый состав общества и становится основой нового политического строя общества, но ее смысл существенно шире.

В период индустриализации **была достигнута чрезвычайно высокая норма накопления** (доля валового внутреннего продукта, идущая на создание новых основных производственных фондов). По некоторым оценкам, она временами превышала 50% ВВП. Многие современные политологи и обществоведы полагают, что она означает сверхвысокую степень эксплуатации труда в сталинской экономике. И это грубая теоретическая ошибка.

При запредельной эксплуатации труда доля оплаченного труда становится слишком низкой. Ее не хватает для приобретения жизненных средств даже для простого воспроизводства рабочей силы. Это приводит к сокращению продолжительности жизни и к снижению численности населения (что наблюдается как раз сегодня в нашей экономике, хотя и без желаемого ее роста). Но в тот период не было увеличения продолжительности рабочего дня или рабочей недели. В экономических исследованиях первых пятилеток отмечался рост напряженности труда только в среде энтузиастов строительства нового общества (стахановское движение). В целом, продолжался рост численности населения (до 3 млн. человек в год). Но если не было типичных признаков сверхвысокой эксплуатации труда, значит, был иной серьезный источник экономического роста. Какой же?

Ответ в действительности очень прост. Чтобы его понять, достаточно взглянуть на структуру ВВП по доходам основных групп населения (зарботная плата, доходы от собственности, налоги). Что изменилось в процессе переходного периода (за десятилетие после октябрьской революции)? Прошла национализация и существенно изменился социальный состав населения. Резко сократилась численность класса частных собственников средств производства и, соответственно, потерь общества на социально-паразитическое их содержание. Ведь именно этот класс общества присваивает огромную часть ВВП и расходует эти средства по своему усмотрению, обеспечивая в первую очередь свое безбедное существование. Исключение целого класса общества, присваивающего огромную и растущую со временем часть ВВП, означало не усиление эксплуатации труда, а перераспределение прибавочного продукта в пользу общества, получающего его в ходе национализации новые источники экономического роста и использующего их на развитие материальной базы производства и общественных фондов потребления (образования, медицинского обслуживания, науки и др.). Нетрудно сообразить, что изменилась не степень эксплуатации труда, а структура государственных доходов. Вместе с национализацией государство получило и прибыль бывших частных собственников средств производства.

К тому же, превращение класса частных собственников и их обслуги в обычных граждан, ведущих трудовой образ жизни, расширило состав трудовых ресурсов страны примерно на 10–15%, с соответствующей прибавкой ВВП. Вот этот новый источник и стал основой индустриализации и культурной революции в стране. Вот где секрет успеха сталинской экономики. Вот где подлинный внутренний источник средств для

ускорения темпов экономического роста, ставший основным элементом конкурентного преимущества социализма в сравнении с капиталистическим строем общества. Именно за счет этого источника совершен рывок в росте производительных сил в СССР, масштабы которого более чем впечатляют. Он дал возможность получить мировые рекорды экономического роста не только того времени. И очень странно, что этого очевидного внутреннего источника динамики экономики в упор не видят наши нынешние обществоведы.

Не слишком четко этот фактор экономического роста обозначен даже в учебнике политэкономии 1954 года: «Экспроприация помещиков и капиталистов открыла возможность использования для социалистической индустриализации значительной части средств, которые ранее присваивались эксплуататорами и расходовались на цели паразитического потребления». Далее отмечается экономия «от ежегодных платежей за границу сотен миллионов рублей в виде процентов по царским займам и дивидендов иностранным капиталистам на их капиталы, от арендных платежей помещикам за землю и от значительной задолженности банкам». А затем говорится о как бы еще одном факторе экономического роста: «Важнейшими источниками средств для социалистической индустриализации явились доходы национализированной промышленности, внешней торговли, государственной внутренней торговли и банковской системы» [22]. Но во-первых, доходы от использования национализированного имущества раньше как раз и были доходами частных собственников средств производства. Это просто повтор другими словами смысла, выраженного в первом предложении цитируемого текста, а вовсе не другой источник для развития социалистического производства. Во-вторых, в учебнике не приводятся относительные размеры названных источников экономического роста. А надо знать, что доход от национализированного имущества действительно «важнейший» как раз потому, что выше всех остальных, взятых вместе, к тому же, ежегодно возобновляемый и все время растущий по мере расширения масштабов общественного производства.

Основное конкурентное преимущество действовало и после сталинской экономики. К середине 1970-х гг. доля России в мировом промышленном производстве достигла 20% и держалась на этом уровне до начала перестройки, когда потери от бесхозяйственности перекрыли экономию от устранения социального паразитизма частных собственников. Скажем к слову, что надежда Хрущева на скорое достижение коммунистических характеристик советской экономики не была беспочвенной. Неправильным было понимание им законов общественного развития. Если бы не растущие потери от вредных для экономики управленческих решений, мы бы жили при таком уровне благосостояния, который, без сомнения, обеспечивал к 1980 году полное и всестороннее развитие каждого жителя страны без ограничений. А это уже основное условие коммунистического общества (а вовсе не реализация принципа удовлетворения всех потребностей

в полной мере, невозможного вообще в силу опережающего роста потребностей по сравнению с ростом возможностей производства по созданию предметов их удовлетворения).

Сегодня этот внутренний резерв превышает 50 трлн. руб. в год. Только прибыль частных собственников средств производства, согласно статистике, составляет более 40% ВВП. Устранение структурных деформаций и безработицы может дать еще не менее 15–20% ВВП. При этом благополучие граждан может быть существенно повышено в меру выросшей производительности труда в общественном производстве при полном исключении бедности.

Из сказанного следуют три важных вывода, доказанных на практике сталинской экономикой.

Первый. Класс частных собственников средств производства — лишний в социальной структуре общества. Он не нужен для нормального развития экономики. Исключение из состава граждан многовекового паразитического нароста — огромный шаг на пути построения социально справедливого общества. Это главный шаг в качественном преобразовании капиталистической формации, означающий начало перехода общества из варварского состояния в цивилизованную эпоху жизни людей без эксплуатации труда на основе частной собственности на средства производства.

Второй. Исключение класса частных собственников средств производства означает для общества ежегодное высвобождение ресурсов величиной в половину ВВП, которые можно направить на ускоренный экономический рост, защиту от враждебного окружения и экспансии Запада, расширение социальной сферы общества и емкости внутреннего рынка, а значит, и улучшение благосостояния граждан общества.

Третий. Национализация средств производства существенно расширяет границы свободы в обществе за счет устранения легитимного грабежа частными собственниками результатов труда наемных работников и соответствующего роста объема потребления благ и услуг широкими массами населения, помогая тем самым понять разницу между свободой и произволом. Она же расширяет возможности реализации творческой инициативы трудящихся, выделяя на эти цели соответствующую часть инвестиционных ресурсов. Утверждение либералов, что этот шаг резко ограничивает свободу предпринимательства и темпы экономического роста, оказалось враньем. В действительности исключение эксплуатации труда дает возможность увеличивать темпы экономического роста, расширять сферу бесплатных социальных услуг и оставлять в распоряжении наемных работников более высокую долю оплаты труда, расширяющую их возможности пользоваться благами общества.

Что касается предпринимательской инициативы как фактора развития общества, то она не теряется, как многие думают, а может с еще большим успехом и с меньшими рисками развиваться на основе государственной формы собственности. Надо просто знать, как это следует организовать в условиях господства общественной собственности.

Верность доказанных сталинской экономикой положений не меняется тем обстоятельством, что его преемники утратили способность поддерживать достигнутые в сталинский период темпы экономического роста, разрушали рационально выстроенные Сталиным производственные отношения, что привело к мировой социальной катастрофе — крушению СССР и социалистического содружества.

5.2. О законах пропорциональности развития, планомерности и централизованном планировании

Получая в результате национализации огромную массу производственных объектов, государство приобретает и новые довольно сложные хозяйственные функции — от организации эффективной работы каждого производственного звена до согласованной производственной деятельности в интересах общества всего народнохозяйственного комплекса в целом. Век назад не было развитой теории строительства социализма. В тех условиях первой идеей, кажущейся относительно простой и понятной, становится идея централизованного директивного планирования производства и прямого распределения всего создаваемого общественного продукта. Идею прямого распределения ТНП в канун НЭПа пришлось заменить на товарообмен. В остальном планирование деятельности всего народного хозяйства на долгие годы становится главной организационной задачей государства. Сомнения в ее правильности появились только в 70-е годы.

Нет оснований сомневаться в существовании общего закона пропорциональности развития, действующего в разных формациях общества. При капитализме нарушение пропорциональности насильственно восстанавливается посредством экономических кризисов (например, хорошо известными экономическими кризисами перепроизводства).

Закон конкуренции и анархии производства, в отличие от закона пропорциональности развития, — специфический закон капитализма. Его корни — в наличии множества частных собственников. Одним из исключительных правомочий частной собственности на средства производства выступает право собственника организовывать функционирование принадлежащих ему объектов собственности в своих интересах. Это право собственников, отсутствие координации в их деятельности, неизвестность объема и структуры общественных потребностей, текущей степени их удовлетворения создают объективные предпосылки для существования закона конкуренции и анархии производства, сопровождаемого периодическими экономическими кризисами.

В результате обобществления средств производства этот закон теряет силу, так как появляется новый их собственник — государство. Само правомочие собственности остается. Но поскольку государство — единственный или господствующий в обществе собственник средств производства, у него появляется возможность координации деятельности производственных

объектов и изучения объема и структуры общественных потребностей, т. е. работы на известный рынок с известными производственными возможностями. Это значит, что на смену закона анархии приходит закон планомерного общественного развития, где есть возможность сознательного поддержания объективно необходимых пропорций общественного воспроизводства. Но при этом государство должно иметь достаточно компетентные органы управления и планирования хозяйственной деятельности. Как подчеркивал Сталин, «закон планомерного развития народного хозяйства дает возможность нашим планирующим органам правильно планировать общественное производство. Но возможность нельзя смешивать с действительностью. Это две разные вещи. Чтобы эту возможность превратить в действительность, нужно изучить этот экономический закон, нужно овладеть им, нужно научиться применять его с полным знанием дела, нужно составлять такие планы, которые полностью отражают требования этого закона» [23].

Нужно сказать, что требования закона планомерности не ограничиваются установлением правильных пропорций развития в соответствии со структурой общественных потребностей. Важно учитывать требования других экономических законов, степень фактического удовлетворения потребностей и их приоритетность. А для этого должны быть разработаны способы выявления этих характеристик и учета их в плановой деятельности. Кроме того, в процессе планирования нужно учитывать возможность отклонения от планов, без чего планирование развития будет оставаться не вполне удовлетворительным.

Это чувствовал Сталин. И хотя плановое руководство народным хозяйством в его период оставалось на высшем уровне, обеспечивающем рекордные темпы экономического роста, он отмечал: «Нельзя сказать, что наши годовые и пятилетние планы полностью отражают требования этого экономического закона» [24]. Другими словами, на его взгляд, оставалось широкое поле для совершенствования механизмов планомерности развития.

В первую очередь это было связано с пробелами в понимании структуры термина «общественное производство». Сталин цитирует классиков и дает свои разъяснения в этой части теории: «Общественное производство состоит из двух сторон, которые при всем том, что они неразрывно связаны друг с другом, отражают все же два ряда различных отношений: отношения людей к природе (производительные силы) и отношения людей друг к другу в процессе производства (производственные отношения). Только наличие обеих сторон производства дает нам общественное производство, все равно, идет ли речь о социалистическом строе или о других общественных формациях» [25].

Но если производительные силы имеют материально-вещественную природу, легко познаваемы, поскольку их можно и увидеть, и руками потрогать, то разобраться в составе производственных отношений можно только в рамках освоения положений политэкономии как науки, предметом

изучения которой они и являются. Причем классики оставили необходимость нам самим разбираться в их структуре, формах и функциях, реализуемых в общественном производстве, детально рассмотрев только их стоимостные характеристики и товарно-денежные отношения.

Сомнения в качестве планирования были связаны, во-первых, с расхождением плановых заданий с составом общественных потребностей, во-вторых, с недоучетом действия закона соответствия производственных отношений характеру (ступени развития) производительных сил общества. Слово *характер* использовал Сталин (как представляется, оно не очень подходит для отражения степени развитости производительных сил общества, в т. ч. главной их части — работника, качества его профессиональной подготовки, знаний, зрелости способностей, образованности и т. п.). В работе «Экономические проблемы социализма в СССР» он писал: «Товарищ Ярошенко ошибается, утверждая, что при социализме нет никакого противоречия между производственными отношениями и производительными силами общества. Конечно, наши нынешние производственные отношения переживают тот период, когда они, вполне соответствуя росту производительных сил, двигают их вперед семимильными шагами. Но было бы неправильно успокаиваться на этом и думать, что не существует никаких противоречий между нашими производительными силами и производственными отношениями. Противоречия безусловно есть и будут, поскольку развитие производственных отношений отстает и будет отставать от развития производительных сил. При правильной политике руководящих органов эти противоречия не могут превратиться в противоположность, и дело здесь не может дойти до конфликта между производственными отношениями и производительными силами общества. Другое дело, если мы будем проводить неправильную политику, вроде той, которую рекомендует т. Ярошенко. В этом случае конфликт будет неизбежен, и наши производственные отношения могут превратиться в серьезнейший тормоз дальнейшего развития производительных сил. Поэтому задача руководящих органов состоит в том, чтобы своевременно подметить нарастающие противоречия и вовремя принять меры к их преодолению путем приспособления производственных отношений к росту производительных сил» [26].

Сталин, следовательно, понимал, что в состав научно организованного планирования должны входить представления о системе производственных отношений, которую надо должным образом выстраивать, а затем и регулярно совершенствовать. Учет степени соответствия этих сторон общественного производства оказывается одной из важнейших характеристик планомерности социально-экономического развития при социализме, без которого планирование остается, а вот пропорциональности может и не получиться. Без нужных знаний в этой области теории мы попадаем (и фактически попали еще с хрущевского периода) в зону стихийно действующих объективных законов общественного развития с соответствующими негативными последствиями для экономики.

Это проблема не новая, но почти непознаваемая для наших обществоведов. Научные представления о сущности и структуре производственных отношений и их функциях в экономике были крайне слабо разработаны в марксистской теории. Что они собой представляют в плановых механизмах, какие функции реализуют, как вообще они должны строиться, до сих пор практически никто толком себе не представляет. Уровень теоретической подготовки и здравый смысл самого Сталина позволяли экономике страны развиваться разумным образом. При его преемниках на главном посту власти положение резко изменилось. Нужных знаний не было. Здравый смысл, как мы понимаем сегодня, тоже часто отсутствовал. Все в экономике пошло наперекосяк, т. е. сопровождалось множеством неожиданных и нежелательных явлений.

Но и этого недостаточно для рациональной организации общественного производства. Нужно еще хорошо понимать, какими формами централизованных плановых решений лучше достигается пропорциональность общественного развития.

С самого начала единственной формой реализации закона планомерности в СССР была признана директивная форма номенклатурно-количественных плановых заданий производственным звеньям народнохозяйственного комплекса. Но такая форма планирования обладает значительным набором сложностей, которые в конечном итоге могут сводить на нет преимущества социалистического способа производства. Прошло немало лет, прежде чем стало очевидно, что директивность номенклатурно-количественных плановых заданий — не самая подходящая форма реализации закона планомерности. Но только в 80-е годы для многих стало понятно, что само директивное планирование стало фактором, порождающим разного рода несоразмерности в народном хозяйстве. Иными словами, централизованное планирование оставалось доминирующей формой организации экономики при нарастании диспропорций, в частности, самой коварной из них — товарно-денежной несбалансированности. Значит, должны существовать другие формы реализации закона пропорциональности развития.

Действительно, можно добиваться пропорциональности развития, совершенствуя механизмы стимулирования. Можно планировать развитие экономики посредством инвестиций в конкретные отрасли, группы предприятий и каждое отдельное производственное звено экономики (без оглядки на номенклатурные планы). Тот же результат достигается в результате действия механизма рыночного регулирования, который решает проблему увязки производства и общественных потребностей без централизованного планирования вообще. Если исключить социальный паразитизм и возможности формирования кризисов перепроизводства, то этот механизм был бы более эффективным, чем номенклатурно-количественное планирование, поскольку не требовал создания громоздких органов планирования и материально-технического обеспечения народного хозяйства всем необходимым, существенно упрощал сбор информации

о потребностях, увязку их с ресурсными возможностями общества. Составление самих народнохозяйственных планов резко бы упростилось. Несколько иной была бы методологическая основа планирования.

Однако тот факт, что директивное номенклатурно-количественное планирование — не единственная форма реализации планомерности, не осознается в среде современных марксистов. А рыночные методы считаются вообще несовместимыми с социалистическим способом производства. Их отрицание делается на том основании, что товарно-денежные (рыночные) отношения якобы служат основой капиталистического строя общества, а то и просто порождают капитализм как общественный строй. Это распространенное заблуждение имеет в своей основе, во-первых, отсутствие верного представления о трудовой теории стоимости, во-вторых, непонимание сути процессов воспроизводства, когда перенесенная на произведенную продукцию стоимость материально-вещественных факторов производства должна быть возвращена производителю и вновь занять свое место в производственном процессе, в-третьих, практически полное отсутствие верных представлений о производственных отношениях в обществе, их структуре, функциях, которые они реализуют в общественном производстве. Они, производственные отношения имеют в большинстве случаев стоимостные формы. В-четвертых, игнорируются исчерпывающие разъяснения ошибочности таких представлений Сталиным (этой теме посвящена целая вторая глава его работы «Экономические проблемы социализма в СССР»). Вот один из его аргументов: «Говорят, что товарное производство все же при всех условиях должно привести и обязательно приведет к капитализму. Это неверно... Нельзя отождествлять товарное производство с капиталистическим производством. Это — две разные вещи.

Капиталистическое производство есть высшая форма товарного производства. Товарное производство приводит к капитализму лишь в том случае, если существует частная собственность на средства производства, если рабочая сила выступает на рынок, как товар, который может купить капиталист и эксплуатировать в процессе производства, если, следовательно, существует в стране система эксплуатации наемных рабочих капиталистами. Капиталистическое производство начинается там, где средства производства сосредоточены в частных руках, а рабочие, лишенные средств производства, вынуждены продавать свою рабочую силу, как товар. Без этого нет капиталистического производства.

Беда не в том, что закон стоимости воздействует у нас на производство. Беда в том, что наши хозяйственники и плановики, за немногими исключениями, плохо знакомы с действиями закона стоимости, не изучают их и не умеют учитывать их в своих расчетах. Этим собственно и объясняется та неразбериха, которая все еще стоит у нас в вопросе о политике цен» [27].

Но его мнение по этому вопросу предпочитают не вспоминать. В итоге роль одной (до сих пор почти неизвестной) части производственных

отношений — отношений собственности приписываются другой ее части — рыночным отношениям обмена результатами деятельности. Такое «навешивание» на рыночные отношения функций другой группы производственных отношений свидетельствует о широких пробелах в представлениях о производственных отношениях, их роли в механизмах хозяйствования, что, в свою очередь, делает невозможным сознательное приведение в соответствие уровня развития производительных сил и производственных отношений. Формально возможность планомерного приведения их в соответствие есть, а физически это делать невозможно в силу отсутствия необходимых для этого знаний. В итоге принятые формы планирования перестают отвечать требованиям закона пропорциональности и становятся фактором сдерживания общественного развития. И этот факт имеет далекоидущие негативные последствия для экономики в целом.

5.2.1. Сложности принятой формы реализации планомерности

Специалисты по советской экономике постоянно подчеркивали, что только плановое ведение хозяйства позволяет всесторонне сбалансировать экономическое развитие и на этой основе избавиться экономику от периодически повторяющихся кризисов, сотрясающих хозяйство всех капиталистических стран, а временами превращающихся в мировые экономические кризисы. Сталинская экономика, по их мнению, это показала на практике. Действительно, гигантские темпы экономического роста, полученные в 30-е годы на фоне мирового кризиса тех же годов, были особенно впечатляющими. Шло активное развитие социальной сферы, росло удовлетворение общественных потребностей через общественные фонды потребления, что подкрепляло убеждение в том, что централизованное планирование со временем вытеснит товарно-денежные отношения вообще. Военные годы и послевоенное десятилетие только подтвердили и высокую мобильность плановой экономики, и стабильность высоких темпов экономического роста.

Однако послесталинский период поставил под сомнение правильность устоявшихся представлений о планомерности. Темпы экономического роста стали быстро падать. Появились многочисленные случаи бесхозяйственного отношения к ресурсам всех видов. Оставалась повышенной материалоемкость общественного производства. Сохранялась узость номенклатуры производимой продукции. Не самым лучшим было ее качество. Возникли трудности с созданием и задержки с внедрением новой техники. Планомерно согласовывать производство и общественные потребности с 60-х годов прошлого века оказалось очень сложно. Обнаружились диспропорции и стала нарастать дефицитность экономики, хотя о том, что могут существовать кризисы недопроизводства, в то время вообще не подозревали.

В чем состоят сложности директивного номенклатурно-количественного планирования?

Во-первых, номенклатура производимых продуктов уже в сталинский период насчитывала десятки тысяч, а в современной экономике исчисляется миллионами их наименований и типоразмеров. Взаимное согласование плановых заданий предприятиям по всей номенклатуре было и остается физически невозможным. Естественно возникает проблема агрегирования показателей состава потребностей и номенклатуры производства в планах ведомств, отраслей и в целом по народному хозяйству, а потом разверстывание показателей в обратном процессе и доведение заданий до каждого предприятия. Окончательное преобразование плановых заданий в детальные программы выпуска оставалось делом самих производственных коллективов. Далеко не всегда это получалось удовлетворительным образом.

В теории молчаливо предполагается, что планирование должно исходить из учета объема и структуры общественных потребностей. Но за весь социалистический период так и не было налажено изучение общественных потребностей для целей планирования развития народного хозяйства. Причина в том, что общественное производство ТНП ориентируется не на общественные потребности, а только на их часть, выраженную платежеспособным спросом. Огромная часть товарного мира носит взаимозаменяемый характер. При этом спрос на них зависит от множества неучитываемых факторов — от влияния переменчивой моды до капризов погоды. Поэтому степень удовлетворения действительно существующих потребностей во всем их разнообразии мало кого интересует. А поскольку никто не сопоставлял производимое с общественными потребностями, возникло планирование от достигнутого уровня.

Довольно быстро обнаружилось противоречие между укрупненной номенклатурой централизованных планов и конкретным производством в соответствии с потребностями населения по каждому виду выпускаемой продукции. С прилавков магазинов неожиданно исчезали то кеды, то магнитофоны, то швейные машинки, то еще что-то из предметов быта. Все это говорило о систематическом расхождении реальных потребностей с составом выпуска как по структуре, так и по объему производства. Требовалось вводить определенные элементы хозяйственной самостоятельности производственных звеньев (предприятий) с целью их реагирования на реальные потребности населения и развертывания укрупненных номенклатурных планов в производственные программы по всей гамме типоразмеров продукции в соответствии с потребностями населения в каждом их виде.

Исключение — потребности, удовлетворяемые за счет общественных фондов потребления (образование, медицинское обслуживание и др.). Здесь действует принцип полного удовлетворения потребностей, например, учащихся в учебниках и учебных пособиях, здравоохранения в поликлиниках, больницах, лекарственных препаратах и т. п.

Во-вторых, хозяйственная практика постоянно вступала в противоречие с господствовавшей идеей о несовместимости плана и товарно-денежных отношений при социализме, требующей их вытеснения из социалистической экономики.

Существуют различные сектора экономики (производство средств производства — группа *А*, производство ТНП — группа *Б*, оказание платных и бесплатных для населения услуг, развитие фундаментальных наук и прикладных разработок и т. п.), требующие своих подходов и методов планирования. При этом в большинстве случаев объективно необходимо делать стоимостные оценки затрат и результатов производственной деятельности.

Только предприятия группы *А* в мобилизационной сталинской экономике формально могли обойтись без стоимостных форм. Их продукция утратила признаки товарности, поскольку распределялась в директивном порядке по планам материально-технического обеспечения действующих предприятий. Однако задача выбора наиболее эффективных вариантов технико-технологического развития экономики без сравнительных экономических оценок затрат и результатов внедрения новой техники становится неразрешимой из-за отсутствия экономического критерия степени прогрессивности новой техники. Устранение этого недостатка требовало сохранения стоимостных характеристик производства, что впоследствии заставило распространить стоимостные характеристики на всю экономику в целом.

Предприятия группы Б и платных услуг не позволяли обойтись без стоимостных форм в принципе, поскольку необходимо было доводить их продукцию до потребителей в товарной форме по социалистическому принципу распределения, в соответствии с трудовым вкладом каждого работника в общественное производство.

Организации, оказывающие госуслуги за счет общественных фондов потребления (медицина, образование, подготовка кадров и др.), вообще не нуждаются в номенклатурно-количественных заданиях. Но и здесь важно знать все стоимостные характеристики этих секторов экономики, необходимые при выделении бюджетных средств на развитие материально-технической базы, достаточной для полного удовлетворения всех возникающих общественных потребностей на безвозмездной основе (с некоторым запасом на случай возможных экстремальных ситуаций — эпидемий, стихийных бедствий, техногенных катастроф и т. п.).

В-третьих, всегда происходили некоторые отклонения фактических результатов хозяйствования от плановых заданий. В большинстве случаев это было перевыполнение планов производства. Но нередко возникали сложности с выполнением планов в силу несовершенства самого процесса планирования и несоответствия плановых заданий реальным возможностям предприятий, что требовало соответствующих корректировок планов. Отклонения от плановых заданий тоже становятся источником некоторых диспропорций.

В-четвертых, существует ряд других обстоятельств, которые осложняют процессы народнохозяйственного планирования. Среди них отметим следующие:

— слабость информационной базы для оценки общественных потребностей в планируемой перспективе;

— относительная экономическая обособленность предприятий и воспроизводство их средств производства на основе собственных решений, обеспечивающих поддержание оборудования в рабочем состоянии и его обновление (они требовали создания нужных для этой цели резервов);

— неравномерность результатов научно-технического прогресса по отраслям экономики, а также итогов рационализации и изобретательства коллективов предприятий в ходе производственной деятельности;

— наличие некоторой неопределенности, связанной с высокими темпами экономического роста, существенно меняющими структуру общественных потребностей и условия реализации производимой продукции;

— оставался необобществленный сектор экономики — индивидуальное предпринимательство, коллективные хозяйства, семейное подсобное хозяйство и т. п., которые добавляли факторы неопределенности в директивные планы экономического развития;

— перспективные планы развития народного хозяйства могут наталкиваться на ограниченность ресурсов для расширения масштабов общественного производства.

Перечисленные обстоятельства крайне сложно учитывать при планировании. Они приводят к расхождению планов производства и реальных общественных потребностей, что требует некоторых экономических механизмов дополнительного согласования фактических результатов производства и структуры удовлетворяемых общественных потребностей.

После довольно сложного процесса взаимного согласования планов производства решался ключевой вопрос — где и в каких пропорциях следует развивать производственные мощности, чтобы обеспечивать рост экономики и благосостояния трудящихся при соблюдении равномерности удовлетворения разнообразных общественных потребностей. Он может быть:

— за счет строительства новых производственных объектов;

— за счет внедрения новой техники и технологий производства (разрабатываемых фундаментальной наукой и сетью отраслевых НИИ и КБ);

— за счет внутренних резервов предприятий и творческих возможностей производственных коллективов (рационализация и изобретательство, модернизация техники, организационное совершенствование производства, обновление ассортимента и выпуска новых видов продукции).

В результате учета всех этих факторов и составляются номенклатурно-количественные производственные планы для каждого производственного звена народнохозяйственного комплекса.

В рамках своей хозяйственной самостоятельности каждое предприятие развертывало укрупненные плановые задания в детальную программу

производства конкретных видов продукции в соответствии с запросами своих потребителей, а условия хозрасчета должны были создавать заинтересованность в росте объемов производства, выпуске более качественной продукции, расширении ее ассортимента и обеспечивали тем самым сыстиковку производства и общественных потребностей.

В 70-е годы пришли к выводу о необходимости подкреплять плановые задания договорными обязательствами поставщиков и потребителей производимой продукции. В развитом виде эта идея вообще лишает смысла директивное планирование, дублирующее договорные отношения между предприятиями.

Сложнее обстояло дело с поддержанием производственного оборудования в работоспособном состоянии. При отсутствии возможности свободно приобретать готовые запчасти к средствам производства каждое предприятие создавало свою ремонтную базу, подразделения которой обеспечивали бесперебойное функционирование средств производства. Это повышало издержки производства, связанные с содержанием оборудования и снижало эффективность народного хозяйства в целом.

Наиболее спорным моментом планов производства были предположения и расчеты относительно того, насколько рост производства может быть обеспечен за счет творческого фактора коллективов предприятий и их производственных мощностей. Со стороны руководства предприятиями здесь всегда возникало желание попридержать резервы экономического роста, с тем чтобы легче было выполнять напряженные плановые задания. Таким образом, само директивное планирование вызывало сдерживание полного использования резервов производства и тормозило экономическое развитие.

Литература.

1. Сурков В.Ю. «Долгое государство Путина», «Независимая газета», 11 февраля 2019 г.
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же.
6. К. Маркс. К критике политической экономии (предисловие, январь 1859) // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. М., 1959, т. 13, сс. 7–8.
7. Сурков В.Ю. «Долгое государство Путина», «Независимая газета», 11 февраля 2019 года.
8. Там же.
9. Там же.

10. Газета ОСГО «Власть, общество народ», № 42–43, специальный выпуск, «III. Конкретные материалы к конституциям Новороссии и будущей России», с. 4–6.
11. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, с. 370.
12. Сурков В. Ю. «Долгое государство Путина», «Независимая газета», 11 февраля 2019 года.
13. Там же.
14. Там же.
15. Путин напомнил о госфинансировании радиостанции «Эхо Москвы». Источник: Интерфакс. 30 октября 2017, 18:57.
16. Сурков В.Ю. «Долгое государство Путина», «Независимая газета», 11 февраля 2019 г.
17. Там же.
18. Там же.
19. Там же.
20. Там же.
21. В. И. Ленин «О кооперации», ПСС, издание 5-е, т. 45, с. 376.
22. Политическая экономия. Учебник. Москва, 1954, с. 250.
23. Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. Сочинения, т. 16, с. 158.
24. Там же, с. 158.
25. Там же, с. 200.
26. Там же, с. 203.
27. Там же, с. 162.

В следующем номере журнала:

- Как Сталину удалось преодолеть названные выше проблемы и выстроить самую эффективную экономику того времени?
- Как и почему следующие за Сталиным лидеры КПСС систематически разрушали сталинскую экономику?
- Как вернуть экономике России сталинские характеристики?

Кремлёв Н. Т.

НАШЕ БУДУЩЕЕ — КОММУНИЗМ

Сторонники дикого капитализма уверяют народ нашей Родины в том, что коммунизм якобы оказался выдумкой и в принципе — невозможен. Развал Советского Союза подается ими как доказательство несостоятельности социализма, который будто бы был построен в СССР, а развал экономики и распад страны, Совета экономической взаимопомощи и Варшавского договора — как якобы естественный процесс. В заключение «разъясняется», что марксизм и представления его последователей — опасная ошибка. Тем не менее, марксизм изучают и в тех странах, где господствует капитал, особенно в эпоху участвовавших финансовых кризисов, когда требуется усовершенствовать буржуазную экономику. Однако экономическая теория Маркса является лишь частью созданного К. Марксом и Ф. Энгельсом учения о развитии общества, и именно это учение вызывает отторжение у желающих бесконечно обогащаться. Дело в том, что марксизм доказал неизбежность смены капитализма на новое более совершенное общество — коммунизм, и это больше всего пугает буржуазию и ее слуг.

Открытие Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом теории общественного развития стало величайшим научным достижением середины XIX века, и ее основные положения до сих пор являются главными ориентирами для современных общественных наук. Исходя из потребностей людей [1], Маркс и Энгельс показали, что все человеческие общества, независимо от их географического расположения, от национальной принадлежности членов этих обществ, от их культурных, традиционных и прочих различий, идут, развиваясь, по одному и тому же пути.

Во-первых, абсолютно все люди воспроизводят человеческий род и все необходимое для жизни одним и тем же путем, и Маркс и Энгельс указывают на два вида производства [2]: на производство людей и производство средств к жизни. Производство людей помимо деторождения требует еще и социализации детей и молодых, включающей воспитание, образование, освоение господствующих в данном обществе норм поведения и ценностей, традиционно сохраняющихся в его культуре.

Во-вторых, облегчая и улучшая жизнь, люди постоянно вносят вклады в культуру своего общества, которые благодаря общению постепенно распространяются на другие общества, вплоть до всего мира. Производительные силы людей позволяют им использовать материальные силы природы и даже изобретать и создавать не существовавшие ранее производительные силы. Одни производительные силы позволяют людям легче трудиться и создавать больше благ, почти не влияя на отношения между ними, другие производительные силы, создавая новые сферы производства, в корне меняют отношения между людьми. Таким образом возникает новый способ производства, при котором определенные виды господствующих производительных сил создают новые производствен-

ные отношения, превращающие разные группы людей в занимающие определенные места в обществе социальные классы. Обладание господствующими производительными силами превращает их собственников в тот самый класс, который, передавая часть этих производительных сил [3] во владение, распоряжение и пользование другим, не обладающим этими производительными силами людям, превращает их в зависимые от себя подчиненные ему классы.

Великим открытием Карла Маркса и Фридриха Энгельса стала теория сменяющих друг друга формаций общества, различающихся между собой способами производства [4] материальных и духовных благ. Уточняя теорию формаций исходя из фактов социальной истории, в том числе и открытых после смерти Маркса и Энгельса, следует выделить 4 формации общества [5].

В основе ранней **первобытной общественной формации** лежали производительные силы человека и силы природы. Пользуясь естественным солнечным теплом, водой, растениями и животными, люди занимались охотой на животных и сбором растений, чтобы удовлетворить потребности прежде всего в еде. Части растений, шкуры, кости и рога животных, дерево, камни и прочие природные материалы служили им для изготовления одежды, жилищ и орудий производства. Таким образом, экономика первобытного общества ограничивалась охотой и собирательством, то есть заключалась в присвоении предметов природы.

На первоначальном этапе развития человечества его социальные организации представляли собой первобытные человеческие стада, постепенно отходящие в развитии от обезьяньих стад, во главе которых стояли наиболее сильные самцы, в сторону усиления интеллекта, когда наисильнейшие вожаки стали уступать место наименьшим и наиболее опытным «старейшинам» — немолодым, но крепким, мудрым, искусным и авторитетным руководителям. Подобно животным, люди первоначально жили родами и объединялись в общины родственными связями. Во главе рода стоял старейшина, хотя некогда им был либо реальный, либо подразумевавшийся мифический предок. Несколько родов объединялось во фратрию, которая некогда тоже была родом, но в силу разрастания разделилась на два или более мелких родов. Две или несколько самостоятельных фратрий, которые служили друг другу местом выбора супругов, временами встречались по поводу важных событий и фактически составляли племя, говорящее на общем языке, но не имевшее ни органов управления, ни руководителя. Постепенно экономическими ячейками стали не родственные, а производственные общины. Порой все взрослое население рода, фратрии, а позднее и племени собиралось на совет, где каждый имел право голоса, но практически жизненно важные вопросы решали старейшины родов и общин, среди которых выделялся один или группа наиболее авторитетных руководителей.

Каждое племя, подобно разместившимся в своем ареале животным, занимало определенную территорию, рассматривая ее вместе с объектами

неживой природы, произрастающими на ней растениями и обитающими животными как свою собственность. Отдельные вещи, включая и орудия труда, принадлежали отдельным людям, хотя по мере необходимости любым орудием мог воспользоваться любой член общины.

Между племенами происходил добровольный обмен как продуктами природы, так и продуктами труда, включая орудия производства, но военных столкновений по поводу присущей всем незначительной собственности практически не было. Эпизодические столкновения, происходившие чаще всего по подозрению членов соседнего племени в причинении вреда, редко заканчивались смертями и не перерастали в войны, поскольку соседние племена находились приблизительно в равных условиях, и взять с соседей было нечего.

Следующей общественной формацией стала **аграрная** (определяемая со стороны производительных сил) или **рабовладельческо-феодалная** (рассматриваемая со стороны производственных отношений), наступившая в результате постепенного изобретения земледелия, развившегося из специализированного собирательства. Возникновение земледелия изменило присваивающий характер экономики первобытного общества на **мелиоративное** (улучшающее) хозяйство аграрного общества. Данная природой, но искусственно обработанная с целью увеличения плодородия земля превратилась в главное материальное средство производства, а собственники этого средства производства в хозяев жизни.

Если присваивающее хозяйство первобытного общества ставило все племена в относительно равное положение, не позволяя делать длительные запасы, то мелиоративное хозяйство аграрного общества благодаря плодородию земли, поддерживаемому с помощью обработки почвы, ее увлажнения, удобрения и защиты растений позволило получать урожаи, которые было можно сохранить и использовать в течение длительного времени. Появилась и возможность отнять урожай, что первоначально и делалось по отношению к соседним племенам, рассматриваемым как чужие. Однако скоро оказалось более выгодным не отнимать весь урожай и имущество у обрекаемых на голод завоеванных соседей, а отбирать у них землю и собирать с них продукты питания (полученные с переданной новым хозяином земли ее прежним хозяевам во владение) и другие вещи в качестве дани, впоследствии превращенной в оброк; объявить часть земли полной собственностью завоевателей и заставлять покоренных работать на этой земле в пользу объявивших себя ее хозяевами захватчиков, что позднее превратилось в барщину; а также сделать своей собственностью захваченных в плен иноплеменников, превратив их в рабов и заставить работать в качестве слуг в домашнем хозяйстве покорителя. Таким образом собственники земли превратились в **аристократов (рабовладельцев-феодалов)**, а завоеванные иноплеменники в их **слуг**: лишенных прав и средств существования **рабов и крепостных**, владеющих полученной якобы от ее хозяина землей и за это вынужденных поставлять своему хозяину продукты своего труда и выполнять в его пользу определенные работы.

Первоначально некоторые племена начали составлять **союзы** родственных по происхождению и/или языку **племен** для нападения на неродственные и далекие по языку племена с целью захвата добычи и покорения потенциальных врагов или, наоборот, для защиты от нападений. Набегами чаще руководили вожди добровольных дружин, реже — старейшины, защитой чаще — старейшины, реже — вожди. В результате складывались общества, состоящие из разных **каст**: полноправных членов племени завоевателей и подчиненных и соподчиненных завоеванных, внутри которых разное положение занимали подчиненные и соподчиненные аристократы, люди разных профессий и различные категории зависимых. Касты, входящие в **господствующий класс**, по своему усмотрению составляли различные группы как из свободных, так из неравноправных (полузависимых от аристократов) и из бесправных слуг. Таким образом выстраивалась многоступенчатая социальная лестница, наверху которой стоял правитель государства, а внизу — бесправные рабы [6].

Все члены общества должны были выполнять традиционные обязанности, возложенные на них прежними и в данный момент властвующим правителем государства, а за их исполнением наблюдали и контролировали исполнение три рода чиновников, составившие **класс бюрократов: военные, гражданские и религиозные**. Профессиональными военными руководили командиры небольших отрядов (например, десятники), командиры значительных отрядов (например, сотники), командиры крупных отрядов (полковники, тысячники, легионеры и т. п.), наконец, начальники армий, подчиняющиеся верховному вождю, который нередко совмещал пост главнокомандующего и правителя государства. Гражданской (прежде всего экономической) жизнью руководили назначаемые правителем (царем, королем и т. п.) наместники, получавшие в управление области (например, воеводы или графы), которые нередко во время войны обычно руководили и военными армиями. Им подчинялись и должны были служить стоящие ниже на социальной лестнице аристократы, которые наряду с вышестоящими назначали сборщиков налогов и прочих распорядителей, у которых также могли быть в подчинении мелкие чиновники, обязанные непосредственно выполнять конкретные бюрократические поручения (порой постоянные, порой временно). Наконец, по мере развития религии, прежние колдуны, ранее выполнявшие магические обряды, стали превращаться в жрецов, руководящих молением тому или иному богу, которому посвящали молельные дома — храмы. Постепенно, по мере развития религиозных представлений, многобожие во многих случаях стало уступать место вере в одного бога, а правитель государства либо терял светскую власть, превращаясь в верховного жреца, либо, наоборот, оставлял за собой лишь управление государством (нередко совмещая его с командованием войсками), оставляя религиозные функции верховному жрецу, которому подчинялись жрецы рангами ниже, вплоть до жрецов и священнослужителей, помогавших жрецам и прочим священникам в подготовке богослужений и/или во время богослужений.

Класс **бюрократов** (или **чиновников**), который формально не обладал средствами производства, но фактически распоряжался ими и соответственно высоте полученного чина отправлял более или менее важные принудительные функции, заставляя выполнять поручения (строить, ремонтировать, возить, кормить и т. д.), отдавать подати (дань, оброк, налоги и т. п.), воевать, исполнять религиозные обряды, поклоняться начальству и т. п., таким образом обеспечивал власть правителей, военачальников, жрецов и прочих аристократов. Наиболее важные функции выполнял чиновничий **государственный аппарат**, отражающий интересы правителя государства. В случае неповиновения непокорных наказывала и карала армия. Позднее этим занимались полиция, судьи, тюрьмы и т. п. учреждения.

С течением времени люди научились лучше обрабатывать землю, заменив палку лопатой и мотыгой, затем сохой и плугом, влекомым домашними животными: лошадьми, волами и т. п., а также орошать водой, удобрять навозом и прочими отбросами, повышать плодородие, оставляя отдельные участки земли «отдыхать», засевая их восстанавливающими плодородие травами, отбирать наиболее урожайные сорта растений, скрещивать их и т. д. В результате урожайность стала расти и для получения необходимого количества сельхозпродукции требовалось меньше усилий и меньше людей. В животноводстве также рос объем производимого молока, мяса, яиц и других продуктов. Все больше и больше людей смогло переключаться с производства продуктов питания на производство ремесленных изделий. Именно успехи сельского хозяйства, способного производить достаточное количество продуктов пропитания, позволили перебросить человеческую рабочую силу в новое производство, которое отеснило производство питания на второй план по сравнению с производством вещей. В результате **аграрное общество** сменилось **обществом индустриальным**.

Индустриальное общество стало таковым благодаря новым производительным силам. Дело в том что благодаря наблюдениям, открытиям (которые все более и более приобретали научный характер) и изобретениям люди постоянно увеличивали ассортимент вещей, облегчающих труд, улучшающих жизнь, доставляющих удовлетворение и удовольствие. Разделение процесса труда на отдельные операции увеличивало его производительность. Рассеянные и особенно концентрированные мануфактуры позволяли производить больше вещей, чем могли создать отдельные мастера. Тем не менее, решающую роль в производстве вещей сыграло целенаправленное использование сил природы. Использование сил домашних животных для подъема тяжестей, подъема воды и т. п. давало лишь незначительный прирост производства. Использование силы ветра или текущей воды в значительно большей степени помогало производить, например, муку на мельницах. Однако решающую роль в увеличении производительности сыграло использование преобразованных сил природы. Тепло, сообщаемое воде, превращаемой в пар, позволило создать паровые

машины, нашедшие применение в различных сферах производства, например, в текстильной промышленности. Использование электроэнергии, вырабатываемой динамомашинными, запускаемыми благодаря давлению текущей воды, силы ветра и т. п., позволило вращать и передвигать самые разнообразные предметы. Широкое применение получили двигатели внутреннего сгорания и другая техника, использующая преобразованные силы природы. В процессе труда, помимо людей, стала участвовать техника, которой производство преимущественно обязано увеличением производительности труда. Именно с промышленной революцией, выразившейся в изобретении машинного производства, давшего возможность изготавливать товары дешевле и лучше, чем позволяло ремесленное производство, Ф. Энгельс связывал возникновение социальных классов буржуазии и пролетариата и самого буржуазного общества [7].

Именно **техника, приводимая в движение силами природы**, стала **главной производительной силой индустриального общества** и вызвала к жизни новые **производственные отношения**. Дело в том что в индустриальном обществе фабрики и заводы стали главными местами приложения труда, а их хозяева составили новый **класс буржуазии** (или **капиталистов**). Однако развитие товарно-денежных отношений вызвало к жизни не только **промышленных капиталистов**, но принесло производственные капиталистические отношения и в сельское хозяйство, превратив хозяев земли в **сельскую буржуазию**. Прежнее купечество превратилось в **торговую буржуазию**, а менялы и ростовщики — в **буржуазию финансовую**.

Буржуазия нуждалась в людях, готовых работать на принадлежащих ей предприятиях, поскольку был нужен физический труд, чтобы приводить в движение производящую технику, обрабатывать землю, грузить и перевозить товары, оформлять выдачу и получение денег, развивать производство, торговлю и способствовать увеличению богатства. Для этого требовались социально свободные люди. Рабство и крепостничество, в связи с развитием новых производственных отношений в индустриальном обществе, себя изжили, а заставить делать физическую работу удобно было тех, кто не обладал никакими средствами существования. Люди, лишённые средств производства и вынужденные искать средства для жизни на принадлежащих буржуазии предприятиях составили **класс пролетариат**. Промышленной буржуазии прямо противостоял основной отряд пролетариата — **рабочий класс**. В сельском хозяйстве на сельскую буржуазию работал **сельский пролетариат** (называвшийся в дореволюционной России батраками). Наконец, новый отряд пролетариата составила значительная часть **интеллигенции**.

К сожалению, люди, считающие себя коммунистами (хотя по большей части имеющие о коммунизме весьма туманное и ошибочное представление), получившие политическое образование в советское время (когда обюрократившаяся советская верхушка, стремясь оправдать свое социальное положение, ревизовала марксизм в удобном для себя варианте,

объявив пролетариатом лишь рабочий класс), как правило не знают, что классики марксизма всегда относили к пролетариату и различные слои работающей по найму интеллигенции [8]. Путаницу в понимание пролетариата внес также ошибочный перевод этой категории во втором английском предисловии Ф. Энгельса 1888 года к Манифесту Коммунистической партии, где пролетариат обозначен английским словом *labourers* («работники», а отнюдь не «рабочие») [9]. Во втором издании сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса к Манифесту нет не только предисловия ко второму английскому изданию, но и ни к одному изданию вообще, зато вместо верного определения пролетариата как «работники», «трудящиеся» дан неточный перевод — «рабочие». Исходя из ошибочного перевода все полуграмотные марксисты, не знающие ни одного из языков, на которых писали основоположники марксизма, полагают, что пролетариат и рабочий класс — одно и то же. Тем не менее, как отмечал еще В. И. Ленин, именно образованная, знающая марксизм интеллигенция вносит в умы рабочего класса пролетарское сознание [10]. На протяжении последних столетий интеллигенция всегда выдвигала из своей среды борцов за лучшее будущее, а в наше время стала самым передовым и мощным классом, борющимся за ниспровержение капитализма.

Если в аграрном обществе слуги в той или иной степени принадлежали аристократам, то в индустриальном лично свободные пролетарии вынуждены были наниматься на работу к капиталистам, и между буржуазией и пролетариатом сложились капиталистические производственные отношения, при которых наемный работник, согласно договору по найму, получал от капиталиста стоимость лишь части изготовленных им продуктов труда, а другая, часто более значительная часть стоимости изготовленных рабочим продуктов, доставалась капиталисту. Таким образом, **со стороны производственных отношений индустриальное общество стало обществом капиталистическим**. Согласно английским и французским писателям, Гегель назвал современное ему общество «гражданским обществом». По-немецки эта категория звучит как *die bürgerliche Gesellschaft*, то есть «общество бюргеров» (горожан, граждан) или «гражданское общество», но Маркс и Энгельс уже в 1845 году придали этому термину значение «буржуазное общество», имея в виду не жителей городов, а именно буржуазию — капиталистов [11]. Однако в настоящее время господа либералы и их приспешники до сих пор морочат нам головы, называя наше государство с экономическими отношениями эпохи свободной конкуренции, с неограниченным нерегулируемым рынком XXI века не буржуазным, а «гражданским обществом».

Поняв, что «гражданское общество» по сути своей является не обществом граждан, а обществом буржуазным, не вредно понимать и то, какой класс основоположники марксизма подразумевали под «**мелкой буржуазией**». Безграмотные политические активисты, неправоммерно объявляющие себя коммунистами и марксистами, обычно полагают, что мелкая буржуазия отличается от крупной лишь обладанием небольшим

количеством частной собственности и, соответственно, наймом небольшого числа рабочих. В действительности Маркс и Энгельс рассматривали мелкую буржуазию (*die kleinen Burgern*) как самостоятельный класс, который подобно буржуазии обладает частной собственностью на средства производства, но не использует чужой рабочей силы и лично трудится на собственном средстве производства. Такой класс первоначально составили унаследованные капитализмом от аграрного общества ремесленники, мелкие торговцы и владеющие мелкими участками земли крестьяне, втянутые в денежные отношения. В XIX–XX веках и в наше время ее представляли и представляют владельцы лавок и всяких прочих предприятий, в которых они работают сами, не нанимая других людей, а также крестьяне-единоличники, обладающие собственной землей, которую обрабатывают, прилагая лишь собственную силу. С одной стороны, представители мелкой буржуазии, которых в переводе точнее было бы назвать «маленькими (или мелкими) гражданами», стремились разбогатеть и иметь возможность нанимать работников, с другой, боялись быть разоренными по прихоти состоятельных буржуа, видящих в них конкурентов. Отсюда и их двойственное настроение: поддержать либо выступления пролетариата, либо политику буржуазии в зависимости от того, какое поведение представляется более выгодным [12].

Буржуазные капиталистические отношения окончательно установились во Франции в 1830 году, а в Великобритании в 1832 году с приходом буржуазии к власти. Первоначальный период капитализма получил в марксизме название эпохи «**свободной конкуренции**» с беспрепятственной свободой торговли, которую еще не контролировало государство. Именно за такую свободу выступают называющие себя либералами наши капиталисты и их лакеи. Однако не стоит забывать, что эта свобода оказалась свободой лишь для самих капиталистов, принеся трудящимся конкуренцию за рабочие места и другие бедствия, поскольку свобода конкуренции вылилась в свободу действий во многих сферах жизни, в попустительство (*laissez faire*), позволяющее безжалостную эксплуатацию трудящихся, о чем Ф. Энгельс писал еще в 1845 году [13]. Как выглядели такие свободные отношения, приводившие к обману, краже, избиениям и убийствам можно прочитать, например, в «Трилогии желания» Т. Драйзера.

В ходе «свободной конкуренции» большая часть капиталистических предприятий разорялась, меньшая разрасталась, и часть их превращалась в монополии в определенной области производства. Более того, началось объединение крупных предприятий в фирмы, которые нередко включали не только производителей товаров, но торговые и финансовые предприятия. Эти гиганты стали господствовать в экономике высокоразвитых капиталистических стран в 70-х годах XIX века на Западе, а в 90-х годах — и в России. В. И. Ленин прекрасно описал процесс развития монополий в работе «Империализм как высшая стадия капитализма» [14]. Создание монополий позволило их хозяевам разорять мелких конкурентов, утапливать и изменять цены, включая цену на рабочую силу. В результате

эксплуатация трудящихся усилилась. Вместе с тем, внутри крупных предприятий стало возможным регулирование и планирование производства.

Однако в масштабах страны продолжалось еще беспорядочное производство, приводящее к кризисам перепроизводства, вызванным затовариванием «свободного» рынка. Кризисы приводили к уничтожению значительной части товара, остановке производства, массовым увольнениям, обнищанию безработных и их семей, выступлениям трудящихся против хозяев предприятий и поддерживающего их правительства. Все это заставило государственный аппарат постепенно вмешиваться в частную экономику, а чтобы экономика не приходила в упадок, ему пришлось расширять действующие и создавать новые государственные предприятия. На это уже в 1880 году обратил внимание Ф. Энгельс [15]. Несмотря на рост и увеличение производительности частных предприятий, в XX веке проявилась тенденция увеличения государственного сектора экономики.

Оказалось, что монополистический капитализм, справедливо названный В. И. Лениным «империализмом», не стал последней стадией капитализма. Государственный капитализм, созданный в промышленности Советской России и господствовавший в СССР, постепенно стал развиваться во всех капиталистических странах. В передовой экономике современных развитых капиталистических стран он составил 25–35%, а в Швеции и Норвегии более 40% и приближается к половине. Тенденция разрастания государственного сектора в экономике, несмотря на временные откаты, — несомненна. Одурманенные вульгаризованным и ревизованным нашими бюрократами марксизмом современные псевдокоммунисты, даже читавшие ряд последних работ В. И. Ленина, не сумели обратить внимание на то, что Владимир Ильич постоянно выступал за создание госкапитализма в промышленности еще до начала революции и неоднократно повторял в ряде работ и выступлений после 1917 года, что в промышленности создан госкапитализм [16], указывая, что от него при власти в руках пролетариата можно будет легко перейти к социализму. Действительно, **государственная собственность** в индустриальном обществе отнюдь **не является общенародной собственностью**. Ф. Энгельс утверждал, что пролетарская революция заключается в том, что «пролетариат берет общественную власть и обращает силой этой власти ускользающие из рук буржуазии общественные средства производства в собственность всего общества» [17]. К сожалению, в СССР средства производства так и не стали общенародной собственностью.

Формально, то есть официально, ни один государственный чиновник не обладает собственностью на управляемые им средства производства, но фактически **класс бюрократов является коллективным собственником всех государственных средств производства**. При этом, чем выше чин, тем большим количеством средств производства и более мощными средствами производства распоряжается чиновник. Мастер распоряжается средствами производства, которыми пользуются руководимые им рабочие, директор — всеми средствами производства

завода, министр — средствами производства целой отрасли и т. д. Чиновники же нанимают трудящихся на работу в соответствии с условиями, разработанными теми же чиновниками. Неважно, получают ли чиновники небольшую фиксированную зарплату или высота зарплаты значительно увеличивается в зависимости от высоты чина. Конечно, государственный чиновник обязан работать в интересах государства и его граждан, что он отчасти и делает, но в наибольшей степени он заинтересован отражать волю вышестоящего начальства во главе с руководителем государства, даже несмотря на то, что приказы и распоряжения начальства могут противоречить интересам экономики и граждан. К тому же чиновник никогда не забывает себя, стараясь делать карьеру и всеми правдами и неправдами увеличивать свое денежное вознаграждение. Карьера и деньги становятся для него значительно более важными, чем служение Родине и народу. По этим причинам планирование от достигнутого фактически превратилось в СССР в псевдопланирование, тормозящее технический и научный прогресс и само продвижение к коммунизму.

Причина выдвижения Лениным идеи построения «социализма», а не коммунизма, который предлагали строить основоположники марксизма, также не удостоена вниманием псевдомарксистов. И Маркс и Энгельс постоянно выступали за ликвидацию капитализма и замену его коммунизмом, иногда разделяя его на первую и вторую стадии, как это сделано, например, в работе Энгельса «Принципы коммунизма» [18]. Теоретически рассуждая о принципах построения нового общества, которое сменит капитализм, основоположники марксизма могли употреблять как термин «коммунизм», так и термин «социализм». Тем не менее, **социализм** рассматривался ими прежде всего как **учение** о новом обществе, а не как стадия развития общества, что хорошо видно, например, из работы Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» [19]. Однако перед Лениным после октябрьского переворота встала практическая задача смены капитализма коммунизмом. Поскольку ни Маркс, ни Энгельс не оставили коммунистам развернутого описания коммунизма за исключением ряда положений в упомянутых выше «Принципах коммунизма» (которые после Великой отечественной войны фактически не изучались в приспособленных под утверждение власти советских бюрократов партийных школах и кружках), а также в «Критике Готской программы» К. Маркса [20] и отдельных положений, вошедших в несколько других работ, В. И. Ленин попытался ввести предлагающийся классиками марксизма такой принцип экономики как обмен продуктами вместо купли-продажи, осуществлять который вынуждала также гражданская война. Однако сбор предназначавшихся на продажу продуктов крестьянского труда (и прежде всего хлеба), необходимых рабочим и другому населению городов, из-за «усердия» части сборщиков, не привыкших размышлять о благоприятном решении поставленной задачи, нередко превращался в изымание семян, необходимых крестьянам на посев и еду, и почти не возмещался продуктами разоренной промышленности. Продолжение

такой экономической политики, получившей название «политики военного коммунизма», уже после гражданской войны, когда разоренная войнами промышленность городов почти ничего еще не могла дать деревне, привело крестьян к недовольству и потребовало возврата к рынку. Для оживления промышленного производства пришлось даже вернуться к временному возвращению мелкого и отчасти среднего капитализма. Вместе с тем были проведены важнейшие мероприятия, способствующие продвижению по пути к коммунизму. Это, прежде всего, культурная революция, ликвидировавшая безграмотность и давшая всем гражданам возможность в перспективе получить образование любого уровня. Благодаря плану ГОЭЛРО началось развитие промышленности и науки. Однако Ленину стало ясно, что переход к коммунизму будет длительным, и нужно было поставить не столь отдаленную цель, как коммунизм, а более близкую, которую представляла первая фаза коммунизма, но, чтобы не путали первую фазу с полным коммунизмом, он назвал промежуточную цель «социализмом». До этого основоположники марксизма рассматривали социализм как учение о новом передовом обществе социального равенства и справедливости и путях его достижения, порой называя его (например, как Ф. Энгельс) «научным социализмом» [21], и В. И. Ленин решил пояснить, что «Это новое, лучшее общество называется *социалистическим обществом*. Учение о нем называется *социализмом*» [22].

ГОЭЛРО, привлечение «старых» и зарубежных специалистов, закупка заграничной техники и другие мероприятия действительно стали шагами на пути построения коммунизма, но госкапитализм в промышленности не был преодолен. Капиталистические отношения не были преодолены и в сельском хозяйстве, где основная масса крестьян вела хозяйство как мелкая буржуазия, но небольшая часть крестьян превращалась в среднюю буржуазию, пользуясь трудом нанятых батраков. Разных форм кооперативы, лишь открывавшие возможность идти по направлению к общественному производству, хотя и становились коллективными, но по сути своей оставались частными предприятиями. Лишь позднее развернутая И. В. Сталиным коллективизация позволила продвижение по направлению к созданию на селе в перспективе общенародного хозяйства, а «сталинские пятилетки» способствовали развитию госкапиталистической промышленности, стремящейся к обеспечению потребностей граждан в вещах, что приближало к завершению госкапиталистических отношений.

Еще одно важнейшее требование марксизма, необходимое для построения коммунизма, позднее было отвергнуто в СССР. К. Маркс разъяснял: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*» [23]. Однако с подачи Н. С. Хрущева, предлагавшего отказаться от диктатуры пролетариата в пользу «общенародного государства», на XXII съезде КПСС в новую Программу КПСС было

включено положение о том, что «государство, которое возникло как государство диктатуры пролетариата, превратилось на новом современном этапе в общенародное государство в орган отражения интересов и воли всего народа» [24]. Позднее Конституция СССР от 7 октября 1977 года уже провозглашала: «Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое общенародное государство, выражающее волю и интересы рабочих, крестьян и интеллигенции, трудящихся всех наций и народностей страны» [25]. Такое положение фактически помогало классу бюрократии все далее и далее отодвигать советский пролетариат от власти.

Вместе с тем дальнейшее развитие образования и науки, необходимых не только экономике, но каждому члену общества, способствовало развитию знаний и **росту социального класса интеллигенции**, что прямо вело к развитию **производительных сил коммунизма**. Необходимость в интеллектуально развитых людях требовала и заботы об их здоровье, а следовательно, развития медицины, создания благоприятных условий жизни через фонды общественного потребления и сохранения естественной природы. Все это увеличивало **производительные силы человека и его совершенствование**. Такое **расширенное производство человека** фактически стало **целью** самого коммунизма. С течением времени и благодаря примеру СССР в передовых странах, где развивался государственный капитализм, но господствовал частный капитал, стали происходить подобные же явления. Если в 1960 г. в ФРГ, Франции, Италии, Нидерландах, Бельгии, Люксембурге, Великобритании, Ирландии, Дании и США вместе взятых производством материальных продуктов было занято около 50% всех работающих, то в 1982 г. только 35%. Наоборот, в нематериальном производстве, включающем интеллектуальный труд и производство услуг, в этих странах число занятых за то же время выросло с 50 до 65% [26]. На рубеже XX–XXI вв., по подсчетам ряда ученых, доля нефизического труда в экономически высокоразвитых странах составляла уже более 60% [27]. На рубеже XX–XXI вв. в сельском хозяйстве России в 2000 г. работало 14,5% от числа всех занятых, в 2005 г.— 10,2%, в 2010 г.— 9,7%; в Израиле в 2000 г.— 2,2%, в 2005 г.— 2,0%, а в 2010 г.— 1,7%; в Германии в те же годы соответственно 2,6%, 2,3% и 1,6%; в США соответственно — 2,6%, 1,6% и 1,6%; в Бельгии — 1,95, 2,0% и 1,4%; в Великобритании — 1,5%, 1,3% и 1,2%. За это же время значительно сократилось и число занятых в индустриальном производстве. Если в 2000 г. в промышленности России работало 28,4% от числа занятых, то в 2005 г.— 29,8%, а в 2010 г.— 27,95; в Германии соответственно — 33,5%, 29,7% и 28,4%; в Японии — 31,25%, 27,95% и 25,3%; в Израиле — 23,7%, 21,4% и 20,4%; в Великобритании — 25,1%, 22,2% и 19,1%; в США — 32,2%, 20,6% и 16,7% [28]. Число занятых интеллектуальным трудом оценить значительно труднее, поскольку современная статистика обычно сваливает в одну кучу и интеллектуальный, и управленческий труд, и производство «услуг», включающее и интеллектуальный, и физический труд, как в сфере воспроизводства человека, так и в области

потребления, входящего в общую сферу производства. Тем не менее преобладание умственного труда над физическим и рост его не вызывают сомнения. Например, по приблизительным подсчетам в 2003 г. в России рабочий класс составлял 28081 тыс. человек или 42,2% от числа занятых, а интеллигенция вместе со «служащими» (включающими преимущественно разного рода управленцев) — 33693 тыс. или 50,6% занятых [29]. Вместе с тем, в сфере интеллектуального труда идет рост творческого труда, о чем можно судить, например, по росту числа людей, участвующих в научных исследованиях. В 2003 г. в Китае число научных сотрудников (включая вспомогательный состав) достигло 1094679 человек, а в 2008 г. увеличилось до 1965357 человек; в Японии в то же время в научных учреждениях было занято соответственно 1081099 человек и 1159722 человека; в 2003 г. Германии число людей, работавших в научных учреждениях составляло 472533 человека, а в 2009 г. увеличилось до 529100 человек; в Италии в эти же годы в научных учреждениях работало соответственно 161828 человек и 239246 человек. Лишь в России, где научные исследования нацеливают преимущественно на пополнение карманов владельцев частных научных учреждений и иностранных толстосумов (для чего почти уничтожили даже систему Академии наук, где ранее трудилось более миллиона человек), число научных сотрудников (без вспомогательного состава) с 2003 г. по 2009 г. упало с 487477 человек до 442263 человек [30]. В целом в мире развитие интеллектуальных производительных сил все более и более стало требовать изменения производственных отношений в сторону их коммунизации.

В настоящее время **индустриальное капиталистическое общество выполнило свою роль**, обеспечив человечество необходимыми для жизни промышленными изделиями. Увеличение материального производства ведет только к растрате природных ресурсов, производительных сил и здоровья людей, уничтожению фауны, флоры и пригодной для жизни неживой природы.

Конечно, выполнение индустриальным обществом своей исторической миссии еще не означает, что не требуется развития промышленности, но погоня за прибылью частных лиц должна смениться общественной собственностью на средства производства, нацеленной на производство в интересах всех членов общества. Еще в 1843 г. К. Маркс и Ф. Энгельс писали о необходимости революционной смены частной собственности на средства производства общественной собственностью, без которой невозможен переход от капитализма к коммунизму. Более того, Ф. Энгельс отмечал тогда, что «три крупные цивилизованные европейские страны — Англия, Франция и Германия — пришли к заключению, что радикальная революция в общественном устройстве, имеющая своей основой коллективную собственность, стала теперь настоящей и неотвратимой необходимостью» [31], а при установлении в обществе единственной общественной собственности на средства производства, «анархия внутри общественного производства заменится планомерной

сознательной организацией» [32]. При вступлении на путь построения коммунизма прежде всего необходима переориентировка производства с прибыли на потребности производства и членов общества. Присвоение материальных продуктов труда станет при коммунизме «с одной стороны, прямым общественным присвоением продуктов в качестве средств для поддержания и расширения производства, с другой — прямым индивидуальным присвоением их в качестве средств к жизни и наслаждению» [33]. По этому поводу Ф. Энгельс писал, что «общественная анархия в производстве заменится общественно-планомерным регулированием производства сообразно потребностям как общества в целом, так и каждого его члена в отдельности» [34]. Значит, производство коммунистического общества будет исходить из материальных и духовных потребностей членов общества. Несомненно, надо будет производить новые вещи и те, которые еще потребуются изобрести. Нужно совершенствовать уже выпускаемые вещи, поднимая их качество и увеличивая срок их службы, одновременно делая их не вредящими здоровью и природе, но сохраняющими и то, и другое. Напротив, необходимо ликвидировать вредные производства и значительно сокращать излишества.

Ясно одно: сытое общество с налаженным бытом должно переориентировать свою деятельность, и единственно прогрессивную возможность предоставляет только коммунизм. Оставив позади индустриализм, необходимо всю общественную деятельность нацелить на расширенное производство человека, на совершенствование жизни **каждого конкретного члена общества**. Людям, физические потребности которых удовлетворены, требуется уже удовлетворение духовных потребностей до такой степени, чтобы каждый человек смог **самореализоваться**, а для самореализации нужны определенные предпосылки. К. Маркс и Ф. Энгельс указывали, что важнейшей целью коммунистического общества является всестороннее развитие личности [35], поскольку «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» [36]. Разумеется, для здорового физического развития личности необходимо хорошее медицинское обслуживание и, конечно, медики. Для духовного развития прежде всего требуются воспитание и образование, и следовательно, педагоги. Несомненно, медицина и педагогика нуждаются в творческом подходе, позволяющем определить заболевание, найти рациональный метод лечения, суметь заинтересовать в ученье, выявить и развить способности и т. д. Вместе с тем, каждый всесторонне развитый человек, если он становится личностью, то есть человеком, трудящимся на благо других людей и общества в целом, нуждается для этого в самореализации, самоосуществлении. Ведь именно работать с вдохновением, реализуя свои знания и способности, — значит не только удовлетворять свои интересы, но и приносить наибольшую пользу обществу. **Сочетание личного и общественного интереса** — основной принцип труда в коммунистическом обществе, отмечавшийся еще основоположниками марксизма [37]. Взаимоотношения человека с обществом прекрасно выразил

Маркс в четкой формулировке: «Каждый по способностям, каждому по потребностям!» [38].

Вне сомнения, физически и духовно изнуряющий рутинный труд (как примитивный ручной труд, так и обслуживание техники, при котором человек становится придатком машины) не способен удовлетворить всесторонне развитого человека. Конечно, и в сельском хозяйстве, и в промышленности можно найти элементы творчества, например, при выведении новых сортов растений и видов животных или при изготовлении новых изделий в экспериментальных мастерских, и в ряде других случаев. Тем не менее, как подсказывал Маркс, в силу того что машины вытесняют людей из процесса производства [39], людям придется заняться другим трудом. Он же отметил, что помимо «кооперированного труда» в промышленности есть и «всеобщий труд», разъяснив, что «всеобщим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение» [40]. В силу сокращения сферы физического труда и в силу необходимости развивать общество и культуру, **при коммунизме люди будут** заниматься преимущественно **интеллектуальным творческим** трудом: делать научные открытия, изобретения, решать медицинские проблемы, творчески подходить к воспитанию и образованию, создавать новые музыкальные произведения, романы, картины скульптуры, фильмы и т.п. Такой труд будет удовлетворять как интерес самого творца, так и духовные потребности общества. Именно **творческий** умственный труд станет главной сферой деятельности людей.

Еще в подготовительной рукописи к «Капиталу» К. Маркс утверждал, что техника — «овеществленная сила знания» [41], а само «всеобщее общественное знание (*Wissen, knowledge*) превратилось в *непосредственную производительную* силу» [42]. Относительно будущего можно сказать, что **основными средствами производства** для труда людей коммунистического общества станут накопленные человечеством **знания**. Эти знания они будут черпать из культурного фонда общества и в результате создавать новые знания. В этом плане **со стороны производительных сил коммунистическое общество** будет **обществом интеллектуальным**. Некоторые теоретики называют будущее общество «обществом знаний», хотя интеллектуальный и даже творческий труд не всегда будет завершаться производством новых знаний, например, при исправлении производственных ошибок, лечении болезни традиционным методом и т. д. Другие называют новое общество «информационным», и это абсолютно верно, если понимать «информацию» в прямом значении этого слова как «формирование», то есть создание нового знания или предмета. Однако «информация» чаще воспринимается во вторичном значении как «сообщение», что к новому обществу имеет лишь косвенное отношение, и социально малограмотными людьми воспринимается как общество, передающее всякого рода сообщения, а социально безграмотными — как «компьютерное общество», потому что с помощью компьютера можно хранить и передавать множество всяких сообщений.

Таким образом, новое общество, то есть **новая общественная формация со стороны производительных сил будет обществом интеллектуальным, а со стороны производственных отношений коммунистическим**. Суть же коммунистических отношений выводится из характера преобладающих производительных сил. Если в индустриальном капиталистическом обществе средства производства могут находиться в собственности отдельных лиц или небольших групп людей, то знания невозможно отобрать у человека, то есть невозможно, чтобы их присвоил другой. Возможно лишь воспользоваться чужими знаниями, но и это почти невозможно сделать помимо воли хозяина знаний. Во-первых, переданное другому знанию продолжает сохраняться в голове его создателя. Во-вторых, новое знание для того, чтобы стать достоянием другого человека или всего общества должно быть материализовано в условной понятной форме: вещественной, письменной, устной. В-третьих, согласно Марксу, знания — результат «всеобщего труда», потому что этот труд нацелен на то, чтобы новыми знаниями могли пользоваться другие люди, родная страна или все человечество. Любой творец будет обязательно трудиться для других, даже если его целью является лишь эгоистическое удовлетворение от признания его талантом, гением и т. п., хотя почти всегда творец хочет отдать свое новое знание людям, получая удовлетворение в процессе самого творческого труда. В-четвертых, присвоить знание просто бессмысленно, хотя в условиях капитализма существует «интеллектуальная собственность», позволяющая торговать новыми знаниями через патенты, и есть возможность производить новые вещи на основе купленных знаний или скрыть новые знания от других, чтобы продолжать старое производство, не перестраивая его на производство новых вещей, что требует значительных затрат. При коммунизме присваивать новые знания — просто бессмысленно, поскольку каждое новое знание в конечном счете совершенствует жизнь и открывает новые перспективы. Еще одной особенностью не только знания, но любого продукта интеллектуального труда является **невозможность** его синоминутной, а часто и любой **оценки** вообще. Сколько стоит «Капитанская дочка» А. С. Пушкина или «Первый концерт для фортепьяно с оркестром» П. И. Чайковского? Даже изобретение станка с программным управлением или электромобиля оценить невозможно. Сколько лет будут служить эти механизмы, какой доход они принесут их производителям, никому не известно, также как нельзя вычислить процент, который в этих доходах занимает само изобретение. Отсюда следует, что необходимость в денежной оценке интеллектуального труда отпадает.

Поскольку всеобщий характер творческого труда требует, чтобы его результаты были доступны всем членам общества, из этого следует необходимость отправлять его продукты, т. е. информацию (в прямом значении термина) непосредственно в фонды общественного потребления, откуда их как информацию (т. е. сообщение) может извлечь каждый нуждающийся в ней человек. Отсюда следует, что из процесса производства

идей **исчезает** такой процесс как **обмен**, а, значит, **рынок** и **деньги**. «Непосредственно общественное производство, как и прямое распределение, исключают всякий товарообмен, следовательно, и превращение продуктов в товар...» — разъяснял еще Ф. Энгельс [43].

Таким образом, подобно тому как продукты интеллектуального труда должны поступать в культурный фонд общества и извлекаться оттуда по мере необходимости всеми нуждающимися, так же и материальные продукты труда должны поступать в фонды общественного потребления и извлекаться оттуда, исходя из научно определенных потребностей каждого конкретного члена общества и возможностей общественного производства. Например, если в стране производится в год на каждого человека 54 кг сливочного масла, то каждый может рассчитывать на бесплатное получение 4,5 кг масла в месяц. Кто-то возьмет немного меньше, кто-то сможет получить немного больше. В конце года будет ясно: надо ли увеличить или уменьшить общее производство данного продукта. Удовлетворять материальные потребности можно на местах. Одни из них можно удовлетворять непосредственно на производстве. Например можно обеспечить трудящихся на обувной фабрике необходимой им обувью, на мясокомбинате — мясными изделиями и т. д. Другие потребности можно удовлетворять в месте проживания: на селе, в поселке, районе города. Несомненно, всегда будут создаваться дефицитные продукты, особенно новые. В таком случае их можно будет получать по очереди, с учетом большей или меньшей необходимости. Например, профессиональный музыкант должен скорее получить музыкальный инструмент, чем любитель, программист должен получить новый компьютер значительно раньше, чем школьник, увлекающийся компьютерными играми, и т. п. Помочь определить степень необходимости может, например, трудовой коллектив или соседское сообщество. Главное чтобы идущая по пути строительства коммунизма страна обеспечивала каждому члену общества возможность всестороннего интеллектуального и физического развития. Несомненно, на разных этапах строительства коммунизма **вводить распределение** через фонды общественного потребления **нужно постепенно**, бесплатно распределяя сначала лишь самые необходимые продукты и услуги. Советский Союз выделял своим гражданам больше услуг, чем любое частнокапиталистическое государство. Однако после развала СССР появились «социальные государства», предоставляющие своим гражданам стартовые возможности обеспечить себя жильем, питанием, предметами быта, возможностью получить желаемое образование и необходимое медицинское обслуживание. Коммунистическое общество сможет удовлетворять не только жизненно необходимые потребности, но **потребности**, позволяющие **самореализоваться** каждому конкретному члену общества, и большую часть его постоянно растущих потребностей.

Естественно, что такие возможности может предоставить только интеллектуальное общество. К сожалению, многие люди, объявляющие себя коммунистами, основываясь лишь на отдельных трудах марксистов,

но не освоившие марксистской теории общественного развития, полагают, что для достижения коммунизма достаточно лишь установить общественную собственность на материальные средства производства, увеличивать производительность труда и удовлетворять растущие физические потребности граждан. Фактически эти люди остаются в рамках «индустриального сознания», идущего не далее установления государственного капитализма и создания общества высокого потребления, и значительно уступают в представлении о будущем заграничным левым теоретикам, об идеях которых они не имеют ни малейшего представления.

Если **главной производительной силой интеллектуального (коммунистического) общества** являются черпаемые из культурного фонда общества **знания**, то им должны соответствовать **коммунистические общественные отношения**, суть которых — в обеспечении творческой обстановки для осуществления свободного труда для личности, реализующей свои способности в интересах общества. Такую возможность должно обеспечивать, как указывали основоположники марксизма, производство «на основе свободной и равной ассоциации производителей» [44]. Как отмечал К. Маркс, «на высшей стадии коммунистического общества ... труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни...» [45]. Член коммунистического общества не должен будет наниматься на работу, как при капитализме, а в соответствии со своим желанием и способностями будет вступать в самостоятельную организованный творческий коллектив, где будет выполнять выбранную им самим работу, соответствующую направлению работы данного творческого коллектива. Единственным условием труда нового члена коллектива будет лишь то, что результаты его труда будут приносить пользу обществу. Уже сам процесс творческого труда приносит личности удовлетворение, а положительный результат воспринимается как награда. Несомненно, не всякое открытие или изобретение будет удаваться и не всякий труд можно будет закончить в намеченные сроки, поэтому коллектив будет оценивать результаты труда и материально (например, получением ранее срока желаемой вещи, путешествия, отдыха на курорте и т. д.), и морально (наградами, званиями, похвалами и т. п.), поощрять или наказывать, временно переводя на менее квалифицированную работу, например, в помощь более знающему, опытному и более способному сотруднику или даже отстраняя от оказавшейся непосильной работы, так что переоценившему свои силы придется совершенствовать свои знания и способности или искать более простую работу. Свободный труд не является плодом фантазии. В лучших научных секторах, конструкторских бюро, экспериментальных лабораториях и т. п. Советского Союза и даже зарубежных стран нередко создавалась творческая обстановка. Даже в такой ассоциации как *Рэнд-корпорейшн* в Соединенных Штатах (где часть сотрудников работала против СССР) ее член мог выбрать любую работу, получая (в соответствии с капиталистическими производственными отношениями) субсидии от государства, от правительств штатов,

деньги от спонсоров из фондов, от организаций, от бизнесменов и других частных лиц в соответствии с самостоятельно заключенным сотрудником контрактом, не ориентируясь на прибыль и на интересы чиновников, но при обязательном условии, что результаты должны отвечать интересам страны [46].

Еще в 1866 году Ф. Энгельс отмечал, что по сравнению с буржуазным требованием равенства, уже выдвигаемое первыми пролетарскими партийными объединениями «требование равенства было расширено в том смысле, что юридическое равенство должно быть дополнено общественным равенством» [47]. Позднее он заметил, что главным условием установления равенства является «пролетарское требование уничтожения *самых классов*» [48], а понятие равенства, выдвинутое французскими рабочими во время Парижской Коммуны, включало требование «социального, экономического равенства» [49]. Еще позднее Энгельс пояснял, что Программа социал-демократической партии Германии должна включать борьбу «за равные права и равные обязанности всех без исключения» [50]. Исходя из утверждений основоположника марксизма, можно сказать, что **в коммунистическом обществе все люди**, будучи совладельцами всех средств производства, которые принадлежат всему обществу, будут **экономически равны**. Конечно, и любые знания станут доступны всем желающим членам общества, и каждый человек получит возможность разбираться в общественных процессах, что позволит ему **сознательно участвовать в управлении общественной жизнью**. Высокий уровень образования людей, занимающихся преимущественно умственным трудом, фактически превратит всех в **единый социальный класс — интеллигенцию**. Таким образом, не будет никаких классовых различий и никаких классовых противоречий. Установится **социальное равенство**. Не следует наивно полагать, что исчезнут все противоречия. Останутся физические и интеллектуальные различия. Люди будут отличаться по знаниям, темпераменту, работоспособности, силе воли и другим качествам, что не исключит возможных конфликтов, и жизнь постоянно будет ставить перед ними новые проблемы, но антагонистические отношения останутся в прошлом.

Ф. Энгельс показал, что в классовом докапиталистическом обществе прогресс был возможен «лишь при помощи разделения труда между массой, занятой простым физическим трудом, и немногими привилегированными, которые руководят работами, занимаются торговлей, государственными делами, а позднее также искусством и наукой» [51]. «Рядом с этим огромным большинством, исключительно занятым подневольным трудом, — пояснял Ф. Энгельс, — образуется класс, освобожденный от непосредственно производительного труда и ведающий такими общими делами общества, как управление трудом, государственные дела, правосудие, науки, искусства и т. д. Следовательно, в основе деления на классы лежит закон разделения труда» [52]. Как видно из приведенных утверждений, в классовых обществах важнейшей формой разделения

труда является **деление его между классами на управленческий и исполнительный труд**. Такого разделения **не может быть** в бесклассовом коммунистическом обществе. Следовательно, отпадает и необходимость в профессиональных управлениях.

Еще в середине 40-х годов XIX века основоположники марксизма утверждали, что «коммунистическая революция, уничтожающая разделение труда, в конечном итоге устранил политические учреждения...» [53]. Чуть позднее они писали: «Когда в ходе развития исчезнут классовые различия и все производство сосредоточат в руках ассоциации индивидов, тогда публичная власть потеряет свой политический характер» [54]. Еще позднее Ф. Энгельс пояснял: «Когда государство наконец-то становится действительно представителем всего общества, тогда оно само себя делает излишним» [55]. В. И. Ленин утверждал также: «Экономической основой полного отмирания государства является такое высокое развитие коммунизма, при котором исчезает противоположность умственного и физического труда, исчезает, следовательно, один из важнейших источников *общественного* неравенства...» [56]. Энгельс разъяснял, что в коммунистическом обществе «на место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами. Государство не отменяется, *оно отмирает*» [57]. Действительно, единая общенародная собственность на материальные и духовные средства производства (особенно как единственно возможная и необходимая форма собственности на знания), исчезновение социальных классов и социальное равенство, неограниченная возможность получения знаний позволяют по мере построения коммунизма переходить от государственного управления **через административное регулирование жизни общества к самоуправлению**. В конце периода перехода от диктатуры пролетариата к общенародному государству, когда исчезнут противостоящие друг другу эксплуататорские классы (буржуазии и бюрократов) и пролетариат, а все члены общества превратятся в интеллигенцию, исчезнет необходимость в структурах власти.

Принципы замены властного управления обществом на административное регулирование и самоуправление были хорошо разработаны называющими себя экологическими социалистами (эко-социалистами) членами Зеленой партией ФРГ и близкими к ним другими левыми западноевропейскими теоретиками. Не понимая, а поэтому нередко и не принимая марксизма, эти люди, подобно коммунистам, также полагают, что кризис индустриализма приведет к возникновению новой общественной формации [58], и эта формация характеризуется новыми ценностями, иными критериями рациональности и новыми отношениями в обществе [59]. Работа в новом обществе, по мнению эко-социалистов, должна удовлетворять нематериальные потребности, быть полной смысла, интеллектуальной, творческой. Над творческим трудом не должно стоять каких-либо иерархических структур, она должна быть приятной, неторопливой и оставлять свободное время на раздумье и отдых [60]. Западноевропейские левые

полагают, что взгляды «научных, технических и интеллектуальных работников» противостоят «технократической идеологии» [61], а по мнению западноевропейских зеленых, «постиндустриальную революцию» произведут люди «среднего класса» (большую часть которого составляет интеллигенция — *Н. К.*) [62]. В значительной степени зарубежными левыми разработаны и многие черты будущего общества [63].

Согласно левому футурологу, уже в недалеком будущем власть в обществе должна быть заменена «рационально-функциональным» руководством, разница между которыми подобна разнице между предписаниями чиновников и регулировкой движения полицейскими [64]. Действительно, в период перехода к коммунистическому обществу, когда все средства производства будут находиться в собственности всего общества и установится социальное равенство, исчезнет необходимость и во властных структурах. Регулировать общественную жизнь тогда сможет администрация, которую целиком будут выбирать все взрослые граждане. Голосуя за администратора, каждый гражданин фактически будет отдавать ему право направлять те общественные процессы, которые входят в компетенцию администратора. Со своей стороны администратор будет обязан работать в интересах своих избирателей, и если он станет действовать наперекор требованиям избирателей (например, в своих интересах), просто плохо работать или даже совершит преступление, то выдвинувшие его на административную должность граждане (или конкретный гражданин) могут отозвать его с должности или даже отправить под суд. Несомненно также, что администрация должна подвергаться ротации.

В этот переходный период необходимо перейти к открытой прямой демократии. Принципы прямой демократии, названной немецкими зелеными по основному принципу «базисной демократией», были прекрасно разработаны ими еще в 60-х — 80-х годах прошлого века. Главный принцип базисной демократии — опора на базис, то есть на гражданские инициативы. Естественно, что и в раннем коммунистическом обществе любые общественно полезные инициативы граждан должны будут воплощаться в жизнь. Другой важный принцип базисной демократии — «императивный мандат». Он означает, что избранные народом депутаты должны обязательно и прежде всего в своей деятельности выступать за проведение в жизнь наказов избирателей, своих партийных организаций и гражданских инициатив и лишь затем своих личных идей. Уже на ранних этапах строительства коммунизма любые администраторы также должны проводить в жизнь инициативы граждан. Принцип «частичной ротации» у немецких зеленых требовал замены половины руководителей партии или депутатов после отбывания половины срока избрания на новых руководителей или депутатов, а через прохождение еще половины срока замены другой половины избранных на новых избранных и так далее, хотя данный принцип оказался не вполне удачным. В процессе построения коммунизма определенная ротация администраторов, возможно, была бы полезна, и совершенно необходима периодическая сменяемость, чтобы пресечь попытки недобросовестных

людей закрепить за собой места в администрации, а затем превратить свои административные функции во власть. Весьма важным принципом базисной демократии является принцип «согласия меньшинства». Немецкие зеленые применяют этот принцип при голосовании партийных решений или решений депутатских фракций. Решение принимается большинством голосов, но его формулировка или требование должны отразить и мнение меньшинства, голосовавшего против. Коммунистическое общество, стремящееся отражать интересы каждой конкретной личности, также обязано руководствоваться и этим принципом. Еще один принцип базисной демократии, применявшийся при создании парламентских фракций — «квотирование», заключавшийся в стремлении провести в парламент равное количество мужчин и женщин при господстве в немецком обществе буржуазных отношений оказался не совсем удачным. Однако совершенно необходимо уже при строительстве коммунизма выбирать на руководящие должности как мужчин, так и женщин, как молодых, так и пожилых людей, а также представителей всех национальностей, профессий и т. д., чтобы отразить интересы всех групп граждан.

Развитое коммунистическое общество будет самоуправляемым. Проблемы самоуправления наиболее серьезно были разработаны также зелеными и близкими к ним левыми теоретиками. Для того, чтобы интересы каждого члена общества не остались без внимания, они предлагают обсуждать и решать все общественные проблемы в «обозримых» сообществах как по месту работы, так и по месту жительства. При этом в решении проблемы должны принимать участие не только члены трудового коллектива или соседского сообщества, но все желающие специалисты разного профиля и другие «заинтересованные лица». Например, в управлении производством необходимо участие не только непосредственных производителей, но и потребителей производимой продукции [65]. Согласно Зиндельфинденской программе Зеленой партии, местные сообщества имеют право на собрании со всеми заинтересованными гражданами решать что, где и когда производить [66], а принятие решений на местном уровне не исключает наличие «демократических самоуправляющихся органов» [67]. Зарубежные левые считают, что обходясь без законодательной власти, местные автономные сообщества, осуществляющие регулировку местной жизни и контроль за ней, по мере необходимости могут отправлять своих делегатов на собрание представителей этих сообществ: советов, коллегий, комиссий и т. п. Таким образом, например, в городе можно собирать народные ассамблеи всех граждан групп домов, представителей ряда собраний групп домов на квартальную ассамблею, а представителей кварталов на ассамблею всего поселения. Далее по мере необходимости могут собираться представители городов или больших территориальных единиц, составляющих большой регион. Представители регионов могут решать проблемы на национальном уровне, а представители национальных ассамблей собираться для решения общих наднациональных проблем [68]. Для осуществления местного самоуправления как зеленые, так

и другие зарубежные левые предлагают строить в городах микрорайоны с производственной структурой, позволяющей удовлетворять основные потребности граждан, предусматривая создание и таких помещений, которые служили бы местами встречи всех граждан, заинтересованных в решении местных проблем.

Действительно, в развитом коммунистическом обществе, где нет частной собственности, господствующих и подчиненных классов, где осуществлено социальное равенство и господствует справедливость, где человек человеку — друг, товарищ и брат, **пропадает и необходимость** не только **во властных, но и в административных структурах**. Благодаря высокому развитию техники и компьютеризации из культурного фонда общества возможно получать любую интересующую информацию, благодаря рациональному размещению производительных сил возможно **на местах удовлетворять основные материальные потребности**. На предприятиях и на местах с помощью высокоразвитых средств связи можно обсуждать любые проблемы, а при необходимости и встречаться внутри трудового коллектива общины, коммуны или иного сообщества (где голос каждого конкретного гражданина должен быть услышан и учтен при принятии решения) для всеобщего и научного подхода к решению возникших проблем. Региональные, общенациональные и наднациональные **проблемы можно решать с помощью референдумов**. При необходимости можно создавать планирующие и контролирующие органы, которые можно периодически обновлять, распускать или переизбирать, не превращая их в структуры власти. **Отношения между людьми должны сочетать личные и общественные интересы.**

Идеология коммунистического общества должна строиться **на основе новейших научных знаний** и способствовать прогрессивному развитию общества. В основу идеологии должен быть положен гуманизм, отвечающий не только интересам людей, но учитывающий и потребности животных. Необходимо сохранение и совершенствование развития не только фауны, но и флоры. Требуется оберегать и неживую природу, сохраняя благоприятные для жизни ландшафты, но не уничтожая и малопригодные для жизни ареалы. Нужно крайне осторожно и рационально расходовать в производстве и потреблении невозполнимые природные ресурсы, чтобы в результате перейти к использованию только возобновляемых ресурсов. Человечеству необходимы как технические так и гуманитарные науки, знания во всех сферах жизни. Любые общечеловеческие ценности, будь то великие открытия, достижения культуры или искусства и даже кажущиеся незначительными улучшения быта и настроения, — однозначно нужны и бесценны. Воспитание и образование должны быть нацелены не только на социализацию, но и на помощь в превращении молодых в личности, способные развивать общечеловеческую культуру, поэтому человек коммунистического общества должен уметь логически мыслить, не принимать все на веру и бороться с религией (а не с памятниками архитектуры и искусства) или верой в «приметы», а также с жестокостью,

грубостью и другими антиобщественными и антигуманными явлениями, изучая сущность и происхождение этих явлений, опираясь на достижения науки и культуры.

Как бы ни сопротивлялись общественному прогрессу гонящиеся за богатством эксплуататоры людей и живой и неживой природы, победит разум и коммунизм. Однако продолжение той же политики может привести к тому, что наша страна не только окажется в хвосте мирового прогресса, но будет расчленена на части, а народы нашей страны останутся без Родины и будут ассимилированы другими народами. Остановить общественный прогресс можно только уничтожением человечества, хотя вряд ли мизантропы будут уничтожать самих себя. Коммунизм наступит на всех континентах.

Литература:

1. Маркс К. Замечания на книгу А. Вагнера «Учебник политической экономии» (2-е издание) том I (1879) // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 2 изд. Т. 19. С. 390–391.
2. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства в связи с исследованиями Льюиса г. Моргана // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 2 изд. Т. 21. С. 25–26.
3. Голубев М. К. Собственность // Социологический словарь / Отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. М., 2008. с. 423–425.
4. Маркс К. К критике политической экономии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 2 изд. Т. 13. с. 6–7.
5. Подробнее смотрите: Кремлев Н. Т. Историческая социология. Вопросы теории общественного развития. М., 2016.
6. Подробнее смотрите: Кремлев Н. Т. Каста // Социологический словарь / Отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. М., 2008. с. 176–178.
7. Энгельс Ф. Принципы коммунизма // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4. с. 322–323.
8. См., например: Маркс К. Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2 изд. Т. 4. с. 427; Энгельс Ф. Международному конгрессу студентов // Там же Т. 22. с. 432; Энгельс Ф. Письмо Отто Бенигку 21 августа 1890 года // Там же. Т. 37. с. 380; Маркс К. Капитал. Кн. I. Гл. VI результаты непосредственного процесса производства. // Там же. Т. 49. с. 99–100.
9. Поляков К. Во всем виноват Энгельс! // ledokol_ledokol.livejournal.com>137609.html
10. Ленин В. И. Что делать? // Ленин В. И. Собр. соч. 4 изд. Т. 5. с. 355; Его же. Борьба пролетариата // Там же. Т. 9. с. 357.

11. Маркс К. и Энгельс Ф. *Немецкая идеология* // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2 изд. Т. 3. с. 35; Маркс К. *К критике политической экономии* // Там же. Т. 3. с. 6.
12. Энгельс Ф. *Революция и контрреволюция в Германии* // Там же. Т. 8. с. 10–11, 104–105.
13. Энгельс Ф. *Положение рабочего класса в Англии* // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 2 изд. Т. 2. с. 498.
14. В. И. Ленин. *Империализм как высшая стадия капитализма* // Собр. соч. Т. 22.
15. Энгельс Ф. *Социализм г-на Бисмарка* // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 2 изд. Т. 19. с. 182–183; Его же. *Развитие социализма от утопии к науке* // Там же. с. 222–223, 229.
16. Ленин В. И. *Грозящая катастрофа и как с ней бороться* // Собр. соч. 4 изд. Т. 25. с. 332; Его же. *Заседание ВЦИК 29 апреля 1918 г.* // Там же. Т. 27. с. 262–263; Его же. *О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности* // Там же. Т. 27. с. 302, 305–306; Его же. *О продовольственном налоге* // Там же. Т. 32. с. 308–309, 312, 315, 323–324; Его же. *IV Всемирному конгрессу Коминтерна, Петроградскому совету рабочих и красноармейских депутатов* // Там же. Т. 33, с. 380–382, 390; Его же. *О кооперации* // Там же. Т. 33. с. 432.
17. Энгельс Ф. *Развитие социализма от утопии к науке* // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 2 изд. Т. 19. с. 229.
18. Энгельс Ф. *Принципы коммунизма* // Там же. Т. 4.
19. Энгельс Ф. *Развитие социализма от утопии к науке* // Там же. Т. 19.
20. Маркс К. *Критика Готской программы* // Там же. Т. 19.
21. Ф. Энгельс. *Развитие социализма от утопии к науке* // Там же. с. 230.
22. Ленин В. И. *К деревенской бедноте* // Собр. соч. 4 изд. Т. 6. с. 330.
23. *То же* // Там же. с. 27.
24. *Материалы XXII съезда КПСС*. М., 1961. с. 396.
25. *Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических республик*. М., 1977. I *Основы общественного строя и политики СССР. Глава 1. Политическая система. Статья 1*. с. 3.
26. Hagelstange Th. *Die Entwicklung von Klassenstrukturen in der EG und in Nordamerika*. Stuttgart — Degerloch, 1980. S.154–155.
27. Алимova Н. К. *Современные проблемы рынка интеллектуального (научного) труда* // *Науковедение. Интернет журнал*. 2011. № 3(8). с. 39; Иноземцев В. Л. *Расколота цивилизация. Наличествующие предпосылки и возможные последствия постэкономической революции*. М., 1999. с. 33; Кирсанов К. А., Буянов В. П., Михайлов Л. М. *Теория труда. Учебное пособие*. М., 2003. с. 33.
28. *World Statistics Pocketbook // Department of Economic and Social Affairs. Statistical Division. N.Y.2012. p.21–208.*
29. Бельский В. Х. *Дорога в никуда и как с нее свернуть* // *Коммунист*. 2006. № 2. с. 25.
30. *Statistical Yearbook 2010. Fifty_fifth issue. Data available as of December 2011 // Department of Economic and Social Affairs. Statistical Division. N.Y., 2012. p.441–492.*
31. Энгельс Ф. *Анти-Дюринг* // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 2 изд. Т. 20. с. 294.
32. Энгельс Ф. *Успехи движения за социальное преобразование на континенте* // Там же Т. 1. с. 525.
33. Там же. Т. 20. с. 291.
34. Там же.
35. См., например: Энгельс Ф. *Эльберфельдские речи* // Там же. Т. 2. с. 543, 554; Маркс К, Энгельс Ф. *Немецкая идеология* // Там же. Т. 3. с. 196, 282, 441 и др.
36. Маркс К., Энгельс Ф. *Манифест коммунистической партии* // Там же. Т. 4. с. 447.
37. См., например: Энгельс Ф. *Принципы коммунизма* // Там же. Т. 4. с. 335.
38. Маркс К. *Критика Готской программы* // Там же. Т. 19. с. 20.
39. Там же. С. 323, 328; Маркс К. *Наемный труд и капитал* // Там же. Т. 6. с. 456.
40. Маркс К. *Капитал*. Т. III. Ч. I. // Там же. Т. 25. Ч. II. с. 116.
41. Маркс К. *Экономические рукописи 1857–1859 годов* // Там же. Т. 46. Ч. II. с. 215.
42. Там же.
43. Энгельс Ф. *Анти-Дюринг* // Там же. Т. 20. с. 320.
44. Энгельс Ф. *Происхождение семьи, частной собственности и государства* // Там же. Т. 21. с. 173.
45. Маркс К. *Критика Готской программы* // Там же. Т. 19. с. 20.
46. *Социология и власть. Сборник 2. Документы. 1969–1972 / Отв. ред. Л. Н. Москвичев*. М., 2001. с. 174.
47. Энгельс Ф. *Юридический социализм* // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 2 изд. Т. 21. с. 497.

48. *Его же. Анти-Дюринг // Там же. Т. 20. с. 108.*
49. *Там же.*
50. *Энгельс Ф. К критике проекта социал-демократической программы 1891 г. // Там же. Т. 22. с. 243.*
51. *Энгельс Ф. Анти-Дюринг // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 2 изд. Т. 20. с. 186.*
52. *Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Там же. Т. 19. с. 225–226; Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Там же. Т. 20. с. 293.*
53. *Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Там же. Т. 3. с. 378.*
54. *Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 2 изд. Т. 4. с. 447.*
55. *Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Там же. Т. 19. с. 224.*
56. *Ленин В. И. Государство и революция // Ленин В. И. Собр. соч. 4 изд. Т. 25. с. 440.*
57. *Там же. с. 225.*
58. *Flechtheim O. K. Ist die Zukunft noch zu retten? Hamburg. 1987. S.157.*
59. *Gorz A. Réforme et révolution. P., 1969. p.250.*
60. *Ebermann Th., Trampert R. Die Zukunft der Grünen. Hamburg, 1985. S.190,191,194,195,215,227,236,257.*
61. *Gorz A. Op. cit. p.41–42.*
62. *Porrit J. Seeing green. N.Y., 1986. p.116.*
63. *См., например: Pfriem R. Vorüberlegungen zur Möglichkeit nach-ökonomischen Gesellschaft // Perspektiven ökologischer Wirtschaftspolitik: Aussätze zur Kultivierung von ökonomischer Neuland / Hrsg. v. Projektprogramme Grüner Morgentau. Frankfurt a.M., N.Y., 1986. S.88–111.*
64. *Flechtheim O. K. Op. Cit. S.210.*
65. *Alteköster E. Kommunale Beschäftigungsinitiativen an Beispiel des London Enterprise Board // Perspektiven ökologischer Wirtschaftspolitik... S.225–234; LüdkeH.-W. Schlüssbemerkung // Die Grünen: Personen — Projekte — Programme / Hrsg. v. H.-W. Lüdke u. O Dinné. Stuttgart, Degerloch, 1980. S.202–203.*
66. *«Зеленые»: идеология и политика. / Гранов В. Д., Васин В. Г., Орлов Б. С., Фогелер Я. Г. М., 1985. с. 35.*
67. *Fischer J. Von grüner Kraft unt Helligkeit. Reinbeck bei Hamburg, 1984. S.100.*
68. *Bookchin M. Remaking society. Montreal, N.Y., 1989. p.193.*

СПИСОК АВТОРОВ:

Голубев Михаил Константинович — кандидат экономических наук.

Иванов Вилен Николаевич — член-корреспондент РАН,
доктор философских наук, профессор, консультант РАН.

Кремлев Николай Тихонович — кандидат философских наук,
старший научный сотрудник.

Староверов Владимир Иванович — доктор философских наук,
профессор, заслуженный деятель науки,
главный специалист ИСПИ РАН.

АДРЕС РЕДАКЦИИ ДЛЯ ПИСЕМ:

107014, г. Москва, ул. 3-я Сокольническая, д. 2, кв. 47,
Кремлёву Николаю Тихоновичу.
+7 (499) 268-05-27 (дом.), +7 (903) 261-60-45 (моб.),
E-mail: jourcom3@mail.ru

ЗАРЕГИСТРИРОВАН РОСКОМНАДЗОРОМ

Свидетельство о регистрации:
ПИ № ФС77-77296 от 17 декабря 2019 г.

Формат 84/108 Гарнитура «Times».
Бумага офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ xxxx
Отпечатано в ООО «Типография точка ру»
E-mail: info@printpointru.ru <http://printpointru.ru/>

Издательство «Порт-Приписки»
+7 (960) 194-61-45, E-mail: info@portpripiski.ru
<http://portpripiski.ru>
Москва-2020